

*Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)*

Е.В. Хмелева

**ВОСПОМИНАНИЯ
ПУШКИНОГОРЦЕВ.
ВОЙНА И МИР**

80-летию Победы в Великой Отечественной войне
посвящается

Сельцо Михайловское
Пушкинский Заповедник
2025

ББК $\frac{63.3(2) 622,9}{X 652}$

80-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается

Хмелева, Е.В.

X 652 Воспоминания пушкиногорцев. Война и мир. — Сельцо Михайловское : Пушкинский Заповедник, 2025. — 220 с.

ISBN 978-5-94595-146-4

Эта книга — результат долгой и внимательной собирательской работы: практически вся она основана на живых воспоминаниях людей — обитателей Пушкиногорья во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов и немецко-фашистской оккупации, которая на пушкинской земле продлилась три года — с 1941-го по 1944-й. Вошедшие в книгу тексты изначально писались как статьи и публиковались в журналах и сборниках; теперь, в юбилейный год Победы, они собраны вместе и представляют читателю детальную, яркую, эмоциональную картину военного быта в Пушкинских Горах и их окрестностях. Автор статей, Елена Васильевна Хмелева, знает практически всех своих рассказчиков не только как информантов, но и как соседей и односельчан, поэтому собранные ею материалы так подробны: это рассказы для «своего человека». Автор вместе со своими рассказчиками приглашает в этот «свой круг» — слушать, сочувствовать и сопереживать простым людям, на чью долю выпали трудные времена.

Издание предназначено для специалистов в области истории, краеведения, военного дела, а также для всех, кто неравнодушен к истории отечественной культуры и пушкинских мест России.

ББК 63.3(2) 622,9

ISBN 978-5-94595-146-4
(Пушкинский Заповедник)

© Государственный музей-заповедник
А.С. Пушкина «Михайловское», 2025

*80-летию Победы
в Великой Отечественной войне
посвящается*

Земля, хранимая святыми и волею ее людей,
Оберегаемая ими в дни лихолетий и страстей,
Ты благодатью напиталась и благодатью расцвела,
А скольким путь ты озаряла, а сколько душ людских спасла!
И неслучайно судьбоносный посланник Бога Серафим
Свершил здесь чудо, дав поэту внять звукам арф небесных сил.
Здесь пульс столетий гулко бьется, здесь сам Архангел Михаил
О нас заботливо печется, благословляя взмахом крыл.

Это стихотворение посвящается Пушкиногорью, той земле, на которой произошло чудо духовного преображения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, поэтому Пушкиногорье считают его «поэтической родиной».

В настоящее время на этой земле живут обычные люди, вроде бы ничем не отличающиеся от других людей. Но если их разговорить, то окажется, что они являются обладателями богатой информации, касающейся как истории родной земли, так и истории своего рода.

Когда слушаешь их рассказы, иной раз кажется: вспоминая былое, они словно заново проживают свою жизнь.

В основу сборника статей «Воспоминания пушкиногорцев. Война и мир», посвященного 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, легли воспоминания местных жителей, переживших суровые годы войны и принимавших участие в возрождении родных мест.

Елена Хмелева

ЭСТАФЕТА ПАМЯТИ

Пушкиногорский район в годы фашистской оккупации в воспоминаниях пушкиногорцев

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев в сборнике «Письма о добром» писал: «Воспоминание — это продукт памяти, а память — преодоление времени, преодоление смерти»¹. «Принято примитивно делить время на прошедшее, настоящее и будущее. Но благодаря памяти прошедшее входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединенным с прошедшим»². Сознвая это, люди старшего поколения передают молодым эстафету памяти, делясь с ними собственным жизненным опытом. Таким образом, они, возможно, не подозревая этого, как бы исподволь, формируют мировоззрение тех, кто придет им на смену. Пожилое население Пушкиногорья не является исключением. Погружаясь в воспоминания, эти люди зачастую словно заново переживают то, что ими давным-давно уже было пережито. Здесь приводятся рассказы пушкиногорцев, жизнь которых была опалена Великой Отечественной войной.

Летом 1941 года линия фронта стремительно приблизилась к границам нашего района. Александр Дмитриевич Малиновский в книге «Подпольщики Пушкинских Гор» писал о том, что в ночь на 4 июля (по другим данным 3 июля) трехмоторный немецкий бомбардировщик сбрасывал бомбы на Святогорский монастырь. Малиновский вспоминал:

«Я перебежал дорогу и по скату холма поднялся к собору.

Купол был разбит до основания. Искореженные жечь и железо каркаса лежали возле самого обелиска. Упали бомба чуть правее — и вместо могилы Пушкина была бы воронка, такая же, как у нашего дома...

В полдень над станцией Тригорской нависла целая армада бомбардировщиков, заухали взрывы»³.

Анна Васильевна Петрова, работавшая в начале войны продавцом в привокзальном ларьке, на всю жизнь запомнила свой последний рабочий день на железнодорожном вокзале. Спустя много лет она вспоминала: «Мой рабочий день уже подходил к концу. Я передала дела сменщице, подружке, и собиралась уходить домой. Как раз в это время прибыл очередной поезд с бойцами. Только солдатики высыпали на перрон, как

¹ Лихачев Д.С. Письма о добром. СПб., 2006. С. 207.

² Там же.

³ Малиновский А.Д. Подпольщики Пушкинских Гор. Л., 1984. С. 4.

*Мария Федоровна Григорьева, в девичестве Андреева,
и Анна Васильевна Петрова*

вдруг раздалось: «Воздух!» Их всех сразу как ветром сдуло — укрылись кто в вагонах, кто к кустам побежал. Я тоже к кустам кинулась, а сменщица за мной бежит, а сама, заикаясь, во всё горло кричит: «Жи-жи-жили вместе, в-в-месте и умрем!» Видно, накануне Пушкина читала, «Капитанскую дочку». Я-то на бегу свой белый халат скинула, а она в яркой желтой блузке бежит... Солдаты ей из-под кустов кричат: «Снимай кофту», — а ей нельзя, голая останется. Я шмыг к солдатам в кусты — и она за мной. И смех и грех, как говорится»⁴.

Другая жительница Пушкинских Гор, свидетельница этого авианалета, Мария Федоровна Григорьева, тоже помнит эту бомбежку. Вот ее воспоминания:

«Наша семья жила на Пушкинской улице. Когда началась бомбежка, я с сестрой и братишкой Вовкой находилась дома. Среди них я была старшей, к тому времени мне уже исполнилось 16 лет. Услылав взрывы, я схватила на руки маленького Вовку, и мы побежали прятаться в Рахов-

⁴ Пушкиногорский район в годы фашистской оккупации (по воспоминаниям жителей района): воспоминания А.В. Петровой. Запись Е.В. Хмелевой. 2.01.2013.

ские горы. На вершине одного из холмов мы залегли под раскидистым кустом. Я повалилась прямо на братишку, чтобы, если не дай бог что случится, хотя бы он остался жив. Потом к нам прибежала и мама.

Сначала немецкие самолеты бомбили Пушкинскую улицу и территорию «Трудовика», затем они полетели в сторону железнодорожного вокзала. Когда самолеты улетели, мы поднялись с земли и с вершины холма наблюдали за тем, как бомбят станцию Тригорскую. Самолеты казались крошечными, от них словно капли дождя отрывались бомбы, а под ними бурым облаком клубилась вздыбленная земля.

На следующий день большинство пушкиногорцев стали собираться в дорогу. В поселке царил суматоха. Резали скот, который нельзя было увести с собой, разбирали казенных лошадей, их в то время было много.

Папа пошел в военкомат с просьбой об отсрочке от армии, чтобы эвакуировать семью. Отсрочку дали, но с условием, что он будет обязан отменяться в каждом военкомате, находящемся на пути следования колонны беженцев. На работе отцу выделили кобылку Зорьку, на которой он в мирное время развозил по магазинам продукты.

Зорька была норовистой лошадкой, слушалась только хозяина, а если что-то было не по ней, то лягалась, кусалась и визжала. На этой кобылке везли свой скарб четыре семьи. Разумеется, взяли с собой только самое необходимое, но про топор забыли, как раз его-то больше всего недоставало во время нашего долгого скитания. Зато я захватила дореволюционные открытки с видами наших мест, а потом всем показывала, откуда мы пришли, хвасталась тем, что на нашей земле похоронен сам Пушкин, а значит, и мы не лыком шиты»⁵.

О том, что происходило в райцентре во время сражений на подступах к Пушкинским Горам, вспоминала Раиса Ивановна Белькова:

«В начале июля 1941 года немецкие самолеты стали бомбить Пушкинские Горы. Чтобы укрыться от бомбежек, мы объединились с другой семьей и в Раховских горах выкопали себе окоп, где и прятались. Во время бомбежек все пушкиногорцы спешили укрыться в лесу... Но были среди них и такие, которые, пользуясь случаем, опустошали в это время магазины...

Моя мама во время этой неразберихи тоже принесла домой из пищекомбината муки, булок и других продуктов. Пищекомбинат стоял справа от школы. Когда начались бомбежки, все те, кто работал на этом предприятии, то ли эвакуировались, то ли просто перестали выходить на работу. Покинув помещение, они даже не заперли дверь и оставили продукты.

⁵ Воспоминания М.Ф. Григорьевой. Запись Е.В. Хмелевой. 23.05.2013.

Несмотря на то, что у мамы было четверо детей, она всё то, что принесла с пищекомбината домой, отдала отступавшим через поселок солдатам. Бойцы шли голодные, усталые, просили у местных жителей попить водички. Мама предложила им пойти на пищекомбинат и набрать продуктов, но они наотрез отказались. Тогда мама отдала всё, что принесла для своей семьи. С этого времени, пока наши бойцы отступали, она выходила им навстречу и снабжала продуктами, которые брала с пищекомбината»⁶.

Раиса Ивановна Белькова

Далеко не всё население Пушкиногорья успело вовремя эвакуироваться. Во-первых, потому что Пушкиногорье находилось недалеко от границы, а во-вторых, потому что районное руководство скрывало от населения сведения о положении дел на фронте, чтобы не разводить панику.

Это предположение подтверждает рассказ Виктора Григорьевича Никифорова:

«Перед войной мой отец работал на строительстве аэродрома в деревне Захино Пушкиногорского района. В двадцатых числах июня рабочим сообщили, что началась война, и военнобязанным было приказано ехать на грузовике в Пушкинские Горы для призыва в армию. Однако в военкомате призывникам сказали, что никакой войны нет, что это провокаторы распустили слухи. Грузовик с рабочими вернулся назад, всем было велено вновь приступить к работе.

Рабочих распустили только тогда, когда враг вплотную подошел к Пушкинским Горам. Мой отец пешком пришел домой и сразу отправился в военкомат, но тот уже был закрыт, во дворе военкомата догорал костер, в котором тлели груды обгоревшей бумаги, а сильный ветер разносил по всему двору обгоревшие клочки документов»⁷.

⁶ Воспоминания Р.И. Бельковой. Запись Е.В. Хмелевой.

⁷ Воспоминания В.Г. Никифорова. Запись Е.В. Хмелевой. 10.05.2020.

Не удалось эвакуироваться и семье Раисы Ивановны Бельковой. Так она стала свидетельницей того, что происходило во время фашистской оккупации в Пушкинских Горах. Раиса Ивановна добавила к воспоминаниям Анны Васильевны Петровой, рассказавшей о бомбежке железнодорожной станции, сведения о том, что фашисты бомбили станцию не один раз. Во время этих бомбежек погибло человек двадцать. Тем не менее большая часть станционных построек в годы войны не была разрушена. В настоящее время оставшиеся постройки приспособлены под жилье, а здание железнодорожного вокзала, по словам Евгения Федоровича Аникова, бывшего в годы войны мальчишкой, в послевоенное время разобрали и из этих бревен на территории больничного городка поставили амбулаторию⁸. По сведениям другой рассказчицы, Алевтины Никандровны Изотовой, «само железнодорожное полотно немцы при наступлении разбомбили, поэтому поезда в годы войны по этой ветке железной дороги не ходили»⁹.

Бои на ближних подступах к поселку развернулись 7 июля. Особенно ожесточенные сражения шли у деревни Селихново. Целых девять дней части 24-го стрелкового корпуса 27-й армии Северо-Западного фронта, возглавляемого генерал-майором Кузьмой Максимовичем Качановым, обороняли дорогу, ведущую в сторону Пушкинских Гор, и мост, перекинутый через реку Великую. Девятого числа фашисты ворвались в поселок. Всю ночь с 9 на 10 июля шли бои за Пушкинские Горы. В результате этих боев враг был выбит из поселка. Неся большие потери, он отступил на левый берег Великой. Только «вечером 16 июля в связи с угрозой окружения (уже был взят врагом Новоржев), наши бойцы получили приказ отступить из Селихнова. Бои за Селихновский мост продолжались до утра 17 июля»¹⁰.

Фашисты наступали стремительно. Алексей Васильевич Михайлов вспоминал:

«Мне тогда было 16 лет. Наша семья не успела дойти до Новоржева, так как нам дорогу преградили фашистские войска. Мы вернулись в свою деревню Юнькино. В деревне было спокойнее, чем в поселке, где было полно немцев. Вскоре после нашего возвращения стали к отцу наведываться какие-то незнакомые люди, а после их ухода отец стал поручать мне то что-либо разузнать, то кого-то переправить к партизанам, то передать кому-то сведения или листовки.

⁸ Воспоминания Е.Ф. Аникова. Запись Е.В. Хмелевой. 3.03.2012.

⁹ Воспоминания А.Н. Изотовой. Запись Е.В. Хмелевой. 23.09.2014.

¹⁰ *Иванов М.* Девять дней 1941 года // Пушкинский край. 13.07.2010.

В то время всё трудоспособное население, находящееся на оккупированной фашистами территории, должно было нести трудовую повинность. В перечень работ, которые должны были выполнять местные жители, входило строительство сооружений линии «Пантера». Я тоже был направлен на эти работы, и мне было поручено передавать сведения о возводимых объектах партизанам.

Однажды во время выполнения одного из заданий меня ранило в ногу. Я полгода не показывался на улице, чтобы соседи ничего не заподозрили.

Как-то раз к отцу пришел деревенский староста и предупредил, что ему, по доносу соседей, поручено меня арестовать. Я ушел в партизаны. Там я служил в 41-м отряде 4-го полка 3-й Ленинградской партизанской бригады. Четвертого февраля 1944 года во время выполнения одного из заданий я был схвачен по доносу одного из местных старост. Когда меня вели в военную комендатуру, проходя мимо виселицы, установленной возле каменных амбаров, я подумал: «Когда поведут на казнь, брошусь наутек, пусть лучше пристрелят, чем болтаться в петле».

Меня доставили в подвал комендатуры, где устроили допрос, затем, связав кисти рук и подвесив меня за них на вбитый в стену железный крюк, избивали плеткой. Закончив допрос, мне повесили на шею табличку с надписью «бандит», так немцы называли партизан.

Жили заключенные там же, в подвалах комендатуры. Кормили нас один раз в сутки, выдавая кусок хлеба и кружку воды. Утром всех строем выводили во двор справить нужду. Нас в это время окружало до сорока вооруженных полицейских, находившихся на расстоянии метра друг от друга, и двое немцев с собаками.

Полицаи жили в комендатуре, размещавшейся в здании средней школы, а через дорогу от нее находилась квартира коменданта. Однажды меня повели на допрос к самому коменданту. Когда меня ввели в кабинет, коменданта еще не было. В комнате за столом сидела красивая девушка.

Алексей Васильевич Михайлов

*Пушкинские Горы. Школа крестьянской молодежи.
В годы оккупации в здании находилась немецкая военная комендатура,
а в подвалах содержали пленных*

Она тихо сказала: «Друзья подменили показания. Ты не партизан, а только показывал им дорогу. Настаивай на этом — останешься жив, но свободу не получишь. Когда войдет комендант, я дам тебе пощечину».

Когда дверь отворилась, девушка вскочила, отвесила мне оплеуху и стала кричать, то по-немецки, то по-русски, обвиняя меня в помощи партизанам. Комендант приказал ей успокоиться, затем ознакомился с документами и велел отвести меня в гестапо.

В гестапо меня снова допрашивали, избивали плетью, да так, что кожа отлетала ошметками. Иссекли и грудь и спину. Закончив допрос, сняли с шеи табличку с надписью «бандит», дали расписаться в протоколе допроса и отправили назад, в комендатуру. Как дошел до комендатуры, не помню. Через сутки меня с двадцатью другими заключенными на машине отвезли в Псков. Я оказался в концлагере Овсище. На территории лагеря были размещены два длинных барака, отделенных друг от друга колючей проволокой: один для мужчин, другой для женщин.

В мужском бараке по обеим сторонам от прохода прямо на полу лежала труха от соломы. По ней ползали крупные вши, поэтому казалось, что труха шевелилась. На этой соломе лежали люди. Когда я вошел в барак, меня кто-то позвал по имени. Оказывается, это был знакомый из соседней деревни Покормово, Гаврила Варфоломеевич Варфоломеев. Он вместе с женой и дочкой был отправлен в лагерь за то, что его сын ушел в партизаны. Я опасался, что та же участь постигнет и моих родных, но, как я позднее узнал, их предупредили, что я арестован, и они тайком ушли из деревни.

Гаврила Варфоломеевич, подозвав меня, предложил расположиться рядом. Не успел я лечь, как меня облепили вши, почуявшие запах крови, и стали разедать раны. Тогда Гаврила Варфоломеевич принес немного воды, достал из кармана завязанную в тряпицу щепотку соли, высыпал ее в воду и, аккуратно отодрав присохшую к телу окровавленную рубашку, смочил соляным раствором иссеченное плетью тело. Вши отступили, мне сразу стало легче.

Два дня нас не гоняли на работы. За это время я окреп, раны слегка затянулись, помог мне встать на ноги и Гаврила Варфоломеевич. Он иногда отламывал от своей пайки хлеба маленький кусочек и отдавал мне, несмотря на то, что он сам был крайне истощен и ослаблен. Пусть это был совсем маленький кусочек, который сразу таял во рту, но в то время и этот кусочек много значил. Во время разговоров Гаврила Варфоломеевич часто подбадривал меня, уверял в скорой победе наших войск, в том, что нас скоро освободят, а во время построения поддерживал меня, чтобы я не упал и меня не «пустили в расход».

Построение проходило утром во дворе концлагеря. Заключение становились в шеренгу, более крепкие мужчины поддерживали ослабевших товарищей. Перед строем проходил немецкий офицер, пересчитывая нас. В заложенных за спину руках он держал плетку, которой время от времени хлестал то одного, то другого арестанта. После построения нам выдавали по 200 граммов хлеба, а вечером после работ давали немного баланды, сваренной из кормовой свеклы.

Работали мы на берегу Великой на возведении каких-то бетонных оборонительных сооружений. После войны они были разобраны.

Советские войска наступали. 27 февраля Псков бомбили, а 28 числа всех заключенных рассортировали по возрасту, загнали в товарные вагоны, и поезд тронулся. Пожилых высадили в Витебске, а молодежь повезли дальше, во Францию. В нашем вагоне ехало где-то 70 парней и девушек. Только мы не разбирали, кто к какому полу относится, настолько были истощены, что все походили друг на друга.

Ехали мы долго, целых семь дней. В пути было много остановок: ждали, то когда починят взорванные пути, то когда прицепят вагоны с другими заключенными. За это время нас покормили один раз, в остальное время даже воды не давали. Большая часть людей, ехавших в нашем вагоне, скончалась.

Как-то поезд остановился на мосту, перекинутом через небольшую речушку. Немцы разматывали колючую проволоку, которой был заматан дверной проем, велели нам выносить из вагона трупы и сбрасывать их с моста. Затем нас снова загнали в вагон, дверной проем вновь заматывали проволокой; поезд немного проехал, остановился, и теперь заключенные из следующего вагона стали сбрасывать в речку своих мертвецов. Всё это продолжалось до тех пор, пока из всех вагонов не выкинули покойников. Позднее от жены Гаврилы Варфоломеевича, Прасковьи, я узнал о том, что она видела, как вынесли из соседнего вагона труп ее мужа и бросили в реку. Могилой Гаврилы Варфоломеевича, как и других пленных, скончавшихся во время этого переезда, стала Северная Двина.

Наконец прибыли в концлагерь, находившийся на территории Франции. Нам велено было раздеться и вымыться с мылом. Нашу одежду подвергли термообработке и выдали деревянные колодки.

Во французском концлагере рацион был разнообразнее, чем в Овсиче. К двумстам граммам хлеба и баланде добавили чайную ложечку сахарного песка и маленький кусочек маргарина.

На работы нас гоняли на берег Ла-Манша. Там, напротив границы с Англией, мы строили оборонительные сооружения. В этих местах была трава выше человеческого роста. Это помогло мне вместе с двумя другими заключенными совершить побег и влиться в ряды бойцов французского Сопротивления.

Во время одного из боев я снова был ранен в ногу и в плечо. Благодаря связям бойцов, раненных в этом бою, удалось переправить в интернациональный гражданский госпиталь, находившийся в городе Шербург.

Вскоре этот город был освобожден канадскими танковыми войсками, после чего все русские, находившиеся в госпитале, были препровождены в Англию. Там нас встретили радушно: каждый день поили какао, а допросы больше походили на собеседования, целью которых было убедить нас в том, что уровень жизни в Англии намного выше, чем уровень жизни в Советском Союзе; убеждали, что в наших интересах отречься от Родины и принять английское гражданство, а взамен обещали квартиры, машины, женщин. Из семисот человек искушению поддались единицы. Тех же, кто отказался от «райской жизни», отправили в концлагерь.

Через какое-то время представители советского консульства разыскали нас и добились нашего освобождения. Из узников концлагеря был создан Советский батальон. Восьмого марта 1945 года я вернулся на Родину»¹¹.

А.В. Михайлов рассказывал о том, что он был связным между местными подпольщиками и партизанами, затем стал бойцом 3-й Ленинградской партизанской бригады, сражавшейся с врагом под командованием легендарного комбрига А.В. Германа. Эта бригада, как и 2-я Калининская, действовала в северной части района, изгнав врага с территории Русаковского и Зарецкого сельсоветов. Так на территории Пушкиногорского района был образован партизанский край со своими законами.

В южной части района действовала Пушкиногорская партизанская бригада. Большая часть жителей района сочувственно относилась к партизанам, деревенское население оказывало им помощь, снабжая продовольствием и одеждой. Подозревая это и стараясь дискредитировать народных мстителей, фашистское руководство, по свидетельству А.В. Михайлова, «стало организовывать группы полицейских, выдававших себя за партизан. Эти оборотни приходили в избы с просьбой помочь партизанскому отряду продовольствием, пользовались гостеприимством хозяев, склоняли их к откровенному разговору, выведывая сведения о дислокации партизан, их планах и прочем. Затем, забрав продукты, зачастую убивали всех членов семьи»¹².

Так же, под видом партизан, действовал на территории района отряд Вани Пушкина, жителя деревни Слепни. Члены этого отряда занимались мародерством, грабили крестьян, насиловали девушек и даже девочек. Жительница нашего поселка Мария Федоровна Григорьева со слов очевидцев рассказала о факте изнасилования на глазах у матери, сельской учительницы, десятилетней дочери: «Девочка была очень красивая и была единственным ребенком в семье. Она отбивалась, плакала и всё кричала: «Не делайте этого, я еще маленькая»¹³.

Дети в условиях оккупации в силу своего возраста оказались самыми незащищенными и уязвимыми жертвами войны.

Алевтина Никандровна Изотова, в девичестве Шубина, вспоминает:

«Мой папа умер в 1935 году, после чего мама, Шубина Дарья Терентьевна, переехала вместе с нами, пятерыми детьми, к своей матери, бабушке Марфе, в деревню Рахово.

¹¹ Воспоминания А.В. Михайлова. Запись Е.В. Хмелевой. 17.04.2013.

¹² Там же.

¹³ Воспоминания М.Ф. Григорьевой. Запись Е.В. Хмелевой. 23.05.2012.

Алевтина Никандровна Изотова (в центре)

Когда началась война, мне было 7 лет. Помню, как мы стояли на крыльце бабушкиного дома, а в той стороне, где находился поселок, слышалось зарево и что-то грохотало. Мама тогда всё твердила: «Это война, это война».

Потом пришли к нам немцы и прямо на нашем огороде застрелили мою тетю Полю. Я сама этого не видела, но мне показывали место, где ее застрелили. Когда ее хоронили, я не поверила, что это тетя Поля, потому что в гробу лежала, как мне показалось, совсем другая женщина. Не признала в ней маму и моя двоюродная сестра Валя, и мы с ней решили, что тетя Поля жива и где-то скрывается. Немцы искали и мою маму, но не нашли. После этой облавы мама постоянно дома не жила, то приходила, то уходила.

Бабушка после гибели дочки долго не протянула. Тихо умерла на печке, так тихо, что никто даже и не заметил, как это случилось.

Люди говорили, что убили мою тетю за то, что она, как и мама, была связана с партизанами, и что выдал их наш сосед, Федя Дьяконов. Так это было или нет, я не знаю. Знаю только, что этот Федя Дьяконов был женат, имел четырех дочек и сына Юлика. С Дьяконовыми мы жили дружно, а с Юликом я в детстве играла.

После войны Федора Дьяконова осудили за сотрудничество с фашистами и дали девять лет. Федя не отсидел положенный срок, скончался от чахотки. Дом Дьяконовых до сих пор сохранился.

Усадьба Дьяконовых граничила с усадьбой Гусариковых. Хозяин этой усадьбы, Леша Гусариков, тоже понес наказание за пособничество оккупантам. В то время, когда у нас хозяйничали немцы, Рая, жена Гусарикова, предупреждала людей, чтобы его остерегались, не доверяли ему. Может быть, за это, а может быть, за то, что она что-то знала, чего не должна была знать, Леша Гусариков пытался ее вместе с сыном утопить в Великой, да не вышло: наши, деревенские, Раю с сынишкой отбили, спасли. Рая ушла от мужа.

Гусариков после того, как район освободили, пятнадцать лет скрывался. Жил в нашей деревне в яме, накрытой желобом, из которого прежде поили коров. Теперь-то я понимаю, для кого его мать, тетя Маня, в послевоенные годы меня просила газеты покупать. Я ей, бывало, говорю: «Тетя Маша, ты же неграмотная», — а она мне в ответ: «Ты мне и считаешь». — «Так я еще плохо читаю». — «Ничего, как-нибудь прочитаешь». Газеты я ей исправно носила, но в дом к себе она меня никогда не пускала.

Потом Гусарикова кто-то выследил, и однажды ночью устроили на него облаву. Только он из-под колоды вылез и пошел к дубу, тут его и схватили.

Когда в доме Гусариковых устроили обыск, нашли кучу всякого добра: несколько бочек соли, много кусков мыла, отрезы и еще всякую всячину.

У Гусариковых во время оккупации селились немцы. Жители деревни не знали, что хозяин дома сотрудничает с новой властью, и удивлялись тому, что фашисты останавливаются именно у Леши: семья-то у него небольшая, да и живет он посреди деревни. Дело в том, что немцы, как правило, выбирали для постоя безопасное место, то есть такое, чтобы изба стояла на краю деревни (это на случай бегства), а также чтобы в семье было много детей, так как такие семьи партизаны старались не подвергать опасности. С точки зрения жителей деревни именно наш дом был идеален для постоя. Помимо того, что наш дом был крайний, у мамы было девять ртов: пятеро своих детей, троє племянников, детей погибшей тети Поли, и мамина сестра, глупенькая Лизонька.

Те немцы, которые останавливались в нашей деревне, нас не обижали, даже иногда угощали конфетами, хлебом, а однажды даже дали мне немного крупы в пакете.

Но, видимо, не положено было немецким солдатам проявлять добрые чувства по отношению к местным жителям. Был такой случай: дал мне один солдат кусок хлеба, увидел это офицер, закричал на него. Мы с солдатом стояли в дверном проеме. Солдат аккуратно, легонько толкнул меня в плечо, но я от неожиданности упала и через несколько ступенек покатилась кубарем, а хлеб в сторону отлетел. Я поднялась, гляжу — солдат на меня жалостно смотрит и губы в трубочку вытянул, словно прощения просит. Я хлеб схватила — и бегом домой.

Я полагаю, что немецким солдатам возбранялось близко общаться с населением оккупированных территорий не только из-за того, что они могли проникнуться к нам сочувствием, но также из соображений гигиены. Как-то один немец меня посадил к себе на колени, дал кругленькую конфетку, похожую на толстую таблетку, и говорит: «Бом бом». А я вижу, что у него по пройме мундира ползет вошь, показываю на нее и говорю: «Пан, вошь». Он стряхнул ее и мне в ответ: «Гут, вошь».

С приходом оккупантов среди местного населения стали вспыхивать разные болезни и даже эпидемии. К примеру, я болела и дизентерией, и малярией, цингой. Говорили, что болеют в наших местах и брюшным тифом. Никаких правил гигиены мы в то время не соблюдали. У нас не было даже мыла, стирали одежду и мылись щелоком, который готовили из древесной золы. Мало того, что толку от него не было, он еще и кожу разъедал. В нашей семье ребяташки сначала мылись, потом мыться пере-

стали, ходили грязные, вшивые, а когда наша одежка засалилась от грязи, то вши куда-то делись.

Не одни мы были такие, многие жили еще хуже. Например, была в нашей деревне тетя Матрена. Ее почему-то все звали Тараканихой. Немцы ее дом спалили, она ходила от дома к дому и ночевала где придется, а во время обстрелов голову накрывала корытом. Однажды пришла она к нам, села на крыльцо и умерла. А я гляжу — сидит она мертвая на крыльце, а от нее в разные стороны вши расползаются.

Когда немцы становились на постой в какой-либо деревне, прежде чем употреблять в пищу колодезную воду, они заставляли местных жителей пить эту воду, а покидая деревню, часто травили колодцы или заваливали их мусором. Поэтому из колодцев мы воду не пили, а пили из луж.

Мы во время оккупации сильно голодали, так как немцы отбирали всё съестное. Нам приходилось есть очистки, дохлых кошек и собак, древесные угли, глину, мама нам пекла лепешки из мха и лебеды. Была у нас и коровка Звездоня, но она давала мало молока, потому что была больна бруцеллезом.

Во время рейдов за продуктами питания фашисты ворошили сено, протыкали его штыками, искали еду в подвалах, на чердаках.

Как-то оккупанты в очередной раз нагрянули к нам с обыском. Я тогда болела малярией, лежала на сеновале, меня трясло. Немцы забрались на сеновал и стали в сено штыками тыкать, а штыки у них длинные, раза в четыре длиннее, чем вилы. И тут один немец меня заметил, взял на руки, спустил с сеновала, прижал к себе крепко-крепко и всё повторял: «Киндер, майне киндер».

Был еще и такой случай: у нас был улей с пчелами. Мы собранный мед спрятали в туалете, под стульчаком, так немцы во время обыска даже там его нашли и забрали. Потом они стали требовать, чтобы мама вытаскила для них из улья рамки с медом. Мама объясняла им, как могла, что мед весь выкачан, пчелы голодные, поэтому очень злые, кусают, но фашисты ее слушать не стали и плетью погнали к улью. На маме не было ни маски, ни защитного халата, даже не дали ей взять дымарь. Мы, ребята, знали, что если пчелы сильно обкусывают человека, то он может умереть, поэтому обступили маму со всех сторон, так и шли, прижавшись к ней. А немцы в это время нас плетью подгоняли. Потом они остановились поодаль. Мы с мамой подошли к улью, а так как мы за маму цеплялись, сковывая ее движения, то улей опрокинулся и пустые рамки выпали из него, а рой улетел. Немцы увидели, что меда в рамках нет, и потеряли к нам интерес.

В то время, когда маму заставляли вытаскивать из улья рамки, старшие сестры и брат прятались, потому что никто не знал, зачем незваные гости на этот раз пожаловали — за продуктами или за молодежью, чтобы угнать в Германию. В Германию угоняли тех, кому уже исполнилось десять лет.

Моему брату Валентину в то время было около десяти, но он был рослым, поэтому мы за него тоже опасались. Что только не придумывали, чтобы схоронить его. Однажды спрятали в дерн, только маленькое отверстие оставили, чтобы он мог дышать. Я боялась, что он задохнется, не выдержала, побежала посмотреть, жив ли. Тут как пули над моей головой засвистели и ветки от яблони мне на голову посыпались — я скорее домой. Мама мне не велела больше туда ходить.

Ребята с десяти лет так же, как и взрослые, несли трудовую повинность. Детей заставляли копать окопы. Как-то раз мы с ребятами пошли за военную комендатуру, посмотреть только что вырытые окопы.

Домой мы возвращались через Раховские горы. Дойдя до того места, где раньше, по словам стариков, было озеро, мы остолбенели: на дне впадины была выкопана широкая, глубокая и длинная (метров сорок в длину) траншея. На самом краю этой траншеи по всей ее длине в четыре ряда стояли люди.

На пригорке, там, где теперь находится здание бывшей салотопки, стояли машины, а там, где в девяностые годы появился скотный двор, толпились немцы. Они отрывисто и громко говорили на своем языке. На нас никто не обращал внимания. Мы застыли и не знали, что делать.

Раздались выстрелы. Пленные полетели в траншею, при этом многие из падавших в яму хватались за соседей, увлекая за собой живых...

Тут неожиданно где-то прогремел взрыв, за ним другой. Немцы поскакали в машины и укатили. Мы подошли к траншее, оттуда доносились стоны. В огромной яме среди мертвых находились живые люди. Мы стали ломать ветки и с помощью этих веток помогали выбраться тем, кто мог это сделать. Мы вытащили человек двенадцать.

Что потом стало с этими людьми, я не знаю. Двоим из них мы с сестрой Ниной помогли скрыться. Эти люди плохо говорили по-русски, но мы поняли, что им нужно пробираться в сторону Новоржева. Нина сбегала в деревню за лошадью, привезла на телеге какое-то дохлое животное. Мужчины легли на телегу, мы их чем-то закидали, а сверху положили падаль. Лошадь, которую сестре дал кто-то из соседей, была настоящей доходягой. Эта кляча и тянула нашу телегу через весь поселок и дальше. До самого Новоржева мы этих людей не довезли, высадили где-то в поле.

*Справа каменный амбар, в котором были собраны дети
для отправки в концлагерь*

Потом в том месте, где мы вытаскивали из траншеи пленных, было расстреляно еще много людей, настолько много, что там стоял смрад от разлагающихся трупов.

В то время детей так не опекали, как теперь опекают. Где мы только в то время не бегали! Однажды кто-то сказал, что немцы взорвали могилу Пушкина, мы решили посмотреть, действительно ли это так, и пошли в Святогорский монастырь. Купол храма был взорван, всюду валялись груды разбитых кирпичей, искореженная жесь и прочий мусор. Могила уцелела, только угол цоколя был поврежден, и я точно видела, что из образовавшейся расщелины торчали черные волосы. Удостоверившись, что могила Пушкина цела, мы пошли домой, но на Пушкинской улице нас задержали и отвели в большой каменный амбар, стоявший рядом с военной комендатурой. Рядом с амбаром находились грузовые машины. В амбаре уже было полно детей, немцы, переводчик и старенький батюшка. Батюшка сказал: «Сейчас, ребятки, мы с вами будем учить молитвы. Повторяйте за мной: «Царю Небесный, Утешителю Душе истины, Иже

везде сый и вся исполняй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша». Мне молитва не шла на ум, я всё думала о том, что обо мне уже стали беспокоиться дома.

Рядом со мной находился мальчик, который хорошо знал эту молитву. Он мне и говорит: «Я буду громко читать, рот широко открывать, а ты на меня смотри и повторяй за мной». Я так и делала.

И вдруг раздался взрыв. Немцы засуетились. В амбар прибежали еще три немца, двое встали в дверном проеме, они вели себя беспокойно, всё оглядывались, а третий о чем-то переговорил с переводчиком, тот с батюшкой, и батюшка нам сказал: «Идите, детки, по домам».

Позднее я узнала, что нас хотели отправить в Германию, да помешало то, что партизаны взорвали какой-то мост.

Как Пушкинские Горы освобождали, я не видела. Перед отступлением немцы местное население погнали на выселки. Нас отправили в деревню Коростели. Эта деревня тоже находится в нашем районе между реками Синей и Великой. В Коростели были выселены не только раховцы, но и жители других деревень. Всех нас поселили в одном очень большом доме. Все мы голодали, поэтому приходилось ходить побираться.

Один раз пошли мы с сестрой Зиной по деревням побираться, дошли до какой-то реки, видим — на реке плот, возле него немцы. Немцы нас на плот заманили, завезли на середину реки и толкнули в воду. Мы с Зиной плавать не умели, стали за плот руками цепляться, так немцы нас по пальцам стали своими сапогами бить, чтобы наши руки отцепить.

Спасло нас то, что одежка наша и котомки за плечами надулись, как шарик. Вся наша одежда и даже нижнее белье были сшиты из мешковины. Тогда никакого мыла не было, да и не мылись мы, и одежду не стирали. Вся одежда засалилась до такой степени, что даже воду не пропускала. Это нас и спасло, кое-как выплыли на другой берег.

На берегу реки стояла деревня. Мы вышли к какому-то сараю, сели возле него и рассуждаем: «Сейчас пойдем чего-нибудь попросим в этот дом, потом в тот...» И тут слышим голос из сарая:

— Вы русские?

— Мы русские, — отвечаем.

— И мы русские. Спасите нас. Нас хотят в Германию угнать.

— А как?

— Считать умеете?

— Умеем.

— Отсчитайте от левого угла шесть камней, а седьмой попробуйте вывернуть».

На камень, который надо было вывернуть, я еще раньше обратила внимание, потому что он немного выступал и угол у него был острый. Мы под него долго подкапывались, выворачивали его, наконец вывернули и сразу ушли. Спаслись люди, сидевшие в сарае или нет, мы не знаем, но когда мы пошли побираться по избам, нам хорошо подавали: кто дал картофельных очисток, кто шелухи от гороха, и все нам почему-то говорили: «Спасибо».

Когда мы возвращались через эту деревню домой, на берегу реки доторал дом, а вокруг него горела рожь. Мы поели угольков и пошли дальше.

Через некоторое время каратели пришли за молодежью и в наш дом. Взрослые спрятали подростков в подвал. На крышку люка поставили большой шкаф. На пол постелили какие-то тряпки, и хотя был день, нам, детям, велели на них лечь. Когда пришли каратели, мы испугались, все почему-то стали кашлять. Немцы нас стали растаскивать, кого за руку, кого за ногу, чтобы посмотреть, кто это.

Глупенькая Лизонька, мамина сестра, когда это увидела, побежала в коридор, выломала там доску и этой доской как даст немцу по спине. Каратели ее схватили, стали избивать. Они ее бьют, и она им спуску не дает.

Потом Лизонька как закричит: «Где Нина, где моя Нина!»

А Нина, моя старшая сестра, в это время в подвале сидела. Тут каратели поняли, что молодежь где-то в другом месте прячется, пошли на улицу, стали там всё осматривать и нашли заколоченную дверцу, ведущую в подвал. Пока они отрывали доски и выбивали дверь, мама каким-то образом тяжелый шкаф с места сдвинула, люк открыла и кричит: «Нина, вылезай». А каратели к тому времени уже с улицы дверцу, ведущую в подвал, выбили и оттуда тоже по-русски кричат: «Нина, вылезай». Нина растерялась, не знает, в какую сторону ей бежать. Тут мама ее за волосы схватила, выволокла из подвала. Вслед за Ниной еще несколько человек выскочило. Но не все смогли убежать. Остальных немцы задержали. Дом, в котором мы жили, каратели спалили.

Вскоре после этого над Коростелями пролетел советский самолет и разбросал листовки, в которых говорилось, что наши близко и нас скоро освободят. Мы эти листовки ловили, целовали их, но дожидаться освобождения не стали, а решили, что нам как-то нужно самим пробираться в сторону дома.

Когда мы перебирались вброд через реку Синюю, погибло много народа. На этой реке было много виров: чуть-чуть свернешь в сторону — и засосет. Мы, дети, перебираясь через реку, шли след в след за мамой, которая вела за собой корову Звездоню. Когда наша семья уже подходила к противоположному берегу, нас заметили немцы, сидевшие в окопах, и открыли по нам стрельбу. Маму по касательной ранило в шею. Когда она падала, корова, шедшая за ней, подцепила ее на рога и швырнула на берег, а я, увидев это, от неожиданности оступилась и потеряла дно.

И на этот раз меня снова спасла моя грубая просаленная и заскорузлая одежда, не пропускавшая воду. Когда я окунулась, одежонка на мне надулась, как спасательный круг.

За происходящим, видимо, наблюдали наши солдаты. Они меня вытащили и маме оказали помощь. Как мы рады были, что добрались до своих! Мы, ребятишки, обнимали ноги спасших нас солдат и целовали их сапоги. Помню, что сапоги у них были грязные-грязные.

Когда мы шли в сторону дома, повстречали пленных. Пленные совали нам за пазуху какие-то записки с адресами, что-то говорили на непонятном языке. Моя сестра Нина эти записки потом куда-то пересылала, и нам некоторые адресаты отвечали.

Уже не помню почему, но в Рахове я пришла с сестрой Зиной. Мама с остальными детьми где-то задержалась.

В Рахове домов почти не осталось — все немцы пустили на блиндажи или сожгли. От нашего дома уцелела только печка, а на огороде стояло пять пушек. Ствол одной из них мы сохранили, он до сих пор лежит у нас на огороде. Когда же мы обрабатываем огород, то находим много патронов и осколков от снарядов.

Увидев, что наш дом сгорел, мы с Зиной нашли на краю деревни пустой блиндаж. Он был по колено заполнен водой. Мы притащили в этот блиндаж какую-то корягу, забрались на нее, вытянули ноги — так и переночевали.

На другой день мы с сестренкой пошли по малой дорожке в Пушкинские Горы. Смотрим, дорога как будто вся изрытая, и валяются на ней где рука, где нога, где какие-то тряпки, вымазанные чем-то черным, словно дегтем. Мы эти тряпки собрали, обмотали ими себе ноги. (Позднее мы узнали, что дорога, по которой мы шли, была заминирована и на ней уже погибло много людей.)

Дойдя до образцовой кузницы, мы остановились. Через дорогу была перекинута перекладина. На перекладине близко друг к другу висели

люди. Их ноги едва-едва не касались земли. Мы с Зиной пролезли у них между ног и пошли дальше.

Через какое-то время и мама с остальными детьми вернулась в деревню. Вернулись уставшие, голодные. Помню, лежим мы с мамой на холодной печке под открытым небом, а она и говорит: «Вы, ребята, лежите молча, берегите силы».

Потом мы на старой печине из блиндажей домишко соорудили, там и стали жить, а с голоду умереть нам добрые люди не дали. Нам пришлось ходить побираться, и хотя в то время все жили голодно, бедно, нам подавали, кто что мог. Весной нам кто-то дал картофельных очисток с глазками. Мы их посадили, к концу лета у нас уже была своя картошка.

Подкармливал нас и Семен Степанович Гейченко. Не знаю, каким образом мама с ним познакомилась, а только мы с мамой к нему ходили. Он обучал музыку мою двоюродную сестру, дочку убитой немцами тети Поли. Жена у него была не русская и очень добрая. Пока Семен Степанович с сестренкой занимался музыкой, его жена, бывало, на стол накроеет и к столу всех приглашает. А мама, когда увидела, что на стол накрывают, нам тихонечко сказала: «Если вас пригласят за стол, то вы ничего не ешьте, вам нельзя, вы не привыкли так много есть, иначе умрете». Нам очень хотелось есть, но мы боялись умереть — вот и не ели ничего. Семен Степанович потом всю еду, которая осталась на столе, в сетку положил и маме отдал. А еще я помню, он маме говорил: «Я двух девочек смогу в детский дом пристроить». И действительно, вскоре двух моих двоюродных сестер Валю и Тасю определили в Велейский детский дом. Шефствовал над этим детским домом Пушкинский Заповедник.

Сестренка моя, конечно, не стала музыкантом, но уроки такта и великодушия, которые преподавала нам семья Гейченко, мы усвоили на всю жизнь»¹⁴.

Война стала страшным испытанием для всех, кого она затронула. По-разному складывались судьбы людей, оказавшихся на оккупированной фашистами территории. Бывшая партизанка Мария Павловна Савыгина в статье «Об этом невозможно забыть», опубликованной в газете «Пушкинский край», писала: «Нелегко было не сломиться, не оступиться, а то и просто распознать, где враг, а где друг». Даже среди полицейских были те, кто помогал подпольщикам или был связан с партизанами... Были и такие, которые шли в полицию, чтобы найти потом партизан и уйти к ним, но фашисты умело превращали их в убийц, а потом их убивали свои... Сложно было жить, воевать, выжить

¹⁴ Воспоминания А.Н. Изотовой. Запись Е.В. Хмелевой. 23.09.2014.

и не запятнать свою честь... В Пушкинских Горах полиция Степана Тимофеева немцы заставили добывать цыган в мешке. Подпольщики по его просьбе переправили Степана к партизанам Киманова. Он был отважным бойцом. Но всё равно после освобождения Степана судили и дали пять или шесть лет тюрьмы»¹⁵.

Других полицейских, принимавших участие в казнях, не пощадили сами фашисты. Елена Анатольевна Федорова, со слов своей бабушки Екатерины Федоровны Баркановой, скончавшейся в 2007 году, рассказывала, что полицейских, забивавших цыганят в мешках, а также принимавших участие в расстрелах, перед отступлением расстреляли сами оккупанты¹⁶.

Изуверское уничтожение цыган в Пушкинских Горах, пожалуй, одна из самых страшных страниц в истории нашего поселка. Анатолий Малиновский в книге «Подпольщики Пушкинских Гор» пишет:

«Тете Проне кто-то сказал, что старый цыган признался на исповеди в соборе, что на всём таборе незамолимый грех: цыгане убили на новоржевской дороге немцев, которые хотели отобрать у них лошадей...

И вот теперь цыган хватают, будто преступников. Говорят, что их допрашивают, бьют, а вечером расстреливают в овраге у Раховских гор»¹⁷.

Многие жители поселка были свидетелями того, как цыган под конвоем полицейских вели на расстрел по улицам поселка.

Раиса Ивановна Белькова вспоминает:

«Я видела, как группу цыган вели по Пожарной (теперь Советской) улице на расстрел в Раховские горы. Они шли «плетнем», друг за другом, положив руки на плечи идущему впереди. Они прощались с нами и просили у встречающих прощения. Многие жители поселка, глядя на это, плакали, а некоторые последовали за пленными, провожая их до ветлечебницы. Я к ветлечебнице не пошла, а были и такие, кто даже на деревья забирался, чтобы видеть, что происходит в овраге.

Среди цыган, которых вели на казнь, находилась очень красивая цыганка с девочкой. Позднее я спросила у одного знакомого, наблюдавшего за казнью, о том, что случилось с этой цыганкой, а тот ответил: «Она сразу в яму не упала, так ее Юпатов лопатой забил»¹⁸.

¹⁵ Савыгина М.П. Об этом невозможно забыть // Пушкинский край. 22.03.2011.

¹⁶ Воспоминания Е.А. Федоровой. Запись Е.В. Хмелевой. 11.10.2014.

¹⁷ См.: Малиновский А.Д. Подпольщики Пушкинских Гор.

¹⁸ Воспоминания Р.И. Бельковой. Запись Е.В. Хмелевой. 20.05.2014.

Все казни в Пушкинских Горах совершались при деятельном участии Виталия Юпатова. Юпатов был помощником начальника карательного отряда, то есть заместителем начальника полиции.

По словам Марии Федоровны Григорьевой, семья Юпатовых перед войной проживала на Пушкинской улице неподалеку от здания средней школы. В детстве Виталий Юпатов отличался изуверской жестокостью по отношению к животным. Как-то содрал с живой кошки шкуру и выпустил на улицу. Таким образом он, видимо, хотел произвести впечатление на сверстников. Мальчишкам пришлось догнать кошку и убить, чтобы она не мучилась¹⁹.

В заметке «Народ всё помнит», опубликованной в газете «Пушкинский колхозник» в номере за 4 февраля 1959 года, говорится о судебном заседании по делу Виталия Юпатова:

«Несколько дней судебная коллегия по уголовным делам Псковского областного суда разбирала дело Юпатова на месте его злодеяний в Пушкинских Горах, в открытом судебном заседании. И несколько дней зрительный зал Дома культуры, где проходил процесс, был переполнен...

И вот теперь все пришедшие в суд оказались свидетелями страшных дел карательного отряда. Они всё видели, на всю жизнь запомнили и теперь, когда на суде Юпатов начинает врать, с места поправляют его:

— Врешь, мерзавец! Мы всё видели, ничего не забыли!»²⁰

Татьяне Александровне Сазоновой было всего 5 лет, когда отец взял ее с собой на судебное заседание по делу Юпатова. Она вспоминает: «Я тогда была маленькая, плохо понимала, о чем шла на суде речь, помню только, как рассказывали о казни цыганят, мне их так было жалко»²¹.

В ранее упомянутой заметке, опубликованной в газете «Пушкинский колхозник», тоже упоминается факт убийства цыганских детей:

«...Выводят маленьких цыганских детей. Сколько их было? Говорят, около двадцати... Дети плакали. Они чувствовали, что их ожидает что-то страшное.

— Ну, чего расхныкались? — с улыбкой Юпатов спросил детей. — Не плачьте, я отведу вас к папам и мамам...

И со своими полициями отвел их к яме...

Теперь скоро конец: остались одни грудные цыганские дети. Их отцы и матери помогали партизанам. Сегодня ночью к младенцам прибавился еще один: цыганка родила тут же, в подвале комендатуры.

¹⁹ Воспоминания М.Ф. Григорьевой. Запись Е.В. Хмелевой. 23.05.2013.

²⁰ Костров С. Народ всё помнит // Пушкинский колхозник. 04.02.1959.

²¹ Воспоминания Т.А. Сазоновой. Запись Е.В. Хмелевой. 15.03.2014.

Грудные не ходят, их не поведешь. Приносят несколько мешков. Юпатов со своими подручными складывает живых детей в эти мешки. Дети плачут... Чтобы они прекратили кричать, одного из полицейских заставляют забить их лопатой. Несколько ударов — и крики утихли, из мешка потекла кровь»²².

Сергею Павловичу Ефимову его бабушка рассказывала о том, как по распоряжению Юпатова полицейские бросали грудных цыганят по двое, а то и по трое в мешки и забивали их об угол ее мазанки, стоявшей напротив комендатуры. В конце восьмидесятих годов эту мазанку подновили, отремонтировав и обложив силикатным кирпичом. В настоящее время это дом № 33 на Пушкинской улице²³. В июле 1942 года гитлеровцами были расстреляны 83 цыгана, в том числе более 50 детей.

В годы оккупации казни в Пушкинских Горах стали частым явлением. А.Д. Малиновский писал: «Про расстрелы рассказывал Степан Кошелев. Его дом стоял на окраине, около заброшенного песчаного карьера. Почти каждое утро фашисты расстреливали в карьере схваченных патриотов, Кошелев поднимался на чердак, смотрел в щели фронта. Бинокла не было, и лица палачей и тех, кого они убивали, Степан видел смутно... За утро расстреливали трех-четыре человека»²⁴.

О том, что в карьере в годы оккупации проводились расстрелы, говорит и тот факт, что в послевоенное время родители не пускали детей играть в этот карьер, объясняя отказ тем, что там во время войны устраивались казни.

С. Костров в заметке «Народ всё помнит» пишет: «Юпатов рассказал на суде, что некоторые казни они устраивали публично и принуждали жителей присутствовать при повешениях советских людей»²⁵.

Раису Ивановну Белькову, бывшую в то время ребенком, настолько потрясла казнь раненного в живот партизана, что она до сих пор не может вспоминать о виденном без слез.

В заметке Кострова так говорится об этом: «...медленно движется по Пушкинским Горам телега. Лошади нет. Вместо нее в телегу впряглись несколько полицаев. Ох, как медленно движется телега! Скорее! Юпатов становится сзади, начинает ее подталкивать. В телеге лежит партизан. Известно только, что звали его Михаилом. Он тяжело ранен в живот. Одна из свидетельниц дала ему свое полотенце, чтобы хотя бы немного облегчить

²² Костров С. Народ всё помнит.

²³ Воспоминания С.П. Ефимова. Запись Е.В. Хмелевой. 10.09.2014.

²⁴ Малиновский А.Д. Подпольщики Пушкинских Гор. С. 651.

²⁵ Костров С. Народ всё помнит.

муки страдальца за народное дело. Так он и запомнился с окровавленным полотенцем на животе. Он не мог встать во весь свой рост. Он лежал, но до последней минуты он проклинал своих мучителей! Петлю ему на шею накинуд Юпатов. Приподнял с телеги и потом оттолкнул телегу»²⁶.

Зоя Александровна Лаптева также была очевидцем этой казни. Она отметила:

«Казнями в основном занимались полицаи, немцы старались руки не марать. Раненого партизана тоже казнили полицаи.

Виселица была установлена перед высоким глухим забором, соединявшим начальную школу и лавку, стоявшую справа от каменных амбаров»²⁷.

(Двухэтажное обшитое вагонкой здание школы, размещенной до войны в бывшем кабаке, было разобрано несколько лет тому назад, а лавку снесли вскоре после войны.)

А.Д. Малиновский писал: «Оккупанты принесли в пушкинский край страх, голод и суровый «орднунг» — «новый порядок»²⁸.

Жертвами этой войны оказались все те, кто был втянут в ее круговорот, в том числе и сами оккупанты — хотя бы в силу того, что многие из них на фронте оказались не по своей воле. Те немцы, с которыми в обыденной жизни довелось общаться З.А. Лаптевой, относились к ней доброжелательно. Один из них как-то разоткровенничался и сказал: «Мы не хотим этой войны. Пусть наш Гитлер с вашим Сталиным дерутся, если им хочется, а нам этого не нужно». Другой немец, вернувшись из отпуска, привез ей одежду своего погибшего сына.

«Однажды, — вспоминала Зоя Александровна, — я ловила в нашем озере подолом юбки рыбу, напоролась на оставленную кем-то острогу и сильно повредила ногу. На берегу озера сидел немец, он достал свой индивидуальный медицинский пакет, обработал мою рану и перевязал ногу. Я хотела его отблагодарить, предложила рыбы, но он ничего не взял»²⁹.

Р.И. Белькова также рассказывала о том, как немецкий врач оказал срочную медицинскую помощь ее матери, хотя в поселке работала больница, в которой лечили местное население. От вознаграждения он отказался, только попросил истопить баньку³⁰.

²⁶ Костров С. Народ всё помнит.

²⁷ Воспоминания З.А. Лаптевой. Запись Е.В. Хмелевой. 1.08.2012.

²⁸ Малиновский А.Д. Подпольщики Пушкинских Гор. С. 18.

²⁹ Воспоминания З.А. Лаптевой. Запись Е.В. Хмелевой. 25.05.2012.

³⁰ Воспоминания Р.И. Бельковой. Запись Е.В. Хмелевой. 20.05.2014.

По воспоминаниям Евгения Гавриловича Варфоломеева, в самом начале оккупации, в то время, пока еще не активизировалось подпольное и партизанское движение, фашисты хоть и зверствовали, но, видимо, заигрывая с народом, иногда вели себя гуманно по отношению к нашей вере, культуре и даже к обывателям. Колхозный скот, который не успели эвакуировать колхозники, немцы раздали крестьянам. На семью давали по корове, а лошадь выделяли на три семьи³¹.

Летними погожими вечерами на горе Закат новая власть устраивала танцы. На танцы позволено было ходить и местной молодежи. Но продолжалось это недолго. Через какое-то время в здании дореволюционного волостного правления, стоявшем на горе Закат (пер. Школьный городок, дом 3), по словам Р.И. Бельковой, оборудовали немецкую амбулаторию, а неподалеку от амбулатории появилось немецкое кладбище.

«С весны были вновь открыты Дом Пушкина и Домик няни в Михайловском. Наши не смогли эвакуировать музейные ценности в глубь страны: машины, что их везли, были схвачены возле Новоржева. Всё ценное оккупанты отправили в Германию, но что-то оставили, музей открыли»³².

Пробовали оккупанты привлечь на свою сторону и верующих. Успенский собор Святогорского монастыря, пострадавший от бомбежки, подремонтировали, в нем возобновились службы. Служил в Успенском соборе отец Владимир. По словам Анастасии Васильевны Виноградовой, местные жители ему не доверяли, потому что он пришел вместе с немцами.

Анастасия Васильевна вспоминала: «Непонятно было, за кого этот отец Владимир был, за наших или за немцев. Однажды во время службы, после молебна о победе немецкой армии, он сказал: «За врагов наших Господу помолимся!» Тут наши бабы на него взъелись: «Какие они нам враги? Они мужики да сынки наши!» Чуть батюшку не прибили. С тех пор батюшку никто не видел, видно, испугался, сбежал. После него при немцах служил отец Георгий, тот самый, который раньше служил в Печанах, но ему народ тоже не доверял. Наши в войну всё больше ходили в Казанскую церковь. Там служил наш местный батюшка, отец Иоасаф. Он молился за победу нашей армии. О нем поговаривали, что он был связан с партизанами»³³. Службы в Казанской церкви шли даже во время бомбежек.

³¹ Воспоминания Е.Г. Варфоломеева. Запись Е.В. Хмелевой. 16.10.2009.

³² *Малиновский А.Д.* Подпольщики Пушкинских Гор. С. 35.

³³ Воспоминания А.В. Виноградовой. Запись Е.В. Хмелевой. 3.08.2012.

Схимонахиня Анастасия вспоминала: «Во время Великой Отечественной войны бомбили немцы Святые Горы. Рядом дома с Казанской церковью взрывались. Настя Виноградова была ранена. А в храме служил отец Иоасаф — народу было битком. Он говорит народу: «Кричите что есть силы: «Господи, помилуй! Спаси нас, Матерь Божия, спаси нас!» Народ кричал во время бомбежки. Сбросили бомбу на храм, но она не взорвалась. Немцы удивлялись: как это, хорошая бомба не взорвалась»³⁴.

Анастасия Васильевна Виноградова

Анастасия Васильевна Виноградова, та самая Настя Виноградова, о которой упомянула схимонахиня Анастасия, хорошо помнит, что ранило ее вечером на Благовещение, то есть 7 апреля. Случилось это в 1944 году. Никто не знает, кто бомбил поселок, наши или фашисты, специально это делалось или произошло по ошибке. Известно только, что как раз 7 апреля 1944 года началась операция 2-го Прибалтийского фронта по расширению Стрежневского плацдарма, появившегося в конце марта 1944 года в районе деревни Чертова гора в результате прорыва силами 1-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта оборонительной фашистской линии «Пантера». Здесь, в 13 километрах от Пушкинских Гор, этой ночью шел самый кровопролитный бой за всю долгую историю существования этого плацдарма.

Анастасия Васильевна Виноградова о своем ранении рассказывала: «В тот день я пораньше ушла с вечерней службы, пришла домой (жила я возле церкви, на Лесной), села на скамейку возле дома. Темно уже было. Вдруг вижу, по небу огоньки летят, и слышу — самолеты ревут. И тут как взялись бомбить! Одна бомба взорвалась за нашим домом, меня в ногу

³⁴ Воспоминания схимонахини Анастасии. О подвижниках, похороненных близ Казанской церкви и Покровской часовни // Казанская церковь. Пушкинские Горы: сайт. Публ. 13.02.2008 [Электронный ресурс: <http://pushgory.net/content/view/23/32/>].

осколком ранило, и дядю Мишу ранило, и корову нашу... Корову сосед прирезал, а нас с дядей Мишей немцы на машину погрузили и в Поляне отправили. Там нам долго осколки тягали, затем отправили в госпиталь в Опочку. Что потом с дядей Мишей стало — не знаю, с тех пор я его больше не видела. Меня в госпитале долго лечили. Врачи были русские, но работали на немцев. Врачи лечили очень хорошо, а кормили в госпитале плохо: давали немного хлеба да суп из чечевицы»³⁵.

В «Книге Памяти» говорится:

«Вплотную к Пушкинским Горам фронт подошел в начале сорок четвертого года. В феврале были освобождены некоторые сельсоветы. Гитлеровцы не оставили там в целости ни одной постройки, всё выжгли. Они пытались угнать на запад всё население, но люди уходили в леса.

Фронт рассек район надвое. В Пушкинских Горах еще были враги, а в лесу, под деревней Селиваново уже действовал полевой военкомат, и наши земляки уходили в действующую армию, чтобы принять бой уже на Чертовой горе»³⁶.

Ожесточенные бои на Стрежневском плацдарме продолжались три с половиной месяца. Фашисты обстреливали Стрежневский плацдарм в том числе из Пушкинских Гор.

Сергею Павловичу Ефимову его мать, Зоя Михайловна Иванова, рассказывала о том, что фашистские орудия стояли в том числе на стадионе, в глубоком овраге напротив Святогорского монастыря³⁷. Из этого следует, что во время артобстрелов над Казанской церковью, возвышающейся на Тимофеевой горке, летели в сторону Стрежневского плацдарма снаряды. Возможно, эти снаряды не всегда долетали до намеченной цели.

Об одном из таких случаев рассказала Клавдия Кирилловна Иванова:

«Родилась я в Бирюлях. В январе 1944 года нашу деревню немцы сожгли, как и все другие деревни в округе. Всего было сожжено 72 деревни. Ни одного дома фашисты не оставили, ни одного сарая. Мы поплатились за то, что в наших местах действовали партизаны, а деревенские жители им помогали чем могли, в том числе снабжали продуктами.

Папа был на фронте, а нас с мамой выселили в Пушкинские Горы. Поселились мы на Горной улице. Было в то время очень голодно. Люди траву ели да гнилую картошку. У детей от этой пищи животы вздувало. Как правило, ни с того ни с сего вздуется живот — и нет ребенка. Много ребят

³⁵ Воспоминания А.В. Виноградовой. Запись Е.В. Хмелевой. 3.08.2012.

³⁶ *Савыгин А.М.* «Гордиться славою своих предков» // Книга Памяти. Т. 2. Псков, 1994. С. 353.

³⁷ Воспоминания С.П. Ефимова. Запись Е.В. Хмелевой. 10.03.2014.

тогда умерло. Было страшно, я каждый день бегала в Казанскую церковь Богу помолиться. Однажды сама видела, как снаряд упал возле алтаря и не взорвался. Я недалеко от этого места находилась. Это случилось днем, скорее всего, был апрель, потому, что всюду лежал грязный подтаявший снег. С тех пор мама меня в церковь не пускала. Потом нас переселили в барак на Почтовую. Барак стоял на перекрестке, в нем народу было набито битком. Почтовую бомбили летом, когда наши наступали. Немцы этих бомбежек очень боялись, все на гору Закат убегали прятаться»³⁸.

В воспоминаниях Клавдии Ивановны приводятся сведения о многочисленных скоропостижных смертях детей от вздутия живота, происходивших якобы от отравления пищей. На самом деле вздутие живота — это один из симптомов брюшного тифа, страшной вирусной болезни, по степени интенсивности распространения и количеству летальных исходов стоящей в одном ряду с чумой и холерой. Дети от брюшного тифа, как правило, умирают очень быстро.

По мнению Раисы Ивановны Бельковой, тиф в Пушкиногорье завезли беженцы из-под Ленинграда. Их разместили в домах пушкиногорцев. Семья Раисы Ивановны тоже приняла беженцев. Одна из беженек была очень больна и всё время лежала на печи. Потом за ней приехали и забрали ее в тифозный барак. Вскоре после этого заболел тифом отец Раисы Ивановны. Раиса Ивановна вспоминала: «Когда заболел папа, помню, сидят они рядышком с мамой на лавке, папа ей говорит: «Я умру, а ты не имеешь права умирать, тебе еще надо детей на ноги поставить. Потом за папой приехали и увезли его в тифозный барак, находившийся в деревне Воронич, я ходила туда его проводывать. Мама тоже переболела тифом, но осталась жива. Это было в 1941 году»³⁹. Доставку в тифозные бараки осуществлял дед Виктора Григорьевича Никифорова. Виктор Григорьевич вспоминал: «Мой дед Никифор Петрович доставлял в тифозный барак больных и сам заразился тифом. Немцы очень боялись тифа, поэтому было отдано распоряжение наш дом сжечь. Спасибо, помог уличный староста Петр Иванович Прохоров. Он головой поручился за нашу семью, заверив, что пока в доме находятся больные, никто из него не выйдет. Дедушка умер от тифа в 1941 году»⁴⁰.

Эпидемия косила людей на протяжении всех трех лет оккупации.

В начале сорок четвертого года к Пушкиногорскому району вплотную подошел фронт. Еще «в марте 1943 года, задолго до подхода линии

³⁸ Воспоминания К.И. Ивановой. Запись Е.В. Хмелевой. 19.04.2012.

³⁹ Воспоминания Р.И. Бельковой. Запись Е.В. Хмелевой. 20.05.2014.

⁴⁰ Воспоминания В.Г. Никифорова. Запись Е.В. Хмелевой. 10.05.2020.

Пушкинские Горы. Памятник на братском захоронении партизан, подпольщиков и мирных жителей, расстрелянных в 1941–1944 годах немецко-фашистскими захватчиками

фронта к Пушкинским Горам, немцы приступили к систематическому разрушению «охранявшегося» ими Святогорского монастыря. По свидетельству священника И.Д. Дмитриева, немцы дважды подрывали главную церковь монастыря — Успенский собор, построенный в XVI веке по повелению Ивана Грозного»⁴¹. Но, видимо, этого им показалось недостаточно. Под основание Святой горы, на которой у алтаря Успенского собора находилась могила Пушкина, фашисты прорыли тоннель и заложили в него большое количество взрывчатки. Тоннель был прорыт под дорогой, огибающей Святую гору.

Зоя Михайловна Иванова рассказывала своему сыну Сергею Павловичу Ефимову о том, как однажды она, спустившись в овраг, случайно вышла к этому тоннелю. Тоннель был широкий и довольно высокий, в нем горел электрический свет. Из глубины тоннеля доносились мужские голоса. Из услышанных реплик можно было сделать вывод, что люди, находившиеся в тоннеле, выпивали и закусывали⁴².

Благодаря счастливому стечению обстоятельств, расторопности командиров и самоотверженности бойцов, освобождавших Пушкинские Горы, взрыв Святой горы и могилы Пушкина удалось предотвратить.

Пушкинские Горы были освобождены 12 июля 1944 года. Немцы покинули поселок, оказав лишь незначительное сопротивление. Однако освобождению поселка Пушкинские Горы предшествовали долгие кровопролитные бои на Стрешневском плацдарме, унесшие тысячи человеческих жизней.

Много лет прошло с тех пор, но в памяти людей старшего поколения по сей день живут воспоминания о военном лихолетье. И мы, представители нового поколения, тоже не имеем права забывать об этом, так как память, по определению Дмитрия Сергеевича Лихачева, есть «основа совести и нравственности». «Подобно тому, как личная память человека формирует его совесть... так историческая память народа формирует нравственный климат, в котором живет народ»⁴³.

⁴¹ Савыгин А.М. Пушкинские Горы. С. 119.

⁴² Воспоминания С.П. Ефимова. Запись Е.В. Хмелевой. 10.03.2014.

⁴³ См.: Лихачев Д.С. Письма о добром.

ВОЙНА И МИР ТАМ, ГДЕ ПРОХОДИЛА «ПАНТЕРА»

По воспоминаниям жителей Пушкиногорского района Псковской области

«Пантера» — это немецкая линия оборонительных укреплений. На карте она напоминает хребет хищной кошки, застывшей в стремительном прыжке. «Пантера» являлась частью «Восточного вала», протянувшегося от Финского залива до Азовского моря. «Восточный вал» был разделен на два рубежа — «Пантера» и «Вотан». Оборонительный рубеж немецких войск «Пантера» был создан в полосе групп армий «Север» и «Центр», а «Вотан» на южном фронте в полосе действий армий «Юг» и «А».

«Восточный вал» стал возводиться еще зимой 1941–1942 годов, когда в связи с провалом операции «Тайфун» и переходом Красной армии в наступление немецкие войска были отброшены от Москвы в среднем на 250 км.

На территории, которая в 1944 году вошла в состав Псковской области, оборонительные сооружения начали возводить с середины 1942 года, но особенно активно строительство оборонительных сооружений велось летом 1943 года.

«Оборона представляла систему опорных пунктов и узлов сопротивления, соединенных между собой траншеями, со сплошным прикрытием оборонительных позиций противопехотными и противотанковыми препятствиями и заграждениями.

Оборонительный рубеж «Пантера» был насыщен фортификационными сооружениями и заграждениями, наиболее развитыми в глубину на важнейших направлениях. Глубина обороны в среднем составляла 4–6 километров. По западному берегу реки Великой создавалась вторая полоса обороны. Перед передним краем рубежа обороны в дополнение к естественным препятствиям противник установил искусственные препятствия и заграждения: противотанковые рвы, надолбы, минные поля и др. Дороги перекрывались железобетонными или деревянными стенками. Основу оборонительных позиций составляли траншеи и деревоземляные валы с открытыми площадками для ведения огня и железобетонные укрепления-убежища для солдат.

Противопехотные препятствия были установлены сплошной полосой перед передним краем обороны 30–40 метров от траншей. Они состояли из одного-трех рядов усиленного проволочного забора на кольях и спиралей Бруно.

В качестве противотанковых препятствий были отрыты рвы шириной до 5 метров, глубиной до 4 метров, одетые бревнами»⁴⁴.

Оборонительная линия «Пантера» пересекла многие районы Псковской области, в том числе и Пушкиногорский, разделив его надвое. Она протянулась от Новоржевского района до Островского, пройдя через святыне для каждого более или менее образованного человека места: через Пушкинские Горы, Михайловское, Тригорское, Петровское. Здесь приведены воспоминания тех, кто, проживая в Пушкиногорском районе, оказался не только свидетелем, но и невольным участником возведения оборонительной линии. Поскольку события прошлого и настоящего взаимосвязаны, в рассказах очевидцев приводятся сведения не только о фашистской оккупации, но и о предвоенном, а также послевоенном периоде их жизни.

В основном в тех населенных пунктах, через которые проходила «Пантера», сценарий событий был один и тот же: сначала местные жители от мала до велика под страхом смерти работали на возведении оборонительных сооружений, на ремонте и расчистке дорог, а в самом конце оккупации их отправляли на выселки. Участник боев на Стрешневском плацдарме Илья Иванович Вокин вспоминал: «Когда освободили Пушкинские Горы, я пошел искать могилу Пушкина. Меня удивило, что в поселке я не увидел ни одного местного жителя»⁴⁵.

* * *

Жившая в деревне Бурлово Галина Григорьевна Михайлова вспоминает:

«Деревня наша находилась неподалеку от дороги, ведущей из Новоржева в Пушкинские Горы. Когда началась война, мне было 13 лет. Узнала я о том, что этот паразит напал на Советский Союз, по радио. Мы с подружкой в тот день были в Пушкинских Горах на ярмарке. Ярмарку на Девятник в Святых Горах устраивали испокон веку. Народу собралось на ярмарку со всех окрестных деревень столько, что если потеряешься, то своих в этой толпе не отыщешь. Ярмарка гуляет, шумит, люди веселятся, и вдруг по радио, что висело на столбе, объявляют, что на нашу страну

⁴⁴ Куликовский А. Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне. Рига, 1967.

⁴⁵ Воспоминания И.И. Вокина. Запись Е.В. Хмелевой. 13.07.2013. См. в: Война и мир там, где проходила «Пантера». Написано по воспоминаниям жителей Пушкиногорского района Псковской области // Псков. 2016. № 44.

без объявления войны напала Германия. Народ забеспокоился, собрался возле столба, все слушают. А мы с подружкой глупые еще были, отнеслись к этому известию как к очередной новости, о которой мы можем самые первые в деревне рассказать и таким образом оказаться в центре внимания. Как две сороки, побежали радостные к себе в деревню.

Потом в нашу деревню стали приходить повестки мужикам о призыве в армию. Многих тогда отправили на фронт, даже Николаю Павловичу, который только-только с Финской вернулся, пришла повестка. А папу в армию не взяли, он по возрасту не подошел, староват оказался. Не подошли по возрасту и мои братья Саша и Митя, слишком молоды были.

В самом начале июля фашисты бомбили Пушкинские Горы, вскоре после этого события пришлось распоряжение эвакуировать наш колхоз. Жителям деревни раздали колхозных лошадей, мы погрузили на телеги пожитки и погнали скот, подальше от немца. Только недалеко прогнали: до Новоржева не дошли, как завернули нас обратно.

Вернулись мы в деревню, живем, как и прежде, а всё равно на душе беспокойно, ждем, что-то дальше будет. Раз вышла я на улицу, смотрю, а над нашим огородом летит где-то около десятка парашютистов. Бабы на них глядят, толкуют о чем-то. Мама увидела, что я подошла и говорит: «Пойдем, дочушка, домой, наверно немцы спускаются».

За деревней наша председательница тетя Ньюша на одного из них наткнулась. Парашютист ей по-русски говорит: «Откуда вы, куда идете?» Но она смекнула, что он не наш, и отвечает: «Посевы иду посмотреть», — а сама скорей-скорей от него.

Когда немцы уже заняли наш район, то первое время в лесу неподалеку от нашей деревни скрывались окруженцы. Они пытались пробиться к Новоржеву. Некоторые из них заходили в нашу деревню и просили, чтобы деревенские жители снабдили их гражданской одеждой. Бойцы переодевались и уходили.

Мой папа отдал всю мужскую одежду, какая у нас была, осталось только то, что было на нем да на старшем сыне. И тут приходит к нам еще один солдатик, уже не молодой, и просит переодеть его. Отец стал с себя рубаху снимать, а мама и говорит: «Что ты делаешь, сам-то в чем останешься?» А он маме в ответ:

— В солдатское переоденусь.

— Тогда и тебя за солдата примут, убьют, — говорит мама.

Папа что-то с себя снял, что-то в доме для солдата отыскивали. Солдат обрадовался, разулыбался, рассказал, что он из Ивановской области

и зовут его Иваном. Только-только он переоделся и вышел из дома, как со стороны соседней деревни Каврино начался обстрел. Наш дом на горке стоял, хорошо из Каврина был виден, наверное, оттуда солдата и заглядели. Мы за Иваном на крыльцо выскочили, в подвал стали звать, а он ни в какую. Говорит: «Сейчас перестанут стрелять, здесь пережду»... Только так сказал, как его прямо на нашем дворе снарядом-то и накрыло.

После обстрела собрали мы в тряпку то, что от него осталось, завернули и за деревней похоронили. Уже после войны его останки извлекли из земли и перезахоронили в братской могиле в соседней деревне Каврино. После войны мой отец пытался отыскать его родных, писал в Иваново, но ответа не получил.

Вскоре после прихода немцев я пошла в тот лес, где окруженцы скрывались, но их уже там не было, о них только пулеметные гнезда напоминали. Говорили, что они днем прятались, а по ночам небольшими группами пробирались в сторону Новоржева.

Одна женщина из нашей деревни пошла как-то корову доить, и тут к ней из ржи выходит солдат и просит: «Дайте молочка».

Через несколько дней после того, как немцы заняли Пушкинские Горы, они появились и в нашей деревне. Когда они входили в Бурлово, баба Агафья, или Гашка, как ее все звали в деревне, ни с того ни с сего выскочила к фашистам навстречу, стала целовать им руки и вопить: «Ах вы наши освободители, наконец вы к нам пришли!» Непонятно, что с ней случилось, какое затмение в мозгу произошло, может, за свою семью испугалась, только с тех пор все деревенские ее опасались. Надо признать, конечно, что она была обижена на советскую власть. Она была из богатой семьи; когда создавали колхоз, она отказалась в него вступать, поэтому ее лишили земли и хозяйственных построек, оставили только избу. Потом Гашка в колхоз всё же вступила, но обиду, видно, затаила.

Помню, пришли в тот раз немцы, много-много их было. Стали ходить по домам и с порога требовать: «Матка, яйка, сало», ловили курят, тут же их щипали, а у нашего соседа, дяди Гришки, зарезали такого хорошего поросеночка! Этим поросеночком могла целый год вся семья кормиться. Зарезали, на машину погрузили, штык в тушу воткнули, сами между собой громко говорят, хохочут.

Пришли немцы и к нам во двор. Все веселые, молодые да холёные, у многих губные гармошки. Сели на лужок, на гармошках заиграли вальс, а два пожилых немца увидели нашу курочку и давай ее ловить. Курочка была крупная и сидела под домом на яйцах, а тут, видно, вышла поклевать, вот они ее и засмотрели.

Бегают немцы за курочкой — поймать не могут. Рассердились, подбежали к отцу, жестами показывают, чтобы поймал им курицу, а отец делает вид, что не понимает. Немцы снова стали курицу ловить, а курочка не будь дура — шмыг под дом и спряталась. Немцы — опять к отцу, кулаками у него перед лицом замахали, но так и не ударили.

С тех пор, когда немцы приходили в нашу деревню за продуктами, мы медом от них откупались. Мы держали пчел, а ульи не утаишь. Папа мед прятал и только одну банку на случай прихода немцев оставлял.

В деревне немцы установили свои порядки и велели выбрать деревенского старосту, который должен был стать посредником между жителями деревни и новой властью. Народ хотел выбрать в старосты моего отца, но отец наотрез отказался. Еще бы, одно время он был председателем колхоза, а теперь должен сотрудничать с немцами!

Тогда предложили выбрать старостой дядю Ваню, которого тоже все в деревне уважали. Будучи старостой, дядя Ваня много хорошего сделал для земляков. А самое главное — что из нашей деревни никого не отправили в Германию, хотя собирались это сделать. Как дяде Ване удалось убедить власти в том, что в нашей деревне нет ни одного пригодного человека для работы в Германии, я не знаю.

Среди тех, кого намеревались отправить в Германию, был и мой старший брат Саша. А когда Саша ушел в партизаны, то дядя Ваня на нашу семью не донес властям, хотя обязан был это сделать. Не донесли на нас и другие жители деревни, даже баба Гашка молчала. Отец мой боялся, что она снова захочет перед немцами прогнуться, сам к ней ходил, просил, чтобы не выдавала, даже руки ей целовал. Отец в первую очередь боялся за семью. Если бы немцы узнали, что Саша ушел в партизаны, то всем нам в лучшем случае был бы уготован концлагерь, а то и расстреляли бы всю семью, случалось и такое.

В годы оккупации дядя Ваня правдами и неправдами выгораживал своих земляков, но после войны власти его не жаловали и посылали на самые тяжелые работы.

Брат ушел в партизаны вскоре после того, как дядя Ваня спас его от угона в Германию. А дело было так: как-то ночью пришли к нам в избу Сашины товарищи-партизаны, он быстренько собрался и ушел с ними. После освобождения района Сашу взяли в действующую армию.

В нашем лесу партизан не было, но они иногда появлялись в Алтунском лесу. Партизанский же край находился за Соротью, что было недалеко от нас. Партизаны много беспокойства и вреда приносили «новым властям». Как немцы только не старались их истребить!

Раз возвращаемся мы с мамой из Пушкинских Гор, а в сторону партизанского края за реку гонят огромные пушки. Мама идет и причитает: «Ай-ай, где-то мой сынок».

Один раз немцы и меня, наверное, за партизанскую связную приняли. Дело было так: мама попросила меня отнести обед брату Мите, который пас за лесом коров.

Только дошла я до леса, вижу, от Каврина немецкий самолет в мою сторону летит медленно и так низко-низко, чуть ли не у самой земли. Я в кустах затаилась. Самолет пролетел мимо и опять в Каврино повернул. Я подождала-подождала и решила снова пойти к брату, только вышла из кустов, а самолет снова тут как тут и снова в мою сторону летит. Я хоть и маленькая была, а смекнула, что это летчик за мной наблюдает, видно, меня за связную принял. Я испугалась и побежала домой. Так братишка на этот раз остался без обеда.

Потом коровы мы лишились: пришли какие-то люди, назвались партизанами и конфисковали у нас корову. Я думаю, что это были не партизаны. Настоящие партизаны так никогда не поступали. Скорее всего, это были бандиты. В то время ходили по деревням какие-то мужики под видом партизан, грабили народ, а то и убивали. В Приезжеве вырезали целую семью.

Наш дом был самым большим в деревне, состоял из двух изб, поэтому немцы нашу семью потеснили и в одной из изб устроили канцелярию.

Поскольку мне волей-неволей приходилось общаться с немцами, я в скором времени стала кое-что понимать по немецки. Немцы, жившие в нашей деревне, нас не обижали, даже детей плоскими кругленькими конфетами угощали. Конфетки эти назывались бом-бом. Меня немец тоже как-то угостил этими конфетами.

Помнится, папа с мамой огород перепаживали, я неподалеку от них находилась. Молодой немец в мундире на нас смотрел и ел конфеты и мне конфетку протянул, я брату не хотела, а папа говорит: «Бери, а то рассердится». Я взяла конфетку, съела, а немец мне вторую конфету протягивает, затем третью, четвертую... Так все «бом-бом» и кормил. Кормит меня, а сам всё лопочет по-своему, а что лопочет — не понимаю, только одно разобрала: похожа я на его сестренку, он все твердил — «кляйна метхен», то есть «маленькая девочка». Я действительно росточком была маленькая, наверное, поэтому он принял меня за маленькую девочку.

Поначалу я немцев не боялась, но потом стала опасаться: кто знает, что им в голову взбредет. Понаслышке я знала, что есть среди русских и такие, которые поддерживают отношения с оккупантами, а некоторые

девки даже гуляют с немцами, невзирая на осуждение земляков. Об этом даже во время войны песню на мелодию «Катюши» сочинили:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Во зеленом садике Катюшу
Целовал фельдфебель молодой.

Улыбалась милая Катюша,
Крепко фриц Катюшу целовал.
Ей казалось, что ее Ванюша
Никогда как он не обнимал.

Катя суп от немцев получала
И носила юбку до колен.
Она русских на фиг посылала,
Проводила свой счастливый плен.

Песня была длинная, всю ее я уже не помню. Главное то, что в нашей деревне таких «катюш» не было.

А немцы всякие бывали: и жестокие, и безразличные, а иные и поозорничать любили, только этого озорства мы сильно опасались. Однажды я так перепугалась, что на всю жизнь запомнила.

Повадились мы в то время с девочкой Галей ходить в Пушкинские Горы в Казанскую церковь. Однажды возвращаемся мы из церкви нарядные, в материнских платках, и догоняют нас немцы на мотоциклах. Много-много немцев едет по новоржевской дороге. Догнали нас, скорость снизили и — за нами. Один из них так на нас и наезжает... Я свернула с дороги да прыг через канаву в кусты, а Галя у канавы замешкалась, немец ее чуть не сбил; хорошо, другой немец на него заругался, так тот отстал. Галя перепрыгнула через канаву, и мы с ней побежали прочь, а немец нам сердито что-то вслед прокричал.

Позабавившись, немцы прибавили скорость и поехали в сторону Новоржева. А я с тех пор больше в церковь не ходила.

Не всегда озорство немецких солдат заканчивалось только испугом. Один немец, развлекаясь, так исхлестал молодую женщину прутом, что у нее на всю жизнь осталось лицо корявым от шрамов.

А дело было так: все жители нашей деревни, от мала до велика, должны были нести трудовую повинность. Мы ходили на работы всей

деревней. Чаще всего мы копали окопы или ровняли стенки траншей. Траншеи рыли тракторами. Трактора были немецкие, тяжелые. От их гусениц на дорогах оставались глубокие колеи, поэтому после тракторов нам приходилось еще и дороги ровнять, так как немцы во всём любили порядок.

В тот день, когда это случилось, мы трудились на окопах. Мужчины натягивали колючую проволоку, а женщины рыли окопы. Тогда стояли сильные морозы, настолько сильные, что лицо обжигало. Рядом со мной работала совсем еще молодая женщина, ее звали Ниной. Она перед самой войной вышла замуж. Не успела с мужем пожить, как началась война и муж ее ушел на фронт. Нина была очень зла на немцев и за то горе, которое они принесли с собой, и за свою собственную порушенную семейную жизнь.

Немцу-надсмотрщику, видно, тоже было холодно, и чтобы заняться хоть чем-то, он развлекался: ходил между женщинами и хлестал гибкой палочкой по лицу то одну, то другую. Нина возьми да и скажи: «Вот гад, и ходит». Немец, видно, по-русски понимал, и слово «гад» ему не понравилось. Он и давай Нину хлестать палочкой по лицу. Он ее хлещет, у нее кровь по щекам течет, а она всё свое твердит: «Гад, гад, вот какой гад»...

Потом немец на меня перекинулся, видно, я ему тоже не понравилась, говорит мне: «Кляйна, за мной», — и велел мне помогать мужчинам, подносить им колючую проволоку. Эта проволока сцепилась, ее не размотать, да и тащить трудно, тяжелая и за всё цепляется. Я тащу эту проволоку, а немец за мной сзади идет, хохочет и всё меня коленом под зад бьет. Сам уже старый, страшный, зубы у него длинные, желтые, а всё озорничает. Я не вытерпела, расплакалась, только после этого он успокоился и отошел, видно, добился, чего хотел.

Нина мужа с фронта так и не дождалась, получилось всё, как в чадушке, которую она в войну часто пела:

Я, девчонка, веселюся,
Мой миленок на войне.
Не сложил бы белы ручки
На чужой на стороне.

Если меня память не подводит, то осенью 1943-го немцы всех жителей нашей деревни выселили в лес. Перед выселкой мы горох, пшеничку и Митину гармонь закопали на своем дворе, а добро зарыли в лесу. Потом мы в лесу стали копать землянку, чтобы было где от стужи укрыться.

Только вырыли землянку, не успели еще в ней обжиться, как всех нас под конвоем куда-то погнали. Гнали нас впереди немцев в сторону Прибалтики. По пути следования колонны к нам присоединяли других конвоируемых. Сколько было в этой колонне человек, я не знаю, но много.

Люди в то время жили голодно, да если и были у кого какие съестные припасы, так много ли возьмешь с собой, когда тебя ни с того ни с сего с насиженного места сгоняют. А малым ребятам как объяснить, что хлеба нет.

Неподалеку от нас шла в колонне бабушка с маленьким внуком. Бабушка внуку и говорит: «Попроси у немца конфетку, может, даст». Мальчик попросил конфету, а немец дал ему вместо конфеты маленький кусочек мыла. Ребенок откусил от мыла кусок и выплюнул, не понравилось, вернулся к бабушке, а она у него и спрашивает: «Ну, дал тебе немец конфетку?» — а мальчишка в ответ: «Что-то дал, да мне не понравилось: мыло — не мыло, карамел — не карамел, я кухнул да и плюнул».

Еще я помню, что когда наша колонна шла вдоль реки, два молодых немца издевались над мальчиком. Мальчишке на вид было лет около десяти. Немцы с хохотом швыряли его в реку, а когда мальчик выплывал и выбирался на берег, то фашисты снова бросали его в воду. Мальчик плакал, а им было смешно. Я не знаю, удалось ли этому мальчику спастись или нет. Я было остановилась, чтобы узнать, чем дело закончится, но папа велел мне идти и не оглядываться, всё равно не поможешь, а к себе внимание немцев привлечешь.

Когда мы подходили к Полянам, над нами закружили советские самолеты, но бомбить не стали, только немцев попугали. Мы, увидав наши самолеты, обрадовались, а бабка Настя, шедшая с нами в колонне, давай кричать: «Освободители наши летят, освободите нас скорей!» Дочки давай ее унимать, а она всё кричит и кричит свое.

Только немцы так сильно перепугались, что им уже не до нас было: молоденький зенитчик сидит, пушку на самолет направляет, руки у него трясутся, сам он потом обливается. А наш летчик над ним как будто издевается: то ввысь взмлет, то чуть ли не над зениткой низко-низко пролетит.

После этого авианалета немцы нас дальше не погнали. Мы все расселись по разным деревням. Нас приютили у себя местные жители. Наша семья обосновалась в Смолинах. Немцы и здесь всё держали под контролем. Как утро наступит, так они уже по избам пошли: «Руся, работать»... Я на работы ходила исправно, а брата Митю, который был старше меня на два года, мы под печку прятали, опасались за него.

В Смолинах мы жили недолго, вскоре немцы нас погнали дальше. Мы то шли колонной, то снова останавливались в деревнях.

Помню, как в одной из деревень, в той самой избе, в которой мы останавливались, невзначай или специально застрелился немец. Немцы чистили оружие, а мы находились за перегородкой и вдруг слышали выстрел. Немцы что-то заболботали по-своему, меня вызвали, заставили убирать кровь. Там была огромная лужа крови. Но мама схватила тряпку и сама убрала кровь.

На высылках мы не голодали, потому что немцы всем желающим выдали справки, по которым мы могли сходить домой, чтобы забрать самое необходимое. Мы тоже взяли такую справку, пошли в свою деревню. Все избы были обрыты землей, и наш дом тоже. В деревне было полно людей в немецкой форме, но на немцев они не были похожи. Один из них, смуглый и узкоглазый, смотрел, как мы выкапываем пшеничку, горох и Митину гармонь. Когда увидел гармонь, мягко-мягко сказал: «Во, музыка, играть будишь».

Позже я узнала, что, возможно, это был не немец, а татарин, потому что не только из нашей деревни выгнали в лес жителей, но и с жителями других окрестных деревень — Арапова, Каврина, Телякова — поступили так же. А в освобожденных избах расселили сформированный из военнопленных татар и армян батальон. Позже татарский батальон переметнулся на сторону партизан.

На гармошке, которую мы выкопали, Митя, находясь на высылках, играл для девочек, веселил их. Одной девочке — курносенькой, хорошенькой — он больно нравился. И она ему нравилась, плясала хорошо. Только не суждено было им дружить, вскоре она умерла от тифа, а Митю после освобождения района призвали в армию, он служил в разведке.

Немцы в конце войны стали больно подозрительными. Всё чего-то опасались и по ночам небо прожекторами освещали. Так по небу всю ночь световыми столбами и машут, и машут, словно на небе кого-то невидимого огненными дубинами гоняют. Мы эти прожектора так и называли, махалками.

В середине лета 1944 года немцы неожиданно сорвались с места и куда-то отправились. Ехали мимо нас со стороны Пушкинских Гор: едут и едут, конца-края им нет. Сначала шли машины, вслед за машинами показались мотоциклисты, за ними велосипедисты.

Часа через два после того, как немцы проехали, к нашим мужикам в сарай пришел солдат-разведчик, не горазд чтобы молодой, не горазд старый, но видно было, что уставший. Мужики его облепили, а он лег,

скрючившись и поджав коленки, и сказал, что скоро здесь будут наши. Мужики все обрадовались, оживились, а мы с подружкой решили встретить советскую армию.

Идем в сторону поселка, цветы рвем, букеты для наших освободителей составляем, а со стороны леса какой-то гул нарастает всё сильнее и сильнее. И вдруг из ледины, из низенького кустарничка, советский танк выныривает. Выскочил из танка молодой красивый-красивый танкист и говорит: «Что это вы, девочки, здесь делаете, сейчас тут бой начнется, бегите быстрее отсюда». Не успел он это сказать, как из кустов другие танки выползли. Мы с подружкой домой побежали — и тут началась стрельба. Но стреляли недолго, немцев уже и след простыл, как беси сгинули. Только один молоденький немец в траве лежал, плакал и всё маму звал.

После освобождения района мы вернулись в свою деревню Бурлово. У кого-то из соседей дома сохранились, только в землю стояли зарытые, а у кого-то сгорели. От нашего дома ничего не осталось, кроме тлеющих головешек, а возле этих головешек наши разоренные пчелки летают.

Смотрим, идут в нашу сторону два солдата. Подходят и говорят: «Это мы ваш дом взорвали. Немцы его так хитро заминировали, что разминировать было невозможно, вот и пришлось взорвать, иначе вы вместе со своим домом на воздух взлетели бы».

Так мы после войны и остались и без дома и без добра: дом взорвали, а добро, которое было в лесу у нас припрятано, кто-то выкопал. Когда мы пошли в лес за своими пожитками, то увидели, что весь лес перекопан. Кто-то уже всё, что у людей припрятано было, к рукам прибрал. Недаром говорится: «Кому война, а кому мать родна».

Пришлось нам, пока новую избу не срубили, жить в окопе. Потом я пошла в школу, иначе взяли бы меня на разминирование, по возрасту я для этого подходила.

После немцев в нашей земле осталось много мин. От них погибало немало людей. Тех девчонок, которые не пошли в школу, посылали на разминирование. Случалось, что саперы подрывались на минах.

Раз возвращаюсь домой из школы и вижу: везут со стороны деревни Цецы на тяжеловозе девочек. Целая телега девочек. Девочки песком засыпаны, плачут, и раненные среди них есть.

В школу я ходила в Пушкинские Горы. Ходить приходилось через лес. После войны в лесу было много волков. Однажды зимой мне долго пришлось прятаться от них в бункере, а когда решилась выйти, увидела, что снег вокруг бункера весь истоптан волчьими лапами.

Галина Григорьевна Михайлова с мужем

После войны в нашей школе в одном классе учились и малолетки, и переростки, все учились по одной книге. Учиться мне нравилось, учителя в школе были очень хорошие, я тоже мечтала стать учительницей, но после окончания шестого класса мне пришлось уйти из школы, нужно было помогать семье. С односельчанами мы восстанавливали колхоз, а заодно зарывали те самые окопы, которые когда-то сами при немцах и копали.

Когда началось восстановление Святогорского монастыря, я работала на его восстановлении. Но мне доверили только самую простую работу: я убирала щебенку. Щебенки было очень много. Мы с одной девочкой щебенку выбрасывали за ограду, а там ее парнишка на телегу грузил и куда-то отвозил»⁴⁶.

Военное детство Галины Григорьевны во многом было сходно с детством Валентины Михайловны Ермолаевой, жившей в годы оккупации в деревне Арапово, расположенной примерно в пяти километрах от Буллова. Они были ровесницами, возможно, даже знали друг друга. Через

⁴⁶ Воспоминания Г.Г. Михайловой. Запись Е.В. Хмелевой. 1.12.2014.

Святогорский монастырь после оккупации. На его восстановлении работала Галина Григорьевна Михайлова

Арапово тоже проходила «Пантера», и жители этой деревни также работали на строительстве оборонительных сооружений; затем их тоже выгнали из домов, чтобы приспособить их избы под казармы татаро-армянского батальона, а через какое-то время погнали на запад и гнали до тех пор, пока их не освободили советские войска. Валентины Михайловны уже нет в живых, но ее дочь, Наталья Николаевна Прокофьева, многое помнит из воспоминаний матери. Вот что она рассказала:

«Моя мама родилась в деревне Арапово, а замуж вышла уже после войны в деревню Ракшино, отстоящую примерно на расстояние пяти километров от Арапова. Зато деревня Бурлово, в которой жила предыдущая рассказчица, Галина Григорьевна, находилась неподалеку от Ракшина. Все эти деревни, Арапово, Ракшино, Бурлово, оказались на территории строительства линии «Пантера». Когда моя мама после освобождения района вместе с родными вернулась в выселок в Арапово, то увидела, что от родительского дома остались одни головешки, а в огороде стоя-

ли столбы с натянутой колючей проволокой. Нужно было разрабатывать и засаживать огород, так как время было голодное: хлеб пекли с добавлением лебеды, мокрицы, опилок — и такого хлеба вволю не ели. Убирать столбы и колючую проволоку с огорода пришлось маме с сестрой Зиной. Дело в том, что моя бабушка, то есть мамина мать, была очень больна, она была сердечницей, а отец и брат воевали на фронте. Чтобы разработать огород, пришлось снимать проволоку, выкапывать тяжелые столбы. Разработав огород, девчонки его засадили, а осенью убрали урожай. Когда отец вернулся с войны, он был удивлен, что огород в порядке и на нем всё выросло.

Если бы была жива мама, она бы много чего рассказала. Она была очень доброжелательной; кто к ней ни придет со своей болью или печалью — всякого успокоит, доброе слово скажет да еще, бывало, добавит: «Душа моя, ня нэй авансум», то есть «Душа моя, не ной авансом». Как скажет это, так и в самом деле на душе полегчает. Сама она прожила трудную жизнь, но никогда не пеняла на судьбу. Мама мне много рассказывала о себе. Рассказчицей она была отменной и частенько говорила: «Я столько могу рассказать о своей жизни, что можно по моим рассказам большую книжку написать». К сожалению, я мало запомнила из маминых рассказов. Росла мама в большой семье: кроме Зины, у нее была еще одна сестра, которую звали Верой. Вера пошла в армию в первые дни войны и до самого ее конца служила медицинской сестрой. Был у мамы и брат Илья. Во время оккупации он был связан с партизанами. Мамино-го отца и брата Илью взяли в армию сразу после освобождения района в 1944 году. Из маминых рассказов об оккупации знаю, что жилось в то время трудно и голодно, что мамину сестру, Зину, которая по возрасту подходила для угона в Германию, прятали от немцев, что моя бабушка всё время страдала сердечными приступами. Поэтому, когда фашисты погнали перед собой народ в Неметчину, прикрываясь людьми как живым щитом, ее пришлось взять на корове, так как сама она идти не могла.

На ночлег обычно останавливались в деревнях. Хозяева изб, в которых приходилось ночевать, относились к ним сочувственно и делились последним. Наконец дошли до деревни Корнево, переночевали в одной из изб. Утром мама проснулась и видит: вся изба солнечным светом озарена, немцев не видно, со стороны Пушкинских Гор доносятся залпы «катюш», а на улице слышится русская речь. Выглянула она в окно и обомлела: по двору ходят наши солдаты. Сбылась ее мечта: как долго она мечтала о том, чтобы однажды утром проснуться и не услышать ни одного немецкого слова.

Когда наши войска освободили район от фашистов, жители деревни Арапово вернулись домой. Почти все постройки в деревне были сожжены, вдоль деревни тянулись ограждения из колючей проволоки. Чтобы прокормить семью, моей бабушке пришлось ходить побираться. Мама и тетя Зина пошли в школу. Школа находилась тут же, в Арапове. Зимой в школе было очень холодно, настолько холодно, что в чернильницах замерзали чернила. Чтобы протопить школу, ребятам приходилось самим таскать из леса сырые дрова.

Потом мама работала в колхозе. Пахали после войны на коровах, сеяли аккуратно, чтобы ни одно зернышко не пропало, жали серпами, работали на трудодни. Все старались, хотя жили бедно, голодно.

В городах, видимо, люди жили богаче. После окончания войны в деревни стали приезжать из городов дачники, они снимали у местных жителей жилье. Как-то мама увидела, что девочка-дачница бросила на обочину дороги недоеденный кусок хлеба, намазанный маслом. Мама подождала, пока девочка скроется из виду, схватила этот кусок и съела.

В 1953 году мама вышла замуж в деревню Ракшино за Николая Яковлевича Яковлева. Мой отец был моложе мамы на четыре года, значит, когда началась война, ему было всего 10 лет. Возможно, то, что он был ребенком, спасло его от смерти во время оккупации. Однажды в Ракшино пришли какие-то люди, назвались партизанами и увели с собой двух старших братьев моего отца, одному из них было 16, а другому — 14 лет. С тех пор папиных братьев никто не видел и ничего о них не слышал.

Через Ракшино так же, как и через Арапово, в годы войны проходила «Пантера». Жителей этой деревни во время оккупации постигла такая же участь, что и араповцев: они тоже работали на строительстве оборонительных сооружений, их тоже выселили из изб, чтобы устроить там казармы для бойцов татарского батальона, их так же гнали в Латвию, они точно так же, как и жители Арапова, встретили советскую армию в деревне Корнево.

Живя замужем в Ракшине, мама, как и прежде, работала в колхозе. В пятидесятые годы колхозникам было поручено поднимать из разбросанных в лесах безымянных могил погибших в годы Великой Отечественной войны бойцов. Это делалось для того, чтобы перезахоронить их останки в одной братской могиле в деревне Каврино. В нашем краю в войну погибло немало солдат. Мама вместе с другими колхозниками поднимала их останки и на подводах отвозила в Каврино. Искали захоронения по всей округе: в Араповском, Бурловском, Ракшинском, Шевелевском лесах.

Особенно много захоронений находилось возле деревни Шевели, потому что рядом с этой деревней в 1941 году был разбит военно-полевой госпиталь. Скончавшихся в госпитале бойцов хоронили там же, неподалеку от госпиталя.

Всех их, как защитников нашей земли, погибших в 1941 году, так и ее освободителей, сложивших головы в 1944-м, похоронили в одной братской могиле в деревне Каврино на пригорке. В этой же могиле были похоронены и 14 девушек, пушкинских подпольщиц, расстрелянных, а затем сожженных в одном из сараев, стоявших когда-то в этой же деревне»⁴⁷.

Хотя страшное слово «война» — женского рода, понятие «война» противоречит женской натуре, и особенно не по себе становится, когда на войне погибают девушки. Возможно, поэтому, хотя в Каврине похоронено и много воинов-мужчин, это захоронение в народе называли «девичьим пригорком». Расстрел подпольщиц фашисты приурочили к дню рождения Красной армии. Первоначально на братском кладбище в Каврине стоял временный памятник, на котором было написано: «Нет, весь я не умру...», позднее на месте захоронения установили гранитный памятник.

Когда в Пушкинском районе появились партизаны, подпольщики наладили с ними связь. Подпольщики не только снабжали партизан бланками документов и медикаментами, но и информацией. Особую ценность для партизан представляли сведения о оборонительных сооружениях «Пантеры».

В книге «Вспоминая войну» приводятся воспоминания Нонны Яковлевны Крыловой и Анфисы Васильевны Шубиной: «Было предложено работать на дороге Тоне Столяровой и Клаве Дмитриевой, чтобы следить за строительством укреплений в Михайловском. Они же носили листовки военнопленным, которые строили эти укрепления»⁴⁸.

Следует отметить, что не только местные жители возводили фортификационные сооружения «Пантеры», но и военнопленные. Анна Федоровна Анисимова, жившая в годы оккупации в деревне Устье, находящейся недалеко от Тригорского, имения друзей Пушкина, в своих воспоминаниях свидетельствует о том, что на участке «Пантеры», расположенном вблизи их деревни, работали не местные жители, а военнопленные. Вот что она поведала о своей жизни на оккупированной врагом территории:

⁴⁷ Воспоминания Н.Н. Прокофьевой. Запись Е.В. Хмелевой. 3.02.2014.

⁴⁸ Вспоминая войну. Сельцо Михайловское, 2004. С. 42.

«Наша семья после раскулачивания была отправлена на выселки в деревню Устье. На выселках у нас было ни земли, ни скотины. Точно так жили и наши соседи. В колхозе никто из жителей деревни не работал.

Когда началась война, мне было 15 лет. Помню, как голосили бабы, какой вой стоял по всей деревне, когда мужиков призвали в армию. Мало того, что мужики уходят воевать и неизвестно было, вернутся они домой или погибнут на войне, так еще прошел слух о том, что якобы в нашей армии на всех бойцов не хватает оружия и что солдатам зачастую вместо патронов дают гвозди... Из нашей семьи в армию никого не взяли: из мужчин в семье был только папа, да и тот был глуховат.

Потом в нашу деревню пришли немцы. Все они поселились в одном длинном доме. Немцы были веселые, пили шнапс и говорили, что через пять дней будут пить чай в Ленинграде, а еще они говорили, что фронт — это хорошо. Я в школе учила немецкий, поэтому понимала, о чем они говорят.

В нашей деревне немцы не безобразничали: девок не портили, население не грабили, продукты силой не отбирали. Разве что придут в избу да скажут: «Матка, яйка, матка, сало», — ну как тут откажешь? А в Луговке, рассказывали, немцы даже сахаром детей угощали. Мы немцам не вредили, поэтому и они нам ничего плохого не делали. Ну, бывало, побьют кого, так за дело. Например, Нюрка Черноносова как-то стала на немцев ругаться, так немец ее, дуру такую, всё по голове бил, чтобы ума прибавилось. И то правда, зачем на рожон лезла, всё равно плетью обуха не перешибешь.

Потом партизаны в наших краях стали пошаливать. Немцы хоть и говорили, что фронт — это хорошо, но партизан сильно боялись. В 1942 году, я думаю, как раз на Пасху, партизаны ночью взорвали Селихновский мост. Этот мост еще до революции был построен, красивый был мост, с арками. Когда наши отступали, несколько дней за этот мост бились. Немцы этим мостом тоже дорожили, патруль денно и ночью его охранял. А партизаны патруль сняли и взорвали мост. Да так взорвали, что он на две половины и развалился: одна арка по одну сторону реки вздыбилась, вторая — по другую. Как раз в это время немецкая машина со стороны Новгородки к мосту подошла: немцам ни туда, ни сюда. Как немцы тогда осерчали, ужас. Потом немцы по деревням ходили, партизан искали, но не нашли. К нам тоже приходили, мы тогда сильно перепугались.

Партизан и тех, кто им помогал, никто немцам не выдал, хотя все знали, что в ту ночь, когда был взорван мост, партизаны подъехали на

телеге к деревне Заворово, где и спрятали лошадь. Дальше их переправили на лодках через реку. Добравшись до Селихновского моста, они сняли патруль, взорвали мост, и так же, как прибыли, сначала через реку на лодках, а от Заворова на лошади, отправились обратно.

После того, как партизаны взорвали мост, немцы стали объездным путем ездить, а это большой крюк.

В наших краях не только партизаны были, ходили в то время по деревням и те, кто выдавал себя за партизан. Эти люди чинили насилие, грабили, убивали. В то время, когда мы были уже на высылках под Вельем, нам местные жители рассказали, как однажды пришли такие люди в какую-то деревню, что стояла у реки Иссы, назвались партизанами и велели под видом гулянки к вечеру собрать молодежь для разговора. Вечером в одной из изб собрались деревенские ребята. Эти партизаны тоже пришли, вывели собравшихся парней на улицу и всех перестреляли.

В нашей-то деревне Устье всё было тихо. Нас даже на работы только в зимнее время гоняли, а летом мы были освобождены от несения трудовой повинности. Зимой нас заставляли расчищать отрезок дороги Селихново — Новгородка. За каждой деревней был закреплен на трассе свой участок.

На строительство оборонительных сооружений жителей нашей деревни не посылали, там работали военнопленные. Работы по возведению «Пантеры» начались в 1943 году: сначала вырубили Железовский лес. Древесину использовали для возведения бункеров и укрепления окопов. Не только над бункерами, но даже над окопами положили в три наката бревна и засыпали их землей. Укрепления возводили не только возле нашей деревни, но и в самой деревне.

Нас отправили на высылки уже после того, как фронт вплотную подошел к нашей деревне. Мы еще находились в Устье, когда к деревне подошли наши войска. Помню, что сначала нашим никак было не выбить фашистов из окопов — так хорошо они были укреплены. Когда наши поняли, что так просто эти укрепления не возьмешь, то пригнали ночью машину «катюшу». Как только стали стрелять из «катюши» — так всё и загорелось. Немцы перепугались, закричали: «Капут, капут!» Что там было дальше, я не знаю, потому что нас отправили на высылки. Знаю только, что фронт в нашей деревне стоял, считай, полгода.

Когда бои закончились, мы вернулись в свою деревню. Смотрим, а нашего дома нет — сгорел. Всё кругом было заминировано. Помню, что когда наши танкисты стали из деревни выезжать, так один танк наехал на мину и взорвался. И гражданские люди от мин получали увечья. Одна

девочка, ее звали Верой, прыгнула в траншею и подорвалась на mine: руки ей оторвало и глаза вырвало»⁴⁹.

В конце марта 1944 года примерно в 6–7 километрах от деревни Устье наши войска форсировали реку Великую, в результате чего была прорвана оборона противника, так образовался Стрежневский плацдарм. Стрежневский плацдарм оказался единственным участком «Пантеры» в полосе 2-го и 3-го Прибалтийского фронтов, где удалось прорваться советским войскам. Он был невелик: занимал территорию 8 километров по фронту и 2–4 километра в глубину. В дальнейшем предполагалось развитие наступления. Однако, несмотря на большое количество сосредоточенной здесь боевой силы, советским войскам не удалось развить и закрепить успех: немцы, и так находившиеся в более выгодном положении, сумели удачно использовать ошибки советского командования. В результате, после кровопролитных боев с большими потерями, 18 апреля 1944 года из Ставки Верховного главнокомандования последовало распоряжение — наступление прекратить и перейти к жесткой обороне⁵⁰.

Участник боев на Стрежневском плацдарме Илья Иванович Вокин вспоминал:

«Летом 1944 года мне довелось воевать на Стрежневском плацдарме. Я после окончания военного училища служил артиллерийским разведчиком полковой батареи 76-миллиметровых орудий. Мы засекали доты, дзоты противника, передавали координаты целей командирам батарей и корректировали огонь по целям. Корректировка огня требовала точных расчетов. Иной раз самой цели и не было видно, только дымок вверх поднимался, может, от костра, может, от полевой кухни, а тебе уже поступает приказ: вычислить координаты, чтобы была возможность поразить данную цель; а попробуй эту цель вычислить, если дымок ветром в сторону относит.

Позиции немцев от нас были скрыты лесным массивом, а наши позиции с их стороны хорошо просматривались. Это здесь теперь всё заросло лесом, а тогда было голо. Я даже не могу определить то место, где стояла наша дивизия: помню только, что рядом протекала река. Лето было жаркое, нам хотелось купаться, а к реке невозможно было подойти, потому что немцы сразу увидят и обстреляют. Зато мы купались по ночам. Каждую ночь мы возводили высокий забор, чтобы со стороны немцев наши

⁴⁹ Воспоминания А.Ф. Анисимовой. Запись Е.В. Хмелевой. 2.02.2015.

⁵⁰ См.: Фронтовая операция 7–8 апреля 1944 года. Материалы Центрального архива Министерства обороны РФ / под ред. Д. Тимошенко. Пушкинские Горы, 2011; *Савыгин А.М.* Пушкинские Горы. С. 111–112.

*Участник боев на Стрежневском плацдарме Илья Иванович Вокин (в центре)
на братском захоронении на Чертовой горе*

позиции не просматривались, а немцы каждое утро его обстреливали. Это продолжалось до тех пор, пока наши войска не перешли в наступление.

Наступление началось в начале июля с Чертовой горы после мощной артиллерийской подготовки. Артиллерийские разведчики всегда находились на переднем крае вместе с пехотой, и на этот раз я вместе с пехотой пошел в атаку. Немцы отступали, а мы их преследовали»⁵¹.

«Усилия советских воинов по захвату и удержанию Стрежневского плацдарма не пропали даром. Он словно заноза вонзился в оборону противника и сыграл свою немаловажную роль в будущем при возобновлении наступления наших войск на этом участке фронта», говорится в книге А.М. Савыгина «Пушкинские Горы»⁵².

Некогда процветающая, густонаселенная, веками обжитая людьми Печанщина, на территории которой ранней весной 1944 года был захвачен плацдарм, получивший название Стрежневского, за три

⁵¹ Воспоминания И.И. Вокина. Запись Е.В. Хмелевой. 10.07.2012.

⁵² Савыгин А.М. Пушкинские Горы. С. 112.

Мария Федоровна Григорьева

с половиной месяца противостояния двух враждующих армий была превращена в выжженную изувеченную и смердящую трупным запахом пустыню, начиненную нераззорвавшимися минами.

Уроженка этих мест Мария Федоровна Григорьева рассказывает о том, что представляла собой эта земля в довоенные годы, а также о том, как жили на этой земле люди в годы оккупации и какой она увидела эту землю сразу после ее освобождения:

«Я родилась на хуторе Подберезовка. Этот хутор находился рядом с большой деревней Алуферово, где жили наши родственники. Сразу за деревней было расположено кладбище. Оно было огорожено. На кладбище можно

было пройти через красивые каменные ворота. Возле ворот был похоронен мой дедушка Андрей. На его могилу я ходила с бабушкой Леной. Бабушка жила вместе с нами на хуторе, она была набожная и обучала меня молитвам. По другую сторону от кладбища находилось село Печане. В селе имелась изба-читальня, фельдшерский пункт, школа, лавка, кузница. Все дома в Печанах были добротные, один дом был даже двухэтажный, он стоял возле каменной церкви Животворящей Троицы. Церковь была самой красивой постройкой в селе. Когда я смотрела на крест, возвышавшийся на куполе храма, то в лучах солнца он казался золотым. Бабушка, завидев церковь, всегда крестилась на нее, и я, глядя на бабушку, делала то же самое.

Внутри церковь была расписана. Особенно мне нравилось рассматривать росписи на западной стене. Бывало, повернусь спиной к алтарю и рассматриваю изображение Страшного Суда. Всё то, что там было запечатлено, поражало мое воображение.

Бывая в Печанах, я любила заходить в лавку. Лавка стояла возле кладбища на границе Печан и Алуферова. В годы НЭПа владельцами лавки были

Саловские — Петр и Александра, у них было два сына. Младший, Аркаша, был болен детским церебральным параличом. Он был очень красивым белокурый мальчиком, а ручки у него были тоненькие-тоненькие. Иногда к Петру Саловскому из Ленинграда приезжал погостить брат Павел.

В самом конце НЭПа Саловские уехали, как они сказали, на родину. Мой дед Андрей, папин отец, говорил, что они были родом из красивого города Кракова. Товары, которые они не успели продать, раздали знакомым. Моей маме Шура Саловская предложила взять из лавки всё, что понравится, но мама взяла только голубой, белыми кольцами, отрез на платье.

Примерно в километре от Печан находилась деревня Васильевское. Васильевское до революции принадлежало господам Корсаковым. Родовой склеп Корсаковых находился в Печанах возле Троицкой церкви. От Печан до самого Васильевского тянулась аллея из вязов. В Васильевском сохранился огромный, занимавший несколько гектаров помещичий фруктовый сад, которым пользовались жители всей округи. Барских построек уже не было — всё сгорело в 1918 году, а то, что уцелело, новопутейцы разобрали на свои нужды.

«Новый путь» — это колхоз, возникший на базе коммуны. В коммуну были собраны беднейшие крестьяне из окрестных деревень. Все они жили в одном длинном бараке, возведенном из сохранившихся бревен барских построек. Когда началась коллективизация, коммунары переименовали свою коммуну в колхоз «Новый путь». «Новый путь», так же, как и другие колхозы нашей области, был небольшой, в его состав входила только одна деревня Васильевское. Председатели колхоза часто сменяли друг друга. В 1937 году одна из председательниц, имевшая двоих малолетних детей, была арестована. После ее ареста председателем колхоза избрали Григория Коноплева. Коноплев был партийным, однако вскоре его из партии исключили — за то, что отказался изымать у колхозников ручные жернова, но председателем колхоза всё же оставили. В то время каждая крестьянская семья имела ручные жернова. Жернова стояли в подвалах, там же, в подвалах, люди и муку мололи.

Жена председателя колхоза тоже была партийная. Она была грамотная, но по-русски говорила плохо, потому что по национальности была литовкой. К примеру, заводя разговор о муже, она, вместо того чтобы сказать: «Мой Гриша», говорила: «Мой Крыша».

Если в Васильевском колхоз был создан без проблем, то в других местах коллективизация проходила трудно и долго. Время от времени то в одной избе, то в другой агитаторы устраивали сходки, на которых

убеждали тех, кто еще не вступил в колхоз, одуматься и начать новую жизнь. На сходки ходили в основном мужики, они все курили самокрутки. Курили так много, что, как правило, в избе, где проходила сходка, стоял густой махорочный дым. Однажды пришли на сходку и к нам. В нашей семье никто не курил. Моей маме от махорочного дыма стало плохо. После сходки мы долго проветривали избу.

Бедняки охотно вступали в колхозы, им отдавать в общую колхозную собственность было нечего, а зажиточных крестьян ставили в такие условия, что хочешь-не хочешь, а пойдешь в колхоз, иначе раскулачат, или всю землю обрежут, до самой избы, и живи как знаешь.

Алуферовцы долго упирались, не вступали в колхоз, но всё-таки в 1932 году коллективное хозяйство было образовано. Руководство хотело назвать колхоз «Красное Алуферово», но крестьяне на сходке заявили: «Если будет «Красное Алуферово» — вступать в колхоз не будем». На том и порешили: колхоз создать, но слово «красное» из названия колхоза исключить. В этот колхоз кроме деревни Алуферово вошли Глыжино, Уткино и наш хутор Подберезовка.

Из нашей семьи вступил в колхоз только папа. После чего у нас забрали в общественную собственность коня Быстрика, корову, половину овец, а также разобрали и увезли конюшню, сеник, амбар. Нам оставили только дом, хлев, корову и несколько овец.

Когда уводили скотину, мама сильно плакала, а папа по ночам, когда никто не видел, носил свое сено в колхозную конюшню, чтобы подкормить Быстрика.

Когда я подросла, меня отправили учиться в школу, где уже училась моя сестра Аня. Школа размещалась в доме лавочников Саловских, а сама лавка Саловских была приспособлена под хозяйственные нужды школы.

Школьные предметы мне давались легко, но ребенком я была своенравным: дралась в кровь с мальчишками, а осенью, когда появлялись грибы, прогуливала уроки. Бывало, все ребята идут в школу, а я — за грибами. Когда в школе заканчивались уроки, я вместе с ребятами возвращалась домой. Ни сестры, ни другие ребята меня не выдавали. О моих проделках мама узнала случайно, от учительницы, поинтересовавшейся моим здоровьем. Тогда мне сильно от мамы попало. А за то, что я с мальчишками дралась, меня наказывали только для вида, чтобы успокоить приходивших к нам с разборками матерей пострадавших от меня мальчишек. Дело в том, что драться меня научил сам папа и велел, чтобы я спуску никому не давала. Папино наставление мне пришлось по душе, и я старалась ему следовать.

Школьные учителя не только давали знания — они старались привить чувство ответственности, долга, воспитать нас патриотами своей Родины и в то же время интернационалистами. Помню, как учительница на уроке долго говорила нам о дружбе народов, о тяжелом положении негров, а в конце урока она стала нам задавать вопросы по пройденной теме. Мне был задан вопрос: «Как бы ты повела себя, если бы к нам в школу привезли негритят?» — на что я сходу ответила: «Прибила бы всех».

Несмотря на многие мои недостатки, когда я подросла, меня приняли в пионеры. В пионеры я вступила потому, что к тому времени умерла бабушка Лена. Когда она была жива, то не позволяла моей старшей сестре Ане вступать в пионеры, объясняя это тем, что вместе с красным галстуком в нашей избе поселятся беси.

Я хорошо помню, как мы хоронили бабушку: мама тогда сильно плакала не столько из-за того, что умерла бабушка, сколько из-за того, что мы так плохо ее похоронили. Местное руководство не позволило нам похоронить ее рядом с дедом и выделило место под захоронение в низине. Когда выкопали яму, она сразу наполнилась водой. Не успели мы вычерпать воду, как она снова появилась в яме. Так и опустили гроб в воду.

Вернувшись после похорон домой, мама схватила газету с портретом Сталина и выколола ему глаза. Тут папа, никогда не распускавший руки, ударил ее и сказал: «Ты что, детей хочешь оставить сиротами?»

Перед войной наша семья переехала в Пушкинские Горы, но в Алуферове остались папины родственники, мы поддерживали с ними связь.

В Пушкинских Горах мы строили дом на Первомайской улице, а сами жили на съемной квартире на Пушкинской, у Шубиных. Дом Шубиных до сих пор стоит неподалеку от старой школы. Когда началась война, в школе устроили призывной пункт. Страшно было слышать, как ежедневно с утра до вечера там голосили бабы. Потом была эвакуация.

Только через четыре года, в начале лета 1945-го, я с другими пушкингорцами вернулась из эвакуации. Сначала мы от Калинина ехали в товарном вагоне, затем от Острова шли пешком. Дойдя до Новгородки, я свернула в сторону и пошла в Алуферово повидать родных. Дойдя до деревни Овечкино, повернула на дорогу, ведущую в Алуферово.

До войны по обеим сторонам дороги стоял лес, имевший название «Большой лес». Он когда-то принадлежал барину Корсакову, а лесником у барина служил мой дед Андрей Петрович. У него было прозвище Андрей Молодец. Так дедушку окрестил сам барин за то, что тот, охраняя лес, никому не давал спуска: если надо было, то один на пятерых мужиков в рукопашную шел.

В советское время лесником был назначен мой отец, это назначение дало ему возможность выйти из колхоза.

Теперь, после войны, вместо деревьев в Большом лесу стоял голый частокол. Верхушки деревьев были отсечены снарядами, ни веток, ни листьев не было на стволах, несмотря на то, что лето было в разгаре. В лесу стоял смрад. Едва я свернула с дороги, чтобы сократить путь, как увидела торчащую из земли босую пятку. Я тут же повернула назад.

В Печанах постройка не осталось, Троицкая церковь лежала в руинах, кладбище было разворочено, уцелел только склеп Корсаковых.

Когда я пришла в Алуферово, то увидела на всю деревню только одну крошечную постройку, крытую соломой. Эта избушка больше напоминала будку. В избушке я застала тетю Маврушу, папину родную сестру. Когда началась война, то муж отправил ее вместе с двумя совсем еще маленькими детьми из Кронштадта в деревню к родителям. С тех пор Мавруша мужа больше не видела и о его дальнейшей судьбе ничего не смогла разузнать.

Маврушины родители, бабка Хавронья, а затем и дед Андрей, в 1944 году умерли от брюшного тифа. Когда дед Андрей умирал, Мавруша ему сказала: «Тятенька, если ты умрешь, то и я умру». Дед Андрей улыбнулся и ответил: «Нет, умру только я, а ты еще долго будешь жить».

Вскоре после смерти родителей тетя Мавруша вместе с другими алуферовцами отправилась на высылки.

Немцы не позволили жителям деревни взять с собой скотину, только Мавруше, у которой были еще совсем маленькие дети, разрешили забрать корову. Избы алуферовцев немцы пустили на строительство укреплений, а то, что не понадобилось, сожгли.

Вернувшись с выселок, Мавруша первая в деревне поставила избу: сама на корове натаскала из блиндажей бревен, сама положила венцы, сама покрыла избу соломой, сама сложила печку. Хоть и маленькая избенка вышла, но всё не в землянке детей растить. Другие жители деревни в то время еще ютились в землянках.

Из рассказов Мавруши и других жителей деревни я узнала, что летом 1941 года алуферовцы не успели эвакуировать колхозное имущество, потому что неподалеку от Новоржева дорогу им перерезали фашистские войска. Пришлось всем возвращаться домой.

Когда в Печане пришли немцы, местные жители вышли к ним на встречу, а дед Афоня даже встретил завоевателей с хлебом-солью и приветственной речью. Бывший лавочник Саловский, вернувшийся вместе с немцами, переводил его речь. Дед Афоня, как и Саловские, был из бо-

гатых. При советской власти его не стали раскулачивать, а дали «твердое задание».

Саловский служил у немцев, но кем он был, не знаю. Когда немцев в 1944 году погнали, Саловские ушли вместе с ними, а больного сына Аркашу они перед отступлением, по словам Мавруши, отравили.

О том, что Саловский при немцах вернулся в Печане, мне рассказала не только Мавруша, но и Евгений Гаврилович Варфоломеев. Он в самом начале войны оказался в концлагере под Порховом. Там был избит немцами до бессознательного состояния и выкинут в ров, вырытый за пределами лагеря. В этот ров сбрасывали скончавшихся заключенных. Очнулся он среди трупов, выбрался из рва и стал пробираться в сторону родительского дома. Его родные тоже жили на Печанщине в деревне Покормово. Добравшись до Печан, он у переправы через Великую стал кричать перевозчика, так как не умел плавать, а тут, откуда ни возьмись, появился Саловский. Подошел, спрашивает: «Кто такой? Откуда бежишь? Не ври! Вижу, что беглый!» — и давай Женю бить, а тот и без того был едва живой. Очнулся Женя в лодке, когда его перевозчик переправлял на другой берег.

Когда он добрался до матери, то она его узнала только по голосу, настолько был худым и избитым. Возможно, Саловский его тоже не узнал»⁵³.

Немецкая власть на первых порах отнеслась к местному населению благосклонно. Немцы жили в избах местных жителей и относились к ним доброжелательно. Например, Маврушину сестру Наталью расквартированный в ее избе немец предупредил о том, что молодежь скоро будут угонять в Германию. Наталья жила с мужем Петром, отдельно от родителей.

Когда Германия напала на Советский Союз, Петр сразу отправился в военкомат, чтобы его взяли в Красную армию, но ему отказали, потому что он только что вернулся с Халхин-Гола.

В начале 1944 года, когда алуферовцев, находившихся в то время на высылках под Вельем, освободила Красная армия, Петр вместе с другими мужиками, в силу разных причин оказавшихся под немцами, был мобилизован. Воевал он недолго, вскоре погиб в Курляндском котле. Там, видимо, погибли и другие алуферовцы, мобилизованные в 1944 году. Мужики в Алуферове все были как на подбор: здоровые, плечистые — настоящие богатыри. И никто из них не вернулся с войны.

О том, где погиб муж, тетя Наташа узнала благодаря поисковикам спустя несколько десятков лет после его смерти. Уже в преклонном возрасте она смогла побывать на могиле Петра.

⁵³ Воспоминания М.Ф. Григорьевой. Запись Е.В. Хмелевой. 20.01.2015.

Наталья со своим Петром во время оккупации успели обвенчаться в Троицкой церкви. Печанскую Троицкую церковь закрыли перед войной в 1939 году при отце Гаврииле. При немцах церковь была вновь освящена»⁵⁴. Инициатором открытия Печанской церкви была православная миссия. «В Печане из Пскова приезжал сам начальник миссии»⁵⁵.

О том, что представляла собой православная миссия, говорится в историческом очерке Я.М. Альмухамедова и А.П. Арсеньевой «Во время фашистской оккупации». «В августе 1941 года по инициативе перешедшего на сторону оккупантов митрополита Литовского и Виленского, патриаршего экзарха Латвии и Эстонии Сергея (Воскресенского) с ведома и согласия оккупационных властей в городе была создана Псковская православная миссия, которая руководила всей деятельностью православных церковных общин. Миссию возглавили прибывшие из Прибалтики священники-эмигранты... Члены православной миссии были тесно связаны с немецкими разведывательными и контрразведывательными органами, в частности с полицией безопасности СД»⁵⁶.

Члены миссии оказались в сложной ситуации. Они преследовали благие цели, но в то же время им приходилось считаться с немецкими властями. Отец Алексей (Ионов) вспоминает: «Я хорошо знал настроение членов миссии. С немцами мы все считались по принципу «из двух зол выбирай меньшее». Что немцы — зло, никто не сомневался... Глубокое сострадание и сочувствие к бедствующему народу, нашим братьям по вере, по крови — вот что наполняло наши сердца»⁵⁷.

«Служил в церкви прибывший с миссией отец Георгий. Он и обвенчал Петра с Натальей. В тот день, когда венчалась Наталья, по ее словам, было обвенчано 17 пар», — вспоминала М.Ф. Григорьева.

Об особенностях служения миссионеров, о сложностях, с которыми они столкнулись, о страстном желании измученного войной народа вновь обратиться к богу и о венчании 17 пар молодоженов в печанской Троицкой церкви оставил воспоминания представитель православной миссии протоиерей Георгий Тайлов:

«Зима 1941/42 годов наступила быстро. Мне сшили полушубок из восьми овчин, а на ноги валенки. Но в дороге приходилось надевать еще одну шубу, так как ехали при минус 40 градусах... На следующий день

⁵⁴ Воспоминания М.Ф. Григорьевой. Запись Е.В. Хмелевой. 20.01.2015.

⁵⁵ *Альмухамедов Я.Н., Арсеньева А.П.* Миссионеры // Псков: очерки истории. Л., 1971. С. 285.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Листки Святогорского монастыря. Вып. 8. С. 63.

служба совершалась уже в другой церкви, за 40 километров от первой... Посещаемость церковей была огромная, храмы наполнялись полностью, к чаще подходила большая часть молящихся. Время было тяжелое, военное...

Как известно, церковные правила предписывают священнику совершать таинство брака для каждой пары отдельно. Но в условиях миссии в Псковской области это было не всегда возможно. Приближалось время Великого поста, и в пятницу перед Масленицей в Печане приехало 17 пар молодоженов. Венцов не хватало, поэтому пришлось использовать иконки, которые шаферы держали над головами брачующихся... Это было необычное время, большинство молодежи было в армии, в плену, а оставшиеся образовывали новые семьи на оккупированной территории. Как сложилась судьба этих семей, как долго судьба позволила им сохранять семейный очаг в условиях войны? Но Божие благословение снизошло на них в Троицком храме погоста Печаны»⁵⁸.

На территории Пушкиногорского района действовало три партизанских отрядов, но были и мародеры, выдававшие себя за партизан. Кроме этого, по воспоминаниям бывших партизан М.П. Савыгиной и А.В. Михайлова, под видом партизан с целью выведать у населения сведения о партизанах, а также для того, чтобы скомпрометировать настоящих партизан и запугать местное население, ходили по деревням переодетые полицейские. Алексей Васильевич вспоминает: «Фашистское руководство стало организовывать группы полицейских, выдававших себя за партизан. Эти оборотни приходили в избы с просьбой помочь партизанскому отряду продовольствием, пользовались гостеприимством хозяев, склоняли их к откровенному разговору, выведывая сведения о дислокации партизан, об их планах и прочем. Затем, забрав продукты, зачастую убивали всех членов семьи»⁵⁹.

М.Ф. Григорьева вспоминает:

«От алуферовских родственников я узнала, что настоящих партизан на Печанине не было, но иногда появлялись в их краях вооруженные мужчины, представлявшие партизанами, и вели себя они, как бандиты. Сначала изнасиловали десятилетнюю девочку, дочку местной учительницы, через несколько дней вновь явились и увели с собой семь человек, среди них были две престарелые учительницы, Анна Тимофеевна и Александра Петровна, дед Афоня, тот самый, который встречал немцев хлебом-солью, два молодых мужчины из деревни Глыжино и дед Лешка.

⁵⁸ Листки Святогорского монастыря. Вып. 8. С. 54.

⁵⁹ Воспоминания А.В. Михайлова. Запись Е.В. Хмелевой. 23.07.2013.

Дед Лешка через какое-то время полуживой вернулся домой и рассказывал о том, что всех их обвинили в сотрудничестве с фашистами и повели в Ашитковский лес на расстрел. По дороге дед вслух возмущался по поводу того, что его обвинили в пособничестве фашистам, говорил, что сын его недавно погиб, сражаясь в партизанском отряде, а то, что ему, старому деду, немцы разрешили взять тело сына, чтобы предать его земле, так это он не у немцев, а у старосты в ногах валялся. Говорил также, что его дочка, медсестра, была в первые дни войны призвана в армию и погибла, что зять, красный командир, сражается против немцев; так как же он, дед Лешка, может быть фашистским пособником?

Когда арестантов довели до места расстрела, один из конвоиров шепнул деду Лешке, чтобы он, когда начнут стрелять, упал и притворился мертвым.

Вернувшись домой, дед так и не смог восстановиться после всего пережитого и вскоре умер.

Немцы, жившие в Алуферове, местных жителей не обижали, никаких казней не было, только в соседнем Васильевском состоялась публичная казнь: был повешен молодой парень, то ли Фомин, то ли Фокин»⁶⁰.

Все жители оккупированных немцами территорий, вплоть до детей, достигших десяти лет, несли трудовую повинность. Население Пушкиногорского района в основном работало на строительстве оборонительной линии «Пантера». Отказ от выполнения трудовой повинности грозил смертной казнью. Возведению оборонительных сооружений «Пантеры» немецкое командование придавало огромное значение. На данном рубеже «Пантера» прикрывала важнейшие и кратчайшие направления в Центральную Прибалтику. Алуферово, как и Стержнево, Горушка, Чертова гора, Печане, Васильевское и великое множество других населенных пунктов, оказалось на линии строительства оборонительных сооружений.

Мария Федоровна Григорьева рассказала о том, какими работами на возведении оборонительной линии «Пантера» занимались жители деревни Алуферово: «Сначала они равняли дорогу, ведущую от Селихнова к Васильевскому, то есть срывали холмы, засыпали впадины, затем мостили дорогу булыжником, чтобы колеса машин не увязали в песке. После этого их стали гонять на строительство оборонительных сооружений. Пришлось копать траншеи, возводить дерево-земляные валы, укрепленные убежища для солдат. Эти фортификационные сооружения прошли не только через окрестные деревни, такие, как Стержнево, Алуферово, Печане, но даже через Печанское кладбище, где местные жители испокон

⁶⁰ Воспоминания М.Ф. Григорьевой. Запись Е.В. Хмелевой. 20.01.2015.

веков хоронили своих предков. Работая на возведении оборонительных сооружений на территории кладбища, алуферовцам поневоле пришлось выкапывать гробы, и не дай бог, если кто замешкается. Был случай, когда одному подростку стало плохо из-за того, что он увидел, как с извлекаемого из могилы гроба сползла крышка. Немец-надсмотрщик побоями привел его в сознание и принудил продолжить работу»⁶¹.

В конце марта в районе Печан была форсирована река Великая, так образовался Стрежневский плацдарм. С.М. Штеменко в книге «Генеральный штаб в годы войны» (Воениздат, 1968) пишет: «Враг прочно сидел в обороне, опираясь на укрепленные районы Пскова и Острова. Осуществить дальнейшее наступление войск не удалось. Пушкинские Горы разделила линия фронта. Она прошла через Печане, Чертову гору, Железово, Зимари, Крылово и Пундровку и далее в Новоржевский район»⁶². На Стрежневском плацдарме на протяжении нескольких месяцев шли самые жестокие бои, в этих местах, защищая Советскую Родину, сложили головы тысячи ее защитников, людей разных национальностей. В середине июля 1944 года с территории Стрежневского плацдарма началось наступление наших войск.

Несмотря на то, что плацдарм вошел в историю под названием Стрежневский, М.Ф. Григорьева считает, что его правильнее было бы назвать Стержневским, потому что не было на Печанщине деревни Стрежнево, но стояла до 1944 года неподалеку от Алуферова старая, еще дореволюционная деревня Стержнево. Это название происходит от слова «стержень». В толковом словаре Ушакова так объясняется значение этого слова: «Стержень — это основа, центральная часть, а в переносном смысле — устойчивость во взглядах и убеждениях, определяющая поведение». Возле Стержнева, небольшой деревушки, затерявшейся в псковской глухомани, несколько месяцев шли кровопролитные бои. В этом противостоянии не только силы, но и духа в полной мере проявился духовный стержень, присущий советскому народу. Сила духа и сознание правоты своего дела стали той самой основой, которая не дала морально сломить этот народ, помогла ему выстоять не только в изнурительных кровопролитных боях на Стрежневском плацдарме, но также одержать победу в Великой Отечественной войне.

⁶¹ Воспоминания М.Ф. Григорьевой. Запись Е.В. Хмелевой. 20.01.2015.

⁶² *Савыгин А.М.* Пушкинские Горы. С. 112.

«ВОЙНА ГУЛЯЕТ ПО РОССИИ, А МЫ ТАКИЕ МОЛОДЫЕ...»

«Война гуляет по России, а мы такие молодые...» Это строчка из стихотворения Давида Самойлова «Сороковые»⁶³. Герои воспоминаний о военном времени тогда тоже были молоды. Кому-то из них в 1941 году было 16 лет, а кому-то всего 8, но в их память навсегда врезались воспоминания о суровой военной юности. В силу своего возраста они не принимали участия в боевых действиях Великой Отечественной войны, но тяготы военного времени испытали сполна. Тем не менее, вопреки всему, подобно автору стихотворения «Сороковые», они сумели сохранить светлое восприятие жизни. Видимо, оно помогало им, как и большинству наших соотечественников, переносить трудности, лишения и страшные испытания, выпавшие на их долю.

Героев приведенных воспоминаний объединяет схожесть судеб. Все они во время войны оказались очень далеко от родного дома: кто учился в блокадном Ленинграде, одновременно работая на производстве снарядов, кто, находясь в эвакуации, работал в колхозах, в шахтах, на лесозаготовках, помогая фронту и приближая победу, кто, находясь в Германии на принудительных работах, жил надеждой на скорое освобождение.

Приведенные здесь воспоминания — не просто сведения о превратностях судеб отдельных пушкингорцев в предвоенное, военное и послевоенное время: в этих рассказах нашла отражение история нашей страны в 1940-е «роковые» годы.

* * *

Георгий Петрович Святогоров вспоминает:

«Накануне войны директором Заповедника был назначен Михаил Зиновьевич Закгейм, но он куда-то исчез, поэтому эвакуацией имущества Заповедника занимался его заместитель Аксенов. С эвакуацией работники Заповедника опоздали: в Новоржевском районе возле деревни Жарки обоз завернули назад, потому что немцы Новоржев уже захватили.

Экспонаты были возвращены в михайловский музей. Управляющим музеем немцы поставили Кузьму Афанасьева. В 1943 году Афанасьеву было поручено подготовить музейные экспонаты для отправки в Герма-

⁶³ Самойлов Д. Сороковые // Путешествие в страну поэзия. Т. 2. Л., 1972. С. 488.

нию. Поскольку мой отец имел хороший почерк, ему пришлось составлять опись того, что должны были вывезти. Кузьма Афанасьев делал только правки. Двенадцать ящиков с музейным имуществом потом были обнаружены где-то под городом Лиепая, но среди них была только часть описанных отцом экспонатов.

Наша семья тоже пыталась эвакуироваться, но и с нашей эвакуацией ничего не получилось. Отцу, которого не взяли в армию из-за контузии, полученной в Гражданскую войну, Заповедник для эвакуации выделил большую старую лошадь, мы погрузили на нее скарб, взяли с собой корову, а поросенка оставили в загородке. Недолго мы на лошади ехали, в Петровском она пала. Мы похоронили лошадь, пожитки закопали, но домой сразу возвращаться не стали, решили переждать лиху в лесу, всё надеялись, что немца прогонят. В этом лесу прятались не мы одни, народа там было много. Неподалеку от того места, где мы хоронились, протекала река Сороть. Лето было жаркое, ребятишки часто бегали на речку купаться. Однажды, когда мы купались, откуда ни возьмись появился немецкий бомбардировщик. Мы еще ничего не успели сообразить, как немец спикировал и сбросил в реку бомбу. Слава богу, никто из ребят не пострадал, только илом нас всех забрызгало.

В лесу мы жили дней десять. Когда поняли, что больше нечего дожидаться, подались домой. Жители деревни Савкино вкопались в Воронью горку, выбрали место перед Старицей, как раз там, куда причаливали раньше речные трамвайчики, курсировавшие от Петровского до Тригоровского.

Когда савкинцы обосновались в этих норах, прибежала к нам какая-то свинья. Может быть, это была наша свинья, та самая, которую мы в загородке оставили, когда пытались эвакуироваться. Вася маленький, работавший до войны в Заповеднике на хоздворе, ее поймал, зарезал, палить ее мы не стали, так со щетиной всей деревней и съели.

Не успели мы обжиться в Вороньей горке, как нагрянула к нам немецкая мотопехота. У каждого из них автомат наизготовку. «Рус золдат, рус золдат», — пошли по землянкам, но солдат не нашли.

Пожили мы какое-то время в землянке, потом вернулись в свой дом, на Савкину горку. На нашей стороне немцы хозяйничали, а за Соротью был партизанский край, куда немцы и носа не казали. Помню, три партизана на лошадях со стороны Дедовцев на нашу деревню в бинокль смотрят, а немцы не то что не стреляют по ним — даже не глядят в их сторону. Но это было до поры до времени. Потом понагнали немцев к Сороти, и они давай обстреливать из-за реки трассирующими пулями деревню,

что стояли на другом берегу. Всё вмиг запылало: Носово, Еремы, Песечек, Михново... Потом через Дериглазовский мост послали на партизан карателей: власовцев, СС. Шли каратели на партизан красиво: строем, под музыку, с барабанным боем. У всех эсэсовцев рукава по локоть за-сучены, у каждого на рукаве эмблема: череп и две скрещенные кости... А возвращались из-за реки единицы, кто вплавь, кто как.

Дериглазовский мост немцы постоянно охраняли. В нашу деревню тоже заходили с поборами. Всё забирали: молоко, яйца, мед.

В Михайловском немцы тоже всю хозяйничали, пилили лес — как раз там, где жили цапли. Цапли исчезли, но после войны они снова вернулись. Древесину сплавляли по Сороти, затем по Великой. Штабеля заготовленной древесины лежали возле реки, где теперь стоит ветряная мельница. Однажды ночью эти штабеля кто-то поджег.

Где-то в середине войны немцы вдоль русла Сороти стали возводить укрепления, а сам берег реки натянули колючей оцинкованной проволокой. В нашей деревне тоже стали что-то делать, в том числе и возле нашего дома. Дом стоял на склоне. Под склоном, как раз за домом, фашисты стали копать землю. Мать спросила у них: «Что тут будет?» Один из копавших ей ответил: «Будет, матка, тебе погреб». Но погреба мы не дождались, нас всей семьей, как и других, отправили в Германию. Выгнали нас всех из домов в чем были, погрузили на машину и повезли. Тот, кто был попроворнее, с собой что-то успел прихватить. Помню, везут нас в кузове грузовика, а у одного мужика кепку ветром сдуло, так он другую из-за пазухи вытащил: «А у меня еще одна есь».

Какое-то время мы жили на перевалочной базе в Польше, потом нас повезли дальше. Наша семья оказалась в окрестностях Ольденбурга, неподалеку от границы с Голландией. В Ольденбурге был приемник. Туда приезжали бауэры, то есть хозяева, нуждающиеся в рабочей силе, и разбирали работников. Мы попали на сельхозработы в деревню то ли Дорпен, то ли Ноэдорпен к одному из немецких бауэров. Звали нашего бауэра Ангольдом, его жену, несмотря на то, что она была немкой — Марией. У Ангольда и Марии была дочка, уже довольно большая девочка, которая, несмотря на возраст, писалась в штаны. Мы ее прозвали Ссусья, она откликалась на это прозвище.

Работники жили в полуподвальном неотапливаемом помещении. Там было полно крыс. Эти крысы по ночам бегали у нас по головам. Работали мы на бауэра Ангольда весь световой день. Мы ходили за скотом, трудились на сенокосе, на полях. У хозяина были целые загоны скота, а на полях росла кукуруза, капуста кольраби. Я тоже работал, но всё-таки

нашел время, чтобы смастерить ружьецо, которое стреляло гвоздями, и засадил из него гвоздь в лысую голову отца хозяина. Кровищи было! Старик после этого три дня из дома не выходил, а меня тогда сильно избили, но я гордился тем, что хоть одного немца ранил.

Среди тех, кто работал на бауэров, были и французы, и итальянцы, и чехи, и поляки, и русские. Был среди нас один украинец Сильвестр. Он смастерил детекторный приемник и слушал сводки Советского информбюро, затем мы сведения передавали от одного к другому. Иногда доводилось и мне послушать сводки. Особенно мне нравилось слушать Левитана: он так говорил, что выступали слезы.

Когда открыли второй фронт, над нашей деревней тучей полетели на немецкие города американские самолеты. Они сбрасывали свой боекомплект и затем возвращались налегке. Чтобы преградить им путь, немцы установили зенитки и замаскировали их, а на видном месте поставили макеты. Наш хозяин Ангольд раз в неделю надевал немецкую форму и уходил на дежурство.

Когда пришли в деревню союзники, нас всех, и хозяев, и работников, выстроили на краю рва. Мы стоим, а возле нас танки ревут, рации пищат, солдаты ходят с автоматами наперевес. «Ну, — думаю, — дождались освободителей». Кто-то из наших говорит: «Мы русские», — а в ответ: «Сталинская курва». Оказалось, это были не американцы, а поляки.

Потом на сборные пункты потянулась вся Европа: чехи, французы, итальянцы... Там нас американцы вкусно и сытно кормили: тушенка, сосиски в банках, галеты. И всё же что-то было не так, настораживало. Меня потряс один случай: на территории нашего сборного пункта находилось поле, засеянное то ли рожью, то ли пшеницей. Ехала через это поле на велосипеде по тропинке молодая немка с ребенком. Увидел ее американский солдат, вскочил на бочку и выстрелил. Немка упала с велосипеда, корчилась, а ребенок бежал от нее, только колоски над ним шевелились.

Когда нас подкормили, началась сортировка людей и агитация. Нам предлагали ехать в Америку, предвещали скорую войну с Советским Союзом. Мы были ошарашены: какая война, давно ли братались с американцами на Эльбе? Некоторые из наших согласились поехать в Америку.

После того как закончилась агитация, нас отправили кого в Париж, кого в Рим, а мы поехали в Савкино. В ту пору все поезда шли на восток, на войну с Японией, их пропускали в первую очередь, а наш поезд, бывало, загонят в тупик, и стоим мы там недели две, а нас в это время кормят, поят, концертами развлекают.

Восстановление Святогорского монастыря

Вернулись мы в Пушкинские Горы аккурат на Успение Богородицы, 28 августа. С этим праздником теперь вся жизнь связана: еще в бытность в Германии, в то время, когда я на бауэра работал, 28 августа я увидел, как среди опавших листьев что-то сверкнуло. Когда разглядел, то оказалось, что это был образок Успения Богородицы. Мама сказала, чтобы я хранил этот образок, с тех пор он был со мной. Я считаю, что он меня оберегал. В моей жизни было несколько случаев, когда я мог бы погибнуть, но жив до сих пор, а мне уже 82 года. Правда, сейчас у меня этого образка нет: как пришел он ко мне, так и ушел.

Так вот, прибыли мы в Пушкинские Горы, а в поселке всё лежит в руинах, в Савкине тоже. Знакомые нам рассказали, что немцы за нашим домом выкопали укрытие для самоходного орудия, а дом разобрали на блиндаж. Спасибо, районное начальство выделило нам комнату в Мехово в полуподвальном помещении дома бывших купцов Харинских. Потом позволили нам разобрать бункер на Змеиной горке. Из этих бревен мы выстроили маленький домишко на Пушкинской улице. Потолок в этом доме был настолько низкий, что когда я вырос, мне приходилось в этом доме пригибаться.

Отец после войны вновь вернулся на работу в Заповедник, на дизельную пилораму. Она находилась на территории Святогорского монастыря.

Там пилили доски, которые шли на восстановление Заповедника. Восстанавливал заповедник Ленакадемстрой. Работникам Ленакадемстроя помимо карточек давали еще дополнительный паек: хлеб, селедку, спирт. У нас с матерью и сестрой кроме карточек ничего не было. Отец отоваривал свою пайку на работе, а продовольственные карточки мы отоваривали на Мехово в ларьке. Этот ларек стоял на том месте, где до недавнего времени находилась плодоовощная база. Возле этого ларька люди занимали очередь еще с вечера, но я отоваривал карточки вне очереди, да еще получал к хлебной пайке маленький довесочек, потому что вместе с другими мальчишками помогал разгружать хлеб. Хлеб привозили на лошади, еще теплым, душистым.

Дома мы отцовскую пайку делили поровну, а пайка хлеба каждому доставалась своя. Я свою сразу съедал, а сестра, бывало, маленький кусочек отрежет, съест, а остальное припрятет в пустую кастрюльку на потом. Я найду то, что она припрятала, и немножко ножичком подравняю, чтобы аккуратнее было. Я по жизни аккуратный, люблю, чтобы всё было ровненько, красиво. Бывало, сестра увидит, что хлеба мало, и — в слезы.

Чтобы как-то прокормить семью, мать пекла лепешки с добавлением лебеды, крапивы, опилок. На еду шли только березовые опилки. Отец заранее нам говорил, когда будут пилить березовые доски. К этому времени я приходил к нему на пилораму с мешком за опилками. Также мать пекла драшки из гнилой картошки. Эту картошку на овощной базе заготовили еще до войны. Она хранилась в буртах, а после войны эти бурты раскопали, и люди употребляли картошку четырехлетней давности в пищу. Тогда все жили голодно, но помогали друг другу выжить. Так поступали не только взрослые, но и дети. В 12 лет я пошел учиться в школу, прямо во второй класс, минуя первый. Там у меня появились два друга: Коля из Подборья и Олег Столяров из Жарков, я думаю, что благодаря им я остался жив, они меня подкармливали: что ни принесут в школу перекусить, обязательно всё поделят на троих.

Когда я пошел учиться в школу, мать сшила мне новые штаны из немецкого мешка. Эти штаны были скроены так, что на заднице у меня оказался немецкий орел. Как мать только эти штаны не перекрашивала, орел всё равно проступал.

В послевоенное время в одном классе учились и малыши, и переростки. Переростки сидели на «камчатке». Учительницу нашу звали Валентиной Васильевной Васильевой. Она была красавицей, и я в нее влюбился. В пору цветения ландышей я на Острой горке собирал для нее букеты, но она, видно, не догадывалась, почему я ей дарил цветы, и вскоре вышла

замуж за другого. Я долго возмущался по поводу того, что не дождалась меня, так как был уверен: когда вырасту, обязательно на ней женюсь.

Школьные учебники я носил в противогозной сумке, деньги на них зарабатывал сам: вместе с другими гонял в Остров стадо свиней. Обувь я берег, поэтому ходил босиком. Перегоны эти длились несколько суток. За это время я наминал ноги так, что трудно было шаг ступить. Свиньям тоже приходилось туго. Если свинья уже не могла идти дальше, мы ее связывали и клали в телегу, на которой везли комбикорм. Этим комбикормом мы свиней кормили, чтобы в пути не отошали. Как-то мы остановились на ночлег под Островом на поле, уставленном скирдами. Было холодно, лил дождь, и мы переночевали в скирде. Когда утром проснулись, то не обнаружили ни одной свиньи... Потом оказалось, что они тоже вырыли себе норы в скирдах — там и спали. Полдня мы палками выгоняли их из этих нор.

После войны в наших местах было полно мин, снарядов. Меня на разминирование не посылали, по возрасту не подходил, но мы с мальчишками найденные мины и снаряды сами пытались обезвредить. Я и сам три раза чуть было не подорвался. Например, был такой случай: пошли мы с товарищем за грибами и нашли огромный снаряд. Снаряд был такой тяжелый, что мы не смогли его поднять. Чтобы обезвредить находку, мы ее перекатали в яму, натаскали туда сухого валежника и подожгли, а сами в низинке спрятались, выглядываем оттуда. Вдруг откуда ни возьмись появилась женщина и напрямик к костру направилась, видно, погреться решила. Мы из укрытия выскочили, руками машем, кричим, чтобы убежала, мол, сейчас рванет. Она — наутек. Только мы в укрытие спрыгнули, как рванет — деревья вокруг как ножом срезало»⁶⁴.

Детские годы Георгия Петровича Святогорова прошли в Михайловском, затем в Савкине. Он был свидетелем не только довоенной жизни Заповедника, но и того, что происходило на его территории в годы войны.

Неподалеку от Савкина, по другую сторону Сороти, находится деревня Вече. В этой деревне прошло детство Василия Семеновича Евдокимова. Он в 1941 году после окончания семи классов уехал на учебу в Ленинград.

Помимо сведений о жизни Василия Семеновича в блокадном Ленинграде в его воспоминаниях также приводится интересная информация о предвоенном периоде истории Пушкиногорского района и районного центра Пушкинские Горы.

⁶⁴ Воспоминания Г.П. Святогорова. Запись Е.В. Хмелевой. 10.11.2015 // Псков. 2017. № 46.

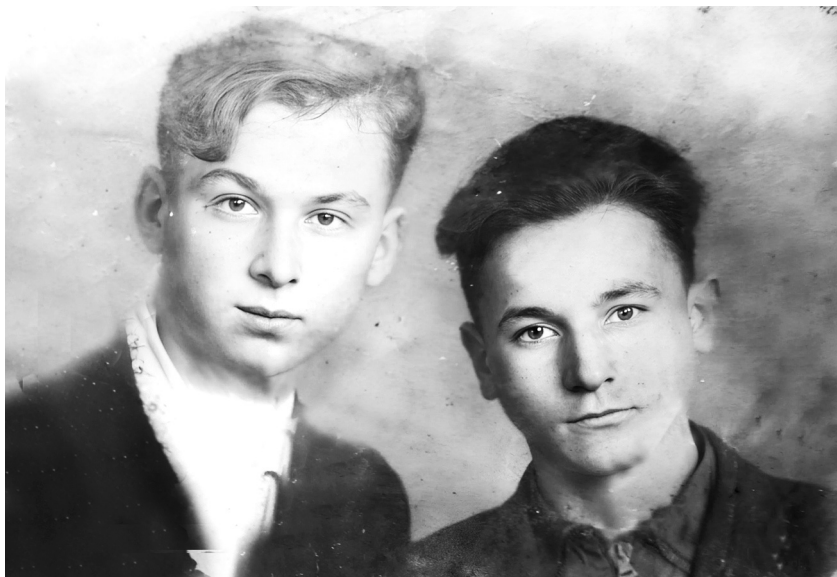
Василий Семенович вспоминает:

«Я родился в 1925 году в деревне Танцы. Мой отец Семен Евдокимович в молодые годы принимал участие в Первой мировой войне. После революции так же, как и его братья, он стал комсомольцем-активистом. Когда началась коллективизация, братья Евдокимовы были привлечены к работе по созданию колхозов и жизнеобеспечению их деятельности. Один из братьев отца, Федор Евдокимович, был даже направлен в районный центр Пушкинские Горы заведующим зернохранилища. Я бывал у дяди Федора в Пушкинских Горах. Предоставленный ему маленький домик стоял напротив амбаров, в которые колхозники свозили зерно. Эти амбары до сих пор стоят на Пушкинской улице. По поводу времени строительства большого амбара дядя Федор говорил, что он был построен еще до революции. Малый амбар, видимо, появился позднее. Выбитая на стене этого амбара цифра «1928», скорее всего, свидетельствовала о времени завершения его строительства. Если коллективизация в районе началась в 1929 году, то аграрные организации появились намного раньше: коммун, совхозы, ОРСы (отделы рабочего снабжения).

Когда началась коллективизация, наша семья покинула Танцы и переехала на жительство в деревню Вече, где в то время создавался колхоз имени Долорес Ибаррури, затем этот колхоз переименовали в колхоз Ленина, а позже в «Ленинский путь».

Первый председатель колхоза был прислан к нам из Ленинграда, а мой отец был назначен счетоводом. Работы у счетовода было много, но отец считал это нормой. Позднее, когда отец стал председателем колхоза, он пенял своим подчиненным: «Как же так, вы вдвоем не можете справиться с тем, с чем я один когда-то справлялся».

После окончания семилетки я был принят на обучение в Ленинградское техническое ремесленное училище № 63. Вскоре после того, как я уехал из Вече, началась война, а затем и блокада Ленинграда. Несмотря на это, уроки в училище не прекращались. Помимо того, что нас обучали токарной и слесарной профессиям, мы работали на заводе. Я был слесарем, работал на производстве снарядов. Снаряд делало несколько человек: один закатывал железный лист, другой его паял, третий засыпал взрывчатое вещество, и так далее... Помимо учебы и работы на заводе нас в случае необходимости отправляли копать окопы, ставить противотанковые заграждения, быки, натягивать колючую проволоку. Когда немцы подошли вплотную к городу и начались бомбежки, нам пришлось ловить наводчиков во время авианалетов. Мы их вычисляли по сигналам, которые те подавали фашистским пилотам с помощью

Борис Стройнов (слева) и Василий Евдокимов

электрического фонарика. Поймав подозреваемого, мы доставляли его в комендатуру, а там выясняли, кто он такой и с какой целью подавал сигналы.

Немцы в первую очередь старались уничтожить склады с запасами продовольствия, поэтому продовольственные склады особенно тщательно охраняли. И всё-таки Бадаевские склады фашисты разбомбили, а там припасов было на 15 лет! Как эти склады горели! Ленинградцы старались как можно больше спасти продуктов питания, вынося их из складских помещений. Эти продукты грузили в машины и вывозили со складов на машинах.

Еще нам приходилось тушить зажигательные бомбы. Эти бомбы были небольшие, они пробивали только крышу и застревали на чердаке. Если такую бомбу сразу не затушишь, то дом загорится. Как-то в наше училище тоже попала зажигательная бомба, начался пожар, но нам удалось его потушить. Зажигательные бомбы мы тушили только тогда, когда заканчивались бомбардировки. Действовали небольшими группами. Возглавлял каждую группу взрослый наставник, поддерживавший связь с военным. Сразу после окончания бомбежки мы надевали специальные

длиной по локоть перчатки и с наставником бежали в указанное место тушить зажигалки. На чердаках домов заранее были припасены бочки с водой и ящики с песком. Мы длинными щипцами брали зажигательную бомбу и окунали ее в бочку. Если чердак успевал загореться, то мы засыпали огонь песком.

Однажды зажигалка, которую я схватил щипцами, взорвалась, ранив меня осколком в живот. В больницу меня не отправили, а лечили там же, в училище. Паяк мне приносил мой товарищ, Боря Стройнов. Он ухаживал за мной, как за родным. Мы настолько сблизились, что я стал относиться к нему, как к брату. После войны, когда я женился и в нашей семье появились дети, я одного из сыновей назвал в его честь Борисом. Несмотря на заботу и моральную поддержку Бори, я очень долго не мог поправиться: мало того, что был ранен, так еще и ослаблен от голода и холода. Кормить-то нас кормили, только что это была за еда? Считаю, что давали не похлебку, а пустую водичку. Рана на животе долго не заживала, поэтому приходилось всё время лежать на спине, от этого у меня пошла пролежня. Я лежал и чувствовал, что заживо гнию. Помог мне лечащий врач. Он где-то нашел резиновую шину, надул ее и подсунул под меня. Я почувствовал облегчение. Наконец я начал вставать на ноги, а потом и ходить потихоньку. Как раз в это время прорвали блокаду, и нас, учеников ремесленного училища, вывезли из Ленинграда. Ехали в кузове грузовой машины по льду Ладожского озера. Водители всю дорогу вели машины, стоя на подножке — чтобы была возможность спрыгнуть в любой момент, а для нас открыли борта. Только навряд ли кто из нас смог бы спрыгнуть с машины в случае опасности — мы были настолько ослаблены и измождены, что у нас не оставалось сил даже на эмоции: когда мы увидели, что шедшая перед нами машина ушла под лед, мы отнеслись к этому с безразличием.

Наконец привезли нас в Кочугино. Поскольку мы все были доходягами, нас там подлечили и отправили на работы кого в Москву, кого в Свердловск. Я был направлен в Свердловск, туда же направили и Бориса Стройнова.

В Свердловске нас разместили в бараках. В каждой комнате проживало по 18 человек. Койки, на которых мы спали, были двух-, а то и трехъярусные. Всех нас распределили по заводским цехам. Меня поставили работать подручным в кузнечный цех. Я закидывал в топку кузнечной печи болванки и после того, как они раскалятся, вытаскивал одну из них, щипцами подавал кузнецу и держал ее, пока он на наковальне отбивал из нее нужную деталь. Однако поскольку я еще как следует не оправился

после ранения, у меня начались проблемы со здоровьем, и меня перевели в другой цех, где я следил за исправностью станков.

В 1945 году я получил отпуск и поехал домой в Вече. Приехал домой, а нашего дома нет. Стоит в деревне только один-единственный дом, да и тот новый, только что построенный — дом председателя колхоза. Остальные односельчане ютились в землянках. Вся земля в округе была изрыта воронками от взрывов до такой степени, что не сохранилось ни одного деревца, лишь кое-где пробивались из-под земли жиденькие кустики.

Когда наши войска наступали, они недалеко от Вече прорвали немецкую оборонительную линию «Пантера», захватив небольшой плацдарм, на котором затем несколько месяцев длились бои. На этом плацдарме погибли тысячи бойцов, еще больше было ранено. Раненых свозили в военно-полевой госпиталь, оборудованный возле нашей деревни. Далеко не все, попавшие в этот госпиталь, выжили. Все они были похоронены неподалеку от госпиталя на братском кладбище в деревне Вече.

Кроме горечи от увиденного, была радость встречи с родными. Обрадовало то, что все они были живы и здоровы, хотя, как и все остальные, натерпелись в войну. Во время оккупации родителей больше всего волновала судьба моего младшего брата Жени, которого постоянно приходилось прятать, чтобы немцы его не отправили в Германию. Староста не давал им покоя, постоянно выводывал, где находится сын. Наконец родители решились отправить Женю к родственникам матери в другую деревню, туда, где немцы не так зверствовали.

Как и все жители оккупированной территории, мои родители несли трудовую повинность. Они работали в Михайловском на лесозаготовках: валили лес, древесину вязали в плоты и спускали по Сороти. Затем эту древесину, как говорили знающие люди, в Острове распиливали на доски и эшелонами отправляли в Германию.

Если работники на лесозаготовках в Михайловском трудились добросовестно, то у немцев к ним никаких претензий не было. Но люди, несмотря на это, старались избежать выполнения этой трудовой повинности, и многие из них уходили к партизанам. Те, которые не в состоянии были ходить на задания, просто жили под прикрытием партизан. Таким образом на подконтрольной партизанам территории стали появляться поселения мирных жителей, живших в землянках. Мой отец тоже ушел к партизанам и нашел убежище в одном из таких поселений.

Только после освобождения района оставшееся в живых население Вече вернулось туда, где прежде стояла их деревня.

Когда в 1947 году меня по состоянию здоровья уволили с завода, я вернулся к родным. К этому времени уже многие семьи перебрались из землянок в дома. Мой отец тоже вместе с младшим сыном Женей строил новый дом. Я подключился к работе. Дома строили в основном из древесины, которой при немцах были вымощены дороги, выбирали бревна из землянок, а некоторые хозяева даже возили на строительство бревна из леса.

В деревню вернулась мирная жизнь, но постоянно напоминает о прошедшей войне братское кладбище. После войны здесь перезахоранивали останки солдат, поднятых из окрестных братских и одиночных могил. В настоящее время на братском кладбище в Вече похоронено порядка трех тысяч человек, в том числе и Герой Советского Союза Федор Васильевич Ермолаев. Ему, уроженцу Омска, посмертно было присвоено это звание за подвиг, совершенный на нашей земле»⁶⁵.

Перед войной многие парни и девушки из Пушкиногорского района, как и Василий Семенович Евдокимов, уехали учиться в Ленинград. Как они там жили во время блокады и почему не вернулись домой, можно только догадываться. Василию Семеновичу повезло: его, обессиленного от голода и болезни, вывезли из осажденного города по Дороге жизни, после чего он был переправлен в Свердловск. В Свердловской области во время войны оказались и другие жители Пушкиногорского района. Среди них была Вера Григорьевна Константинова (в девичестве Коноплева). Перед войной она вместе с родителями проживала в деревне Васильевское. В самом начале войны, в июле 1941 года она вместе с родителями эвакуировалась, а когда вернулась из эвакуации, узнала, что на месте деревни остались только руины, потому что в апреле 1944 года этот населенный пункт во время боев за расширение Стрельневского плацдарма оказался в зоне боевых действий. Участник боев на Стрельневском плацдарме С.С. Полевой вспоминал: «11 апреля 1944 года после упорных боев, продолжавшихся целый день, Васильевское было взято советскими войсками. К исходу дня стало ясно, что обе стороны исчерпали свои возможности для продолжения активных действий. Наступило затишье...»⁶⁶

Вера Григорьевна вспоминала о своем детстве, прошедшем в Васильевском, и о трудовой юности, которую она провела вдали от малой родины:

⁶⁵ Воспоминания В.С. Евдокимова. Запись Е.В. Хмелевой. 2.10.2015.

⁶⁶ Полевой С.С. На Стрельневском плацдарме // Пушкинский край. 12.07.2016. Автор материала — ветеран 146-й стрелковой дивизии.

*Вера Григорьевна Константинова,
дочь председателя колхоза
«Новый путь» (Печане).
Эта семья эвакуировалась
в Свердловскую область в шахтерское
поселение «Черемшанка»*

*Мать Веры Григорьевны,
Ольга Иосифовна*

Слева — отец Веры Григорьевны, Григорий Иванович

«Перед войной я вместе с родителями жила в Васильевском. Семья наша трудилась в колхозе «Новый путь». Этот колхоз был основан на базе сельскохозяйственной коммуны, в которую были собраны беднейшие крестьяне со всей округи.

Когда я подросла, пошла в школу. Школа находилась недалеко от нашей деревни в селе Печане. В 1941 году я окончила шесть классов и перешла в седьмой, но продолжать учебу мне пришлось много-много лет спустя, в шестидесятые годы, так как 22 июня началась война, а в самом начале июля фашисты подошли к Пушкинским Горам. У нас в Васильевском было слышно, как бомбили Пушкинские Горы. Так грохотало, что я испугалась и побежала прятаться под берег Великой.

Пятого июля отцу как председателю колхоза поступило распоряжение эвакуировать скот. Наш колхоз «Новый путь», как и другие довоенные колхозы нашего района, был небольшой, в состав «Нового пути» входила только наша деревня Васильевское.

Получив распоряжение об эвакуации скота, все члены колхоза (а их было не так уж и много, вместе с детьми, может, всего-то человек сто) быстро собрали свои пожитки и погнали стадо. Поразмыслив во время пути, колхозники договорились между собой, что нечего им срываться

с насиженного места, и, дойдя до Петровского, повернули назад. Так со стадом осталась только наша семья, папа, мама и я.

Конечно, коров нужно было и пасти, и доить. Пасли коров мы сами, а доить помогали нам беженцы. Беженцы шли сплошным потоком. Кто на лошади вез пожитки, кто на себе тащил, кто на тележке. Мне запомнился один пушкинорец. У него было очень много детей, мал мала меньше. Он тащил тележку с малышами, а те, кто был постарше, бежали за этой тележкой. Вещей у них считай что никаких не было. Из всех пожитков было взято только то, что находилось в тележке под малышами.

Наша колонна шла в сторону Ярославля. Нас немцы обстреляли только один раз, когда мы сделали остановку возле озера Селигер, чтобы накормить и напоить коров, а сами пошли купаться. Как раз в это время откуда ни возьмись появился немецкий самолет и давай по нам строчить из автомата.

В Ярославской области мы осели в одном из колхозов. Сдав в колхоз скот, приступили к работе, но работали недолго: немцы наступали, и нам с двумя местными девчонками велено было гнать всех колхозных коров, в том числе и наших, на мясокомбинат в Рыбинск.

Затем нам снова пришлось эвакуироваться. Добрались мы до Ярославля. В Ярославле нам пришлось жить на вокзале. Там мы долго ждали, когда сформируют поезд для беженцев. Беженцев на вокзале кормили. Помню, что ела я тогда манную кашу. Там же, на вокзале я встретила свою учительницу Александру Ивановну, и она меня повела в театр имени Волкова. Не помню, что тогда показывали, помню только декорации: зимняя ночь и падающий снег. Еще меня поразило то, что в разгаре была война, наступали немцы, а в театре шли постановки.

Когда сформировали эшелон для беженцев, нас посадили в товарные вагоны и отправили в Свердловск. В Свердловске нас распределили по пунктам назначения. 31 декабря 1941 года нашу семью вместе с другими беженцами привезли в шахтерское поселение Черемшанка, находившееся в Сухоложском районе Свердловской области. Нас сразу отвели в баню, одежду подвергли термообработке, затем нас расселили по баракам. Среди прибывших в Черемшанку были и выходцы из нашего района.

В эвакуации я сначала трудилась на лесозаготовках, потом на строительстве железнодорожного разъезда. По 12 часов сряду носилки с землей носила. Бывало, домой приду и спрашиваю у мамы: «Мама, посмотри, у меня руки не оттянулись?»

Потом я работала в шахте. Там находились две шахты: одна вертикальная, длиной 40 метров, а другая покороче, но очень наклонная. Я, по-

сколько была еще девчонкой, то трудилась на легкой работе, помощником маркшейдера, то есть инженера. Маркшейдера звали Капой. Она была немного старше меня. Моя задача состояла в том, что я должна была Капе светить фонариком. Однажды, работая в наклонной шахте, я поскользнулась и докатилась до самого конца уклона, в конце которого находился зонт, наполненный водой. Немного не докатившись до этого зонта, я сумела зацепиться за стенку уклона и стала потихоньку выбираться из тоннеля на огонек, горевший вверх.

Приходилось мне трудиться и в вертикальной шахте. Эта шахта не выполняла план, поэтому комсомольцы взяли над ней шефство: по ночам, после трудового дня мы ходили добывать уголь. Отбойных молотков не было, поэтому уголь добывали кайлом.

В Черемшанку были эвакуированы многие пушкингорцы. Некоторые из них, как и я, работали в шахте. Особенно из наших земляков мне запомнились две Маши из Подкрестья: Маша маленькая и Маша большая. В шахте у каждого из нас была своя работа. Маша большая была крупная и сильная, поэтому ее поставили на самую трудную работу: она трудилась забойщиком.

Однажды в шахте произошел обвал, и Машу большую почти полностью засыпало породой, одна только голова торчала. Машу спасли, а десятника, который рядом с ней находился, завалило полностью.

Когда построили разъезд, меня поставили работать там экспедитором. Вагоны грузили заключенные, женщины. В мою обязанность входило оформлять документы и относить их на железнодорожную станцию, находящуюся в двенадцати километрах от разъезда; приходилось ходить с документами через лес по шпалам туда и обратно. Как-то мне подсказали, что можно всё делать проще, то есть вскочить в движущийся поезд и так же, прибыв на станцию, соскочить с него. Однажды, прыгая с поезда, я, видимо, ударилась головой. Когда очнулась, увидела, что стою, опираясь на какого-то мужчину. Ничего не помню: кто я, откуда, как меня зовут, как здесь оказалась. Мне стало очень страшно. Мужчина отвел меня в медпункт. Там мне сделали укол и дали возможность отлежаться, после чего память восстановилась.

Наша семья возвратилась домой из Сибири только в 1946 году, потому что папу, работавшего в Нижнем Тагиле на танковом заводе, долго не отпускали.

Две Маши из Подкрестья, вернувшиеся раньше нас в Пушкинские Горы, писали нам письма. Большая Маша жаловалась, что кашляет, и отхаркивается у нее черным. Вскоре она умерла.

Когда мы прибыли в Пушкиногорский район, то в Васильевское не вернулись, потому что от нашей деревни практически ничего не осталось»⁶⁷.

Во время эвакуации семья Коноплевых вместе с другими беженцами шла через Новоржев, Бежаницы, Локню. За Локней колонна разделилась: кто-то пошел в сторону Рыбинска, а кто-то в сторону Калинина. Этот путь оказался более опасным: колонну беженцев, направлявшуюся в сторону Калинина, неоднократно обстреливали и бомбили с самолетов. В обочинах вдоль дороги, по которой шли беженцы и гнали скот, лежали туши убитых коров. Были жертвы и среди людей, в том числе и среди жителей Пушкиногорского района. Анна Васильевна Петрова вспоминала: «Мы шли целый месяц. Всё это время стояла страшная жара и сушь. Непрерывным потоком шли люди, по этой же дороге гнали колхозный скот, навстречу нам в сторону фронта ехали танки, машины. От пыли, поднимаемой над дорогой, было трудно дышать. В каких-то деревнях мы на некоторое время останавливались в надежде на то, что на подступах к Москве наши остановят немца. Но фашисты по-прежнему наступали, и нам приходилось снова срываться с места и идти дальше. Когда мы дошли до районного центра Горицы Калининской области, беженцам стали раздавать хлеб. Создалась огромная очередь, и тут прилетел немецкий самолет и стал бомбить. Много людей погибло. Одной девчонке из нашего района снесло голову, другую пушкиногорскую девочку ранило в грудь, из-за чего она долго болела и в конце концов умерла. После этого авианалета наша семья, как и многие другие пушкиногорцы, решила, что пора осесть. Горицкие власти всех нас распределили кого куда. Нашу семью и несколько других семей из Пушкинских Гор направили в деревню Авделиха. Там нас расселили по домам. В том доме, который нам выделили, обосновались три семьи пушкиногорцев. Все мы жили в двенадцатиметровой комнате, спали впокатку. Зимой, когда немцы заняли Калинин, подселили к нам еще одну семью — женщину с шестерыми детьми. Все эвакуированные сразу впряглись в работу в колхозе. Работали не за страх, а за совесть. Особенно было тяжело молодежи, которая в основном трудилась на лесозаготовках. Летом древесину сплавляли по Волге, а зимой ее возили на подводах по льду реки на какой-то завод. Что на этом заводе производили, об этом никто из местных жителей не знал. Расстояние до места назначения было 30 километров. Горицкий район был прифронтовым, поэтому по обеим берегам реки, по пути следования подвод, стояли зенитки. Подводы пропускали по одной, видимо, чтобы не вызвать

⁶⁷ Воспоминания В.К. Константиновой. Запись Е.В. Хмелевой. 21.01.2015.

у немцев подозрения, а погонщикам строго-настроено наказывали: если лед начнет потрескивать, бросать вожжи и бежать как можно дальше. Каждый раз, отправляясь на завод, я не знала, вернусь домой живая или нет. Но ничего, Бог миловал, всё обошлось. Нелегко было в войну, а всё равно жили весело; может, потому не унывали, что были молодыми. Помню, как только с подружками не озорничали да не куролесили на беседах! Беседами в тех местах назывались вечера, на которые собиралась молодежь. Все мы были уставшие, голодные, а погулять всё равно хотелось...»⁶⁸

Одной из подружек Анны Васильевны была Маша Андреева. Они учились в одном классе, вместе эвакуировались, во время эвакуации жили в одном доме. Мария Федоровна вспоминала:

«Больше месяца мы шли пешком на сторону Калинина. На телегу никто не садился — берегли Зорьку. Даже маленький Вовка, когда сильно уставал, ехал не на лошади, а верхом на корове. Идти было тяжело, лето было жаркое, а беженцев было много. От движущейся колонны поднимались клубы пыли. Пыль забивала ноздри, резала глаза. Дорога была выбита копытами колхозных коров, шедших след в след, друг за другом. Голодные и не доенные коровы мычали. Мимо нас в сторону фронта с грохотом и скрежетом проходили танки. Нашу колонну преследовали фашистские самолеты: бомбили, а то и просто расстреливали из пулеметов. После бомбежек беженцы прирезали покалеченный скот и питались этим мясом.

Однажды после очередной бомбежки мама взяла нож и спустилась в овраг, чтобы прирезать валявшуюся там телочку, а телочка вдруг поднялась и пошла за ней. Так телочка с нами и осталась. Она была желтенькая, как солнышко. Сколько лет я уже прожила на свете, а коров такого цвета больше никогда не видела. Кобылка Зорька тоже была светло-рыжего цвета. В эвакуации я на ней работала в колхозе.

Остановились мы в Горицком районе. Этот район был прифронтовым. Во всей Калининской области, я думаю, только два района не были оккупированы немцами. Многие жители Горицкого района бежали от немцев к родственникам, а нам бежать было некуда, и мы решили, что останемся здесь.

В тот день, когда мы прибыли в Горицы, тоже был авианалет. Бомбежка началась как раз тогда, когда беженцам стали продавать хлеб. Людей в очереди собралось множество. Много тогда было погибших, еще больше было раненых. Среди погибших и раненых были и девушки из нашего района.

⁶⁸ Воспоминания А.В. Петровой. Запись Е.В. Хмелевой. 2.01.2015.

Беженцев, желавших остаться в Горицком районе, распределили по разным деревням, кто-то из наших земляков остался в районном центре. Мы и несколько других семей из Пушкинских Гор были направлены в деревню Авделиха. Как только мы определились с местом проживания, папа пошел в военкомат, где ему сказали, что через три дня он должен явиться на призывной пункт. Вернувшись к нам, папа попросил, чтобы кто-нибудь из местных жителей истопил баньку, очень хотелось помыться перед отправкой на фронт, но бани ни у кого в деревне не оказалось — в тех краях народ мылся в печах. В печку папа лезть отказался, помылся на улице. Папу взяли на фронт, а мы впряглись в работу в колхозе. К тому времени, когда мы прибыли в Авделиху, в колхозе оставались только бабы, подростки да старики. Нам приходилось работать и за себя, и за мужиков, которые ушли на войну. Мы понимали, что своим трудом мы помогаем и нашей армии. Даже малыши старались помочь фронту. Как-то поздней осенью первоклассники вместе с молоденькой учительницей отправились за три километра от Авделихи в болото собирать клюкву для раненых. Учительница была не местная, здешних мест не знала, вот и заблудилась с ребятами. Когда уже стало темнеть, родители забеспокоились, что дети пропали. Мы собрались и всей деревней отправились на поиски.

Учительница тем временем велела детям натаскать мха, усадила на него ребят и заставила громко петь военные песни. Это помогло отыскать заблудившихся малышей: взрослые услышали пение и пошли на него. Что тут было, когда их нашли, словами не передать: матери плачут в голос, обнимают ребят, а мой братишка Вовка, тоже ходивший в первый класс, и говорит маме: «Ну и что, ну и заблудились, зато погибли бы за Родину, за Сталина. Зачем вы нас искали?»

Деревня Авделиха входила в состав колхоза имени Сталина. В колхозе мне приходилось трудиться на разных работах: и пахала, и косила, и маме помогала за колхозными лошадьми ходить. Их было 18. Я их всех по кличкам знала. Лошадей я любила, да и они меня слушались.

Часто мне приходилось замещать бригадира Татьяну Синюшкину, которая постоянно болела. Здесь работать было сложнее: я была еще почти девчонкой, да к тому же пришлой. Бабам, над которыми я была поставлена, жилось нелегко: работа в колхозе была тяжелой, а дома у каждой дети, хозяйство. То одна не выйдет на работу, то другая, и у каждой уважительная причина. А с меня как с бригадира за всё строго спрашивают, как-никак время военное. Конечно, случаи невыхода на работу были единичные, все работали на совесть.

Привлекали и на другие работы: бывало, вернешься домой уставшая, только заснешь, уже стучат в окошко — надо идти вагоны грузить. Не хочется вставать, а надо: патриотическое воспитание было на высоте. К тому же я должна была показывать пример, потому что меня избрали секретарем колхозной комсомольской организации. Комсомольцы выпускали «Боевой листок», стыдно было попасть в отстающие.

Когда пришла пора убирать урожай, меня как грамотную поставили работать счетоводом. А какой из меня счетовод, если в весах не могла разобраться? Думаю, что тюремного срока избежала только потому, что все люди, у которых я принимала зерно, были честные. Весь сданный хлеб сразу переправляли в Кимры или в Кашин, а оттуда прямо на фронт.

Сеяли в нашем колхозе не только зерновые, но и лен. Помню, как-то вырастили хороший-хороший лен, вовремя его убрали. Зимой я повезла лен сдавать. Председатель колхоза Клавдия Ивановна (в деревне ее звали Главдена), отправляя меня, строго-настрого наказывала: «Сама видишь, какой лен хороший: длинный, сухой. Настаивай, чтобы самым высоким номером взяли». Ехать нужно было в город Кашин, находившийся в сорока или шестидесяти километрах от нашей деревни. Воз нагрузили большущий, а лошаденка была маленькая, та самая Зорька, на которой мы эвакуировались. Она была норовистая, никто с ней совладать не мог, только папу слушалась да меня, и то не всегда.

Во время пути поднялась метель. Дорогу замело так, что невозможно было определить, как вести лошадь. Да и Зорька устала — воз по сугробам не стянуть, заартачилась, и обоз сполз в кювет. Я ее под уздцы тяну, подгоняю — а она ни в какую: бьется в упряжи, оглоблю сломала. Я давай ее хлестать кнутом, а ей с места не сдвинуться. И тут я смотрю, у нее слезы текут. Я ее обняла, и заплакали мы вместе.

Поплакали мы, поплакали, а потом я оставила Зорьку с возом и пошла какую-нибудь деревню искать, чтобы людей позвать на помощь. Разыскала деревню. Помог мне старенький дедок: оглоблю подправил, воз помог вытащить. Зорька к тому времени отдохнула и успокоилась. Всё вроде бы наладилось, одно плохо — лен промок, и приняли его более низким номером. Ох и влетело мне за это от председателя!

Проживая в Авделихе, я часто бывала в районном центре, где подружилась с четырьмя девушками, работавшими в типографии. Сам районный центр Горицы в то время постоянно подвергался авианалетам. Во время очередного налета в здание типографии попала бомба. Одну из моих подруг сразу убило, двух других искалечило. Особенно было жалко ту, которой оторвало ногу, до ранения она была такой плясуньей и певуньей!

Наконец наши войска перешли в наступление, была освобождена Калининская область. В очищенных от немцев районах начались лесозаготовки. Лес нужен был для строительства, а также для отопления Москвы. Каждую зиму два, а то и три месяца в году я работала на лесозаготовках и на лесосплаве. На лесозаготовках работали от темна до темна. Только рассветет, надо вставать и идти в очередь, чтобы баланду и пайку хлеба получить. Если норму не выполнишь, пайку хлеба не дадут. Работали мы парами. Вдвоем нужно было за день заготовить десять кубометров древесины и сложить в штабель. Я работала в паре с женщиной из Великих Лук. Ее звали Марией Андреевной. Мы с ней всегда выполняли норму. Мария Андреевна годилась мне в матери и относилась ко мне очень хорошо. Однажды она мне подарила красивый голубой платок, сказав, что он подходит к моим голубым глазам. Я до сих пор помню этот платок.

Как-то, работая на лесосплаве, я сломала ногу. Медпункта не было, но помощь мне оказали: привязали к ноге шпагатом две дощечки, но домой не отпустили, а отправили на легкую работу в леспромхоз в деревню Новшино. Там я собирала сводки по бригадам. Приходилось записывать данные сводок какими-то расплывающимися чернилами на нарезанных на отдельные листки газетах. Люди в леспромхозе работали хорошие. Особенно я подружилась с бухгалтером Федором Федоровичем Китаевым. Он был инвалидом, потерял на Финской войне ногу. Это он научил меня считать на счетах.

Живя в Авделихе, мы ничего не знали о родных, оставшихся в Пушкиногорском районе, но с папой, служившим под Москвой, переписывались. Он служил в стройбате. Дважды был ранен. Мама к нему однажды в госпиталь ездила. А один раз он перед выпиской из госпиталя был отпущен домой на одни сутки. Добрался на попутках до дома только к вечеру. Я с папой считай что и не общалась, пришлось по его просьбе доставлять посылку и письмо жене его товарища по госпиталю. Семья этого товарища, Дениса Зверькова, жила в соседнем Теблинском районе. Денис уверял папу, его деревня Собакино находится недалеко от Авделихи, на границе с Горицким районом, и что папа успеет и со своими побыть, и к его родным заглянуть, передать им вместе с посылкой поклон и попросить, чтобы что-нибудь из продуктов прислали, а то в госпитале очень голодно. Денис был уверен, что жена продуктов не пожалеет: сама писала — мол, всё у них в порядке, на огороде всё растет, корова молоко дает, поросенка выкармливают...

Но в Авделихе никто о Собакине не слыхал. Пришлось мне к Зверьковым идти наугад. Завязала я в узелок письмо и посылку, состоящую

из двух четвертинок хозяйственного мыла, да еще взяла в дорогу краюху хлеба и пошла в сторону соседнего района: небось там-то знают, где находится Собакино. Одного боялась — что невзначай к немцам забреду, районы-то приграничные. В какую деревню ни приду, начну расспрашивать о Собакине — никто ничего не знает. Пока я шла, трава покрылась росой, юбка промокла, к исцарапанным ногам стала липнуть, бередя ранки и сковывая движения. Потом стало смеркаться и совсем стемнело, а уж когда в избах огонь потушили, вообще было непонятно, куда идти. А я всё иду-иду.

Когда стало рассветать, увидела я вдаль очертания каких-то построек и пошла в их сторону.

Дошла до крайнего дома, стала стучаться в дверь. Вышел ко мне старик, чистенький такой, обходительный. Когда узнал, откуда я пришла, удивился и говорит: «Твоя Авделиха отсюда, будет почитай за тридцать верст, а до Собакина тебе еще километров пять надо идти. Только теперь эту деревню не Собакином, а Гордеевом называют, поэтому тебе никто не мог подсказать, куда следует идти, а я подскажу: иди по этой тропинке, как дойдешь до реки, поверни направо, там будет брод. Когда переберешься через реку, то иди прямо, так до Собакина и дойдешь».

Брод через реку в темноте я так и не отыскала, решила перебраться вплавь. Чтобы узелок не намочить, привязала его вместе с одеждой к голове, выбрала место поуже и поплыла. Только того не учла, что там, где узко, течение сильнее, поэтому отнесло меня далеко в сторону, еле на берег выбралась.

На рассвете добрела я до Зверьковых. Жена Дениса обрадовалась весточке от мужа, в избу меня пригласила, за стол усадила, пустого травяного чаю налила «А хлебушка, — говорит, — нет, вчера весь ребята съели», — и кивнула головой в сторону маленьких сопливых ребятешек,

*Федор Андреев (слева)
и Денис Зверьков*

*Мария Федоровна Григорьева
(Андреева).*

Фото сделано 9 мая 1945 года

смотревших на меня во все глаза. Потом добавила: «Впроголодь живем». Я удивилась: «А как же корова, поросенок?» Зверькова ответила: «Поросенка нет, а корова пала». Я вытащила свою краюху хлеба и отдала ребятам. Они ее мигом смолотили.

Когда я вернулась домой и рассказала о своих похождениях, жители Авделихи понесли моему отцу продукты питания для тех, кто находится на излечении в госпитале. Конечно, мы тоже все голодали, но раненым эти продукты были нужнее. Общая беда объединяла, сплачивала. Люди помогали друг другу, делились последним, но бывали и такие случаи, когда ради своих потребностей кто-то готов был оставить без средств существования даже ребенка. Из-за таких, как они, была арестована Шурка Орефьева,

подруга моей младшей сестры Саши, обвиненная в дезертирстве. Саша и Шурка работали под Старицами на лесозаготовках. От Авделихи до Стариц было километров двести. Шурке было 16 лет, а Саше всего 15. По возрасту Сашу не имели права отправлять на такие работы, но взяли. Там же на лесозаготовках трудились и свободные люди, и уголовники. Днем трудились в лесу, а ночевали в холодном бараке. Чтобы не замерзнуть, Саша и Шурка спали под четвертинкой тонкого одеяла, прижавшись друг к другу. Продукты питания работники получали по карточкам. Досыта в то время никто не ел. Однажды у Саши и Шурки кто-то украл карточки, выданные на месяц. Девчонкам пришлось голодать. Когда в очередной раз им выдали карточки, произошло то же самое. Чтобы не умереть с голода, подружки решили самовольно уйти домой.

Когда Саша вернулась к нам, на нее было страшно смотреть, она походила на живой скелет, по которому ползали вши. Мама ее раздела, взяла щепку и стала с нее соскабливать этих вшей.

Через какое-то время к нам пришла знакомая женщина, проживавшая в том районе, откуда была родом Шурка Орефьева, предупредила маму, что Шурку арестовали за дезертирство, и посоветовала спрятать Сашу. Чтобы Сашу не арестовали, мама вместе с ней пошла пешком в Пушкинские Горы, которые к тому времени уже были освобождены. Мы с младшим братишкой Вовкой остались в Авделихе одни. Там мы встретили и День Победы. Я узнала о том, что Германия капитулировала, во время работы в поле. Я помогала деду Загуляю сеять рожь. Сеяли обычно мужики, а их в деревне в ту пору не было, остались только два дедка, да и то хворых. У деда Загуляя болели ноги, он еле ходил, да еще страдал астмой. Бывало, несколько шагов пройдет и стоит, сипит. Вдобавок ко всему он плохо видел. Я подносила деду зерно и волочила лещилку, приспособление, при помощи которого можно проложить борозду, отмечаящую на поле границу посева. Работаем мы в поле с дедом Загуляем и вдруг видим — мчится к нам во весь опор всадник без руки и кричит: «Победа! Победа! Кончай работать!» — и дальше помчался. Мы с дедом пошли в Авделиху, а там уже народ на улице столы собирает. У кого что есть дома, тот то и несет к общему столу, кто соленые огурцы, кто квашеную капусту, кто лепешки печет. А мы с председателем Клавдией Ивановной поехали на лошади за спиртом в Горицы. Главдена была девка красивая, румяная, недаром ее за глаза в Авделихе все называли Помидориной. Она гуляла с председателем райпотребсоюза Даниловым. На этого Данилова мы с Главденной и возлагали надежду: неужто в такой день спирта на нашу деревню не выделит? Вернулись мы с Главденной в Авделиху счастливые. В деревне уже всё было готово для праздничного застолья, только нас и дожидались. Всё было в этот день: и песни, и пляски, и разговоры, и воспоминания, и радость, и слезы. Непонятно только было, чего было больше, радости или слез. А каково было тем, кто получил похоронку после объявления об окончании войны! В День Победы всем почтальонам было приказано не разносить похоронки, поэтому тетя Маня Чигузева, праздновавшая вместе со всеми Победу и радовавшаяся, что война не отобрала у нее сына, получила на него похоронку только 11 мая⁶⁹.

Всё то, о чем было рассказано, — всего лишь малая толика того, что происходило в «сороковые роковые». Но эти глубоко личные воспоминания нескольких человек являются отражением жизни и мироощущения миллионов советских людей, живших тогда.

Давно закончилась война. Новое поколение живет другой жизнью, зачастую другими ценностями. И всё-таки мы не должны забывать

⁶⁹ Воспоминания М.Ф. Григорьевой. Запись Е.В. Хмелевой. 24.08.2015.

о том, что довелось пережить нашим соотечественникам в годы Великой Отечественной войны. Мы должны помнить, что новое зло зачастую начинается с забвения старого зла. Для нас описанные события уже являются историей, а для тех, кто подарил нам эти воспоминания, — отрезком жизни, разделившим судьбу на довоенное и послевоенное время. События, происходившие в годы Великой Отечественной войны, навсегда оставили в памяти тех, кто соприкоснулся с ними, глубокий след, во многом предопределивший их последующую жизнь.

«ШЛА ДИВИЗИЯ ВПЕРЕД...»
Из истории 144-й гвардейской Ельнинской
Краснознаменной ордена Суворова
мотострелковой дивизии

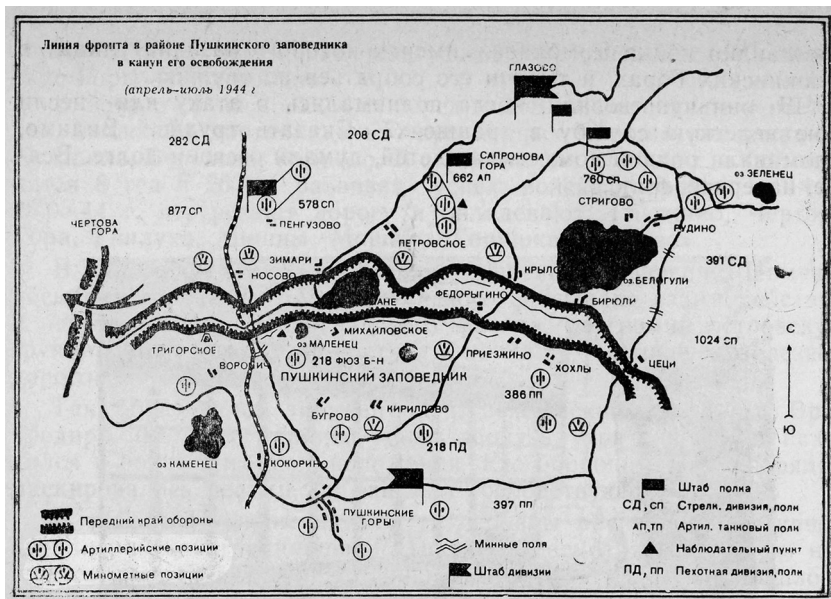
13 августа 2021 года Пушкинские Горы посетили члены совета ветеранов 144-й гвардейской Ельнинской Краснознаменной ордена Суворова мотострелковой дивизии гвардии полковник Евгений Григорьевич Ходысько и начальник Ельнинского гарнизона с 1998 по 2002 год, гвардии полковник Владимир Александрович Носарев. Поездка была принята для ознакомления с маршрутом боевых действий их дивизии на Псковщине с середины января по июль 1944 года. Следует пояснить, что 144-я мотострелковая дивизия является правопреемницей 29-й гвардейской Ельнинской Краснознаменной ордена Суворова II степени стрелковой дивизии, освобождавшей в 1944 году Пушкиногорский район. Она была переименована в 144-ю гвардейскую Ельнинскую мотострелковую дивизию в послевоенное время.

Маршрут членов совета ветеранов 144-й мотострелковой дивизии пролегал через Невель, Опочку, Пушкинские Горы, Великие Луки. Во время поездки ветераны посещали братские захоронения, краеведческие музеи, общались с краеведами, собирали фотографии и воспоминания местных жителей, относящиеся к периоду освобождения этих мест от немецко-фашистских захватчиков. В первую очередь их интересовали сведения, касающиеся боевых действий их дивизии.

В Пушкиногорском районе офицеры побывали на местах бывших сражений дивизии, посетили братские захоронения на Чертовой горе и в Пушкинских Горах, на Аллее героев они почтили память героев-пушкиногорцев. Покидая аллею, ветераны отметили, что здесь следовало бы установить памятную доску с кратким текстом, поясняющим, за какие подвиги наши земляки получили свои высокие правительственные награды.

В Святогорском монастыре офицеры молча постояли у памятной доски с выгравированными на ней фамилиями и инициалами саперов, погибших при разминировании Святогорского монастыря, затем поднялись по каменной лестнице на Святую гору к могиле Пушкина, спасенной от взрыва, подготовленного фашистами в июле 1944 года.

Побывав в музеях и парках Пушкинского Заповедника, ветераны не смогли скрыть эмоций, вызванных красотой природы наших мест. В тот день светило солнце, всё цвело и благоухало. Не верилось, что несколько

*Линия фронта в районе Пушкинского Заповедника
в апреле — июле 1944 года. Из Книги Памяти
Новоржевского и Пушкиногорского районов Псковской области*

десятков лет тому назад, в 1944 году этот «уголок земли», воспетый Пушкиным, был изуродован фортификационными сооружениями гитлеровцев, что на месте Дома поэта, «пусть не подлинного, а восстановленного, но зато бережно вобравшего в свои стены то жилое пространство, в котором Пушкин обитал, ходил вокруг рабочего стола, ища нужное слово, горячился, грустил, видел сны, грелся, прислонясь к печным изразцам... простиралось пожарище»⁷⁰, а там, «где укоренился домик Арины Родионовны, прoderжавшийся полтора столетия, надежно законопаченный мхом, спасенный от тления, на том самом месте, среди одичавших кустов, торчал уродливый бугор»; сложно было представить, что всего несколько десятилетий назад «там, где Пушкин слушал привычную воркотню няни, доброе жужжание веретен и разноголосое пение дворовых кружевниц... обосновался пятинакатный немецкий блиндаж, наскоро сооруженный из михайловской земли и бесценных старинных бревен»⁷¹, — потому что

⁷⁰ Хелемский Я. На темной ели звонкая свирель. М., 1983. С. 262–263.

⁷¹ Там же. С. 264.

в годы фашистской оккупации через Пушкинский Заповедник проходила оборонительная линия «Пантера».

Яков Хелемский, бывший военным корреспондентом в годы Великой Отечественной войны, в книге «На темной ели звонкая свирель», писал об особенностях ведения боевых действий Красной армии в районе Пушкинского Заповедника: «Немецкие укрепления здесь входили составной частью в знаменитую линию «Пантера», сооруженную гитлеровцами заблаговременно и основательно... Трудность состояла в том, что авиация и артиллерия, которые должны были облегчить пехоте форсирование реки и прорыв «Пантеры», могли на этом участке попутно нанести непоправимый урон памятникам старины и мемориальным строениям. Здесь, где чуть ли не каждое дерево было музейной ценностью, сама природа взывала к великодушию... Немцы специально возвели свои укрепления в опасной близости к бесценным памятникам. Городище Воронич и парк Тригорского — тут штаб их триста восемьдесят шестого пехотного полка. В Святогорском монастыре — орудия. В Михайловском — пушки и минометы. Прикрылись реликвиями, как щитом, и уверены в своей безнаказанности»⁷².

В Михайловском, родовом имении предков А.С. Пушкина, во время фашистской оккупации для строительства оборонительных сооружений и для отправки древесины в Германию вырубались деревья.

Приехавшие в Пушкинский Заповедник ветераны рассказали о том, что части 29-й гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии заняли позиции за Соростью напротив Михайловского в середине весны 1944 года, сменив 30-ю гвардейскую дивизию, после чего 29-я гвардейская дивизия до освобождения Пушкиногорского района, то есть почти три месяца, удерживала переданные ей позиции.

Во время поездки по местам сражений ветераны дивизии Е.Г. Ходысько и В.А. Носарев не расставались с точной копией боевого знамени дивизии. На алом полотнище стяга в левом верхнем углу выделялась красная пятиконечная звезда с изображенными на ней серпом и молотом, а в центре знамени крупными буквами было начертано:

Смерть немецким захватчикам
29 стрелковая гвардейская
Ельнинская Краснознаменная
ордена Суворова дивизия.

⁷² Хелемский Я. На темной ели звонкая свирель. С. 211.

Григорий Никифорович Васильев

Боевое знамя дивизии в настоящее время находится в Москве на Поклонной горе в музее боевой славы «Победа».

Общаясь с сотрудниками Пушкинского Заповедника, ветераны поделились с ними сведениями, касающимися истории 29-й гвардейской дивизии. Во время беседы выяснилось, что в 2022 году будет отмечать столетний юбилей не только Пушкинский Заповедник, но и 144-я мотострелковая дивизия, освобождавшая Пушкинский Заповедник от фашистских оккупантов в составе других воинских частей.

Через несколько месяцев после паломничества ветеранов по местам боевых действий дивизии

сотрудникам Заповедника довелось выявить еще одно звено, связывающее Пушкиногорье с 29-й гвардейской дивизией: бывший сотрудник Пушкинского Заповедника Валерий Васильевич Васильев рассказал о том, что в этой дивизии с 1939 по 1945 год служил его родной дядя Григорий Никифорович Васильев. Валерий Васильевич собрал богатый материал, имеющий отношение к истории дивизии, и записал воспоминания своего дяди, которому весной 1944 года довелось освобождать Пушкиногорье. Во время одного из боев на Стрежневском плацдарме, неподалеку от родной деревни Шлеги, Григорий Никифорович был контужен, о чем говорится в его воспоминаниях, записанных племянником:

«12 апреля 1944 года позиции 90-го полка гвардейской стрелковой Ельнинской дивизии сражались на Стрежневском плацдарме. Полковая артиллерия находилась в боевых порядках пехоты для отражения прямой наводкой многочисленных контратак и для борьбы с вражескими танками. Между противниками шла не прекращавшаяся перестрелка. Во время одного из артобстрелов взрывом были уничтожены расчет орудия и сама пушка. Ее подбросило в воздух и швырнуло на поднявшихся в атаку пехотинцев. Одним из пострадавших бойцов оказался Григорий Никифорович... В результате удара сошником пушки он получил силь-

1. Фамилия, имя и отчество - ВАСИЛЬЕВ Григорий Никифорович.
2. Звание - Гвардии старший сержант.
3. Должность и часть - Помощник командира стрелкового взвода
90 Гвардейского стрелкового полка, 29 ИВ.СФД.

Представляется к ордену КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ.

4. Год рождения - 1918.
5. Национальность - Русский.
6. Партийность - Беспартийный.
7. Участие в гражданской войне и в следующих боевых действиях по защите СССР - На фронте Отечественной войны с июля 1941 года с перерывами по ранению на Западном и 2-ом Прибалтийском фронтах.
8. Ранения и контузии в Отечественной войне - Ранен 25.2.43 года под г. Орел, ранен 21.7.43 года под г. Орел, ранен 17.12.43 года Витебская обл., ранен 18.7.44 года под г. Опочка, ранен 18.10.44г Латвийская сср, ранен 22.12.44 года Латвийская сср, контузен 12.4.44 года Калининская область.
9. С какого времени в Красной Армии - С июля 1941 года.
10. Каким РВК призван - Пушкинским РВК Псковской области.

Наградной лист Григория Никифоровича Васильева

ную контузию с потерей сознания. По этой причине его сначала приняли за убитого и собирались похоронить в братской могиле у деревни Гнилуха вместе с другими погибшими в этот день. Там, на краю могильной ямы в Гнилухе, выяснилось, что боец издает тихие стоны. С убитых, по рассказам фронтовиков, иногда снимали верхнее обмундирование, обувь... тогда-то и выяснилось, что Григорий живой. Он был доставлен на правый берег реки для лечения в медсанбате, располагавшемся в бывшем сельце Батово»⁷³. Валерий Васильевич также пояснил, что документы дяди остались в снятой с него одежде, поэтому он был причислен к списку погибших и его семье была отправлена похоронка.

Мы приводим здесь только один эпизод из воспоминаний жителя Пушкиногорья Григория Никифоровича Васильева, служившего в годы Великой Отечественной войны в 90-м гвардейском стрелковом полку 29-й гвардейской стрелковой дивизии в должности помощника командира стрелкового взвода. Но этот небольшой отрывок позволяет зримо представить жизнь на передовой...

Выздоровев, Григорий Никифорович вернулся в дивизию. В июле 1944 года в родных краях, во время освобождения города Опочки

⁷³ Воспоминания Г.Н. Васильева. Архив В.В. Васильева.

он получил очередное ранение. Всего Григорий Никифорович имел шесть ранений и одну контузию. По записи о ранениях в наградном листе Григория Никифоровича можно проследить не только его боевой путь, но и боевой путь дивизии, в которой он служил: ранен под Орлом 25 февраля и 21 июля 1943-го, ранен в Витебской области — 17 декабря 1943-го, контужен в Калининской области — 12 апреля 1944-го, ранен под Опочкой — 18 июля 1944-го, ранен в Латвийской ССР — 18 октября и 22 декабря 1944-го.

Следует пояснить, что в то время Пушкиногорский и соседний Опочецкий район, где в июле 1944 года Васильев получил очередное ранение, входили в состав Калининской области. За время несения военной службы Г.Н. Васильев был награжден орденом Отечественной войны II степени и медалью «За победу над Германией».

Возможно, в 29-й гвардейской стрелковой дивизии сражались и другие пушкингорцы, но мы об этом пока ничего не знаем.

Дивизия, о которой идет речь, была сформирована в Саратове 20 июля 1922 года из воинских частей, уже имевших свои боевые традиции. Она получила название 32-й Саратовской стрелковой дивизии. Впоследствии эта дивизия как самая боеспособная была переброшена на Дальний Восток, где в августе 1938 года, совместно с 40-й стрелковой дивизией и приданными им подразделениями и частями, на Хасане преподала урок японцам, отбив у них желание нападать на нашу страну. За Хасан дивизия была награждена орденом Красного знамени, а командир дивизии Николай Эрастович Берзарин пошел на повышение и был назначен командиром корпуса.

Удивительное совпадение: в самом начале Великой Отечественной войны в июле 1941 года 24-й стрелковый и 21-й механизированный корпуса 27-й армии, которой командовал генерал-майор Н.Э. Берзарин, героически обороняли Пушкинские Горы и Михайловское, о чем говорится в статье «Гордиться славою своих предков...», написанной ветераном Великой Отечественной войны, пушкингорцем Александром Матвеевичем Савыгиным: «Пушкинские Горы и село Михайловское в те дни обороняли 24-й стрелковый и 21-й механизированный корпуса 27-й армии, которой командовал генерал-майор Н.Э. Берзарин, будущий комендант Берлина»⁷⁴.

⁷⁴ Савыгин А.М. «Гордиться славою своих предков...» // Книга Памяти. Псковская область. Новоржевский район. Пушкиногорский район. Псков, 1994. С. 347.

А в 1944 году дивизия, некогда сражавшаяся под командованием Н.Э. Берзарина с японцами на Хасане, освобождала от фашистов Пушкиногорье. В то время она уже имела название не 32-й стрелковой, а 29-й гвардейской Ельнинской Краснознаменной дивизии и имела богатую героическую историю.

Эту дивизию в сентябре 1941 года перебросили с Дальнего Востока под Волхов на защиту Ленинграда, но 5 октября был получен приказ о переброске дивизии на Бородинское поле под Можайск. В октябре 1941 года она под командованием Виктора Ивановича Полосухина обороняла Москву. О боях дивизии на Бородинском поле Г.К. Жуков пишет в мемуарах «Воспоминания и размышления»: «Спустя почти 130 лет после похода Наполеона на Бородинское поле — том самом, которое давно уже стало нашей национальной святыней, бессмертным памятником русской воинской славы, — разгорелся бой. Воины 32-й стрелковой дивизии не уронили этой славы, а приумножили ее»⁷⁵.

Дарья Тимошенко в книге «Сделано: сожжен домик Пушкина...» отмечает: «Только один раз за всю историю славной 29-й гвардейской дивизии в ее составе было 14 689 человек. Это было по списку личного состава на 1 октября 1941 года, когда дивизия приняла свой первый бой под Можайском. Через месяц в строю было 4 020»⁷⁶.

Ветеран 144-й мотострелковой дивизии В.А. Носарев в поэме «Жемчужина моей страны» о битве дивизии на Бородинском поле пишет:

Сонм приснопамятных героев,
Полки непризнанных святых
Еще не раз страну прикроют
В час испытаний роковых.
Тот эпизод боев известный
Сердца бойцов воспламенял,
Когда народ Союза честный
Орды Европы снова отражал.
Тут полосухинцы стояли,
Своими предками горды,
Урок достойно преподали
Потомкам западной орды⁷⁷.

⁷⁵ См.: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. [М.], 1970.

⁷⁶ Тимошенко Д. «Сделано: сожжен домик Пушкина...» Великие Луки, 2011. С. 365.

⁷⁷ Солдатский В. Жемчужина моей страны. Гагарин, [201-?]. С. 14–15.

Виктор Иванович Полосухин (справа)

«Под командованием полковника Полосухина 32-я дивизия на 6 суток задержала на Бородинском поле части 40-го механизированного корпуса гитлеровцев, рвавшихся к Москве. Ведя непрерывные бои с превосходящими силами противника, воины дивизии уничтожили около 10 тысяч солдат и офицеров противника. Штаб 32-й дивизии полковника Полосухина располагался именно там, где в сентябре 1812 года находился командный пункт русско-го полководца М.И. Кутузова»⁷⁸.

На этот раз Москва не была сдана врагу. К 80-летию обороны Москвы полковнику Виктору Ивановичу Полосухину было присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

В заметке Андрея Гавриленко «Память о подвигах вечна», опубликованной в газете «Красная звезда», говорится: «Глава российского Генштаба так же высоко оценил профессионализм комдива: «Его личное мужество и умелое управление частями дивизии обеспечили не только успешное проведение оборонительной операции, но и создали условия для разгрома фашистских захватчиков под Москвой... Успех под Москвой оказал огромное влияние на дальнейший ход как Великой Отечественной, так и всей Второй мировой войны»⁷⁹.

После победы, одержанной под Москвой, части дивизии воевали на Смоленской земле под Гжатском, непрерывно наступая на том направлении, где враг сосредоточивал свои основные силы. Там, под Гжатском, превращенным фашистами в неприступную крепость, 18 февраля 1942 года погиб полковник В.И. Полосухин. Уже после его гибели 24 мая 1942 года дивизии было присвоено почетное звание гвардейской и вручено гвардейское знамя.

⁷⁸ Гавриленко А. Мужество, стойкость. Самопожертвование... // Красная звезда. 11.10.2021.

⁷⁹ Гавриленко А. Память о подвигах вечна // Красная звезда. 11.10.2021.

После Полосухина командиром дивизии был поставлен Степан Трофимович Гладышев, который в том же году передал командование дивизией Андрею Трофимовичу Стученко.

С апреля 1942 по февраль 1943 года дивизия обороняла полосу, центром которой была железная дорога и Минско-Московское шоссе. В феврале 1943 года дивизия получила приказ выступить в направлении деревни Сашино Гжатского района. Две недели, не стихая ни на час, шли жестокие бои на подступах к Гжатску. 6 марта 1943 года город Гжатск, первым в Смоленской области, был очищен от фашистов. В это время командовал дивизией Андрей Трофимович Стученко. Под его командованием дивизия прошла через всю Смоленскую область и взяла с боями город Ельню.

В книге Дарьи Тимошенко «Сделано: сожжен домик Пушкина...» об этом отрезке истории дивизии говорится следующее: «Звездный час дивизии наступил 29 августа 1943 года, когда она «обходным маневром, полукруглив противника, вынудила его к поспешному отступлению. Затем, преследуя противника, обходя с флангов, на плечах противника вовалась в город Ельню»⁸⁰.

В 1943 году за освобождение города Ельни 29-й гвардейской дивизии было присвоено еще одно почетное наименование — «Ельнинская».

В октябре 1943 года части дивизии с боями вышли к райцентру Дубровно, это не доходя до Орши 20 километров. До 5 декабря дивизия дралась на подступах к Орше. 6 декабря она была выведена в резерв.

«...Потом 300 километров марша в район Новосokolьников. 13 января 1944 года таранным ударом по «лесисто-болотистой местности» 29-я гвардейская дивизия пыталась проломить оборону противника под Новосokolьниками и перерезать железнодорожные магистрали у города Идрицы, «успеха не достигла». Потери дивизии составили 2 137 человек, первые 357 бойцов и командиров были похоронены на Псковской земле. Вновь марш — под Пустошку, вновь попытка прорвать оборону противника, вновь — успеха не имели. Апрель 1944 года. Вновь маневр, вновь марш, теперь на 180 километров на плацдарм у Чертовой горы под Пушкинскими Горами, вновь как эпитафия слова в документе «успеха не имели»⁸¹. Следует отметить, что наступающей Красной армии на Псковской земле преграждала путь оборонительная фашистская линия «Пантера».

⁸⁰ Исторический формуляр 29-й гвардейской стрелковой дивизии // Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 1112. Оп. 1. Л. 10. См. в: Тимошенко Д. «Сделано: сожжен домик Пушкина...» С. 365.

⁸¹ Тимошенко Д. «Сделано: сожжен домик Пушкина...» С. 365.

В документах военного времени «плацдарм у Чертовой горы» имеет название Стрежневский, но в некоторых документах времени, по словам ранее упомянутого Валерия Васильевича Васильева, встречается другое название этого плацдарма — Стержневский. Мария Федоровна Григорьева, уроженка одной из деревень, оказавшихся в 1944 году на территории плацдарма, вспоминает: «У нас не было деревни Стрежнево, а была небольшая, еще дореволюционная деревня Стержнево. Название пошло от слова «стержень», то есть основа. Возле этой деревни и шли сильные бои»⁸².

Стрежневский плацдарм был занят в конце марта 1944 года в результате форсирования реки Великой. Он оказался единственным участком «Пантеры» в полосе 2-го и 3-го Прибалтийского фронтов, где удалось прорваться нашим войскам. Плацдарм был невелик: занимал территорию 8 километров по фронту и 2–4 километра в глубину. Александр Матвеевич Савыгин в книге «Пушкинские Горы» отмечает: «В дальнейшем имело в виду развитие наступления. Намечалось, что войска 2-го Прибалтийского фронта во взаимодействии с левым крылом Ленинградского фронта, разгромив островскую группировку врага, будут наступать на Валгу и овладеют железной дорогой Рига — Остров»⁸³.

Дарья Тимошенко в книге «Фронтная операция 7–18 апреля 1944 года» пишет: «Для развития успеха на плацдарм из района Невель — Новосокольники перебрасывается 10-я гвардейская армия. Готовится мощное наступление, сосредотачивается огромное количество войск на крошечном кусочке земли. Ошибки советского командования, допущенные при подготовке наступления и перебазировании войск, были успешно использованы германскими войсками. Перед самым наступлением плацдарм был подвергнут массированному артиллерийскому удару, а на переднем крае сосредоточена сильная немецкая группировка, подготовленная к жесткой обороне. В ходе германского атакующего и последующего неудачного наступления советские войска понесли огромные потери, а результатом действия 10-й гвардейской армии стало лишь небольшое расширение плацдарма»⁸⁴.

Одной из причин многочисленных потерь со стороны наших войск являлось и то, что враг находился в более выгодном положении, занимая господствующие высоты. М.И. Казаков в книге «Над картой бывших сражений» вспоминает:

⁸² Воспоминания М.Ф. Григорьевой. Запись Е.В. Хмелевой. 20.01.2015.

⁸³ Савыгин А.М. Пушкинские Горы. Л., 1978. С. 111.

⁸⁴ Фронтная операция 7–18 апреля 1944 года. Материалы Центрального архива Министерства обороны РФ / под ред. Д. Тимошенко. 2011.

«Оборону врага маскировали большие хвойные леса. Нас же он видел, как на ладони... Дальнейшее, более углубленное изучение плацдарма и подходов к нему окончательно убедило меня, что он не годится для большого наступления.

Наши попытки развить успех продолжались с неделю, но существенных результатов не дали. 18-го апреля Ставка Верховного главнокомандования через своего представителя маршала Советского Союза С.К. Тимошенко распорядилась: наступление прекратить и перейти к жесткой обороне»⁸⁵.

Три с половиной месяца шли бои на Стрельневском плацдарме, но самые страшные, самые кровопролитные выпали на начало апреля. Только в апреле на плацдарме в боях «погибло 6 876 бойцов и ранено было 20 624»⁸⁶.

«19 апреля 29-я гвардейская стрелковая дивизия оставила плацдарм, переправилась на правый берег реки Великой и до 25 мая занималась в тылу боевой подготовкой»⁸⁷. В конце мая дивизию перебросили в район участка, находившегося напротив Пушкинского Заповедника.

«21 мая был последним днем пребывания 30-й гвардейской дивизии возле Михайловского»⁸⁸.

«На позициях у Михайловского, теперь уже в расположении 29-й гвардейской стрелковой дивизии, осталась женская рота снайперов и 3-й арtdивизион 63-го гвардейского арtpолка...

За три месяца сидения в траншеях Михайловского фузилеры «встречали» уже четвертую дивизию Красной армии — гвардейцев 29-й дивизии. Они сразу начали строить оборону как положено, строго по уставу и по наставлениям»⁸⁹.

Поскольку ведение боевых действий в районе Пушкинского Заповедника было осложнено тем, что здесь запрещалось использовать авиацию и тяжелую артиллерию, усмирять обнаглевших от безнаказанности фашистов пришлось снайперам. Теперь в 29-й дивизии кроме снайперов-мужчин служили 75 снайперов-девушек.

В книге-хронике фронтовых событий «На темной ели звонкая свирель» Яков Хелемский упоминает карту, на которую была нанесена линия фронта в районе Пушкинского Заповедника. Эта карта принадлежала

⁸⁵ Савыгин А.М. Пушкинские Горы. С. 111–112.

⁸⁶ См.: Фронтовая операция 7–18 апреля 1944 года.

⁸⁷ Тимошенко Д. «Сделано: сожжен домик Пушкина...» С. 365.

⁸⁸ Там же. С. 278–279.

⁸⁹ Там же. С. 686.

полковнику Александру Варфоломеевичу Шунькову, командиру 208-й дивизии. Она была «очень подробно... Все ориентиры на территории, занятой противником, аккуратно пронумерованы. Такие же номера представлены на картах артиллеристов и авиаторов. Достаточно пехотному командиру назвать нужные цифры, и соответствующие цели будут сразу уничтожены.

Но вот что странно: некоторые из них выделены особо — они запрещены. Вести по ним огонь не разрешалось ни в коем случае.

Как же так? Скажем, вот в этих двух деревнях явно размещены немецкие орудия и минометы. А вот здесь, за озером, у домика, отмеченного аккуратным квадратом, — долговременная огневая точка. А на скате соседней высоты, обращенном к реке, — траншея противника.

И всё равно поражать эти цели возбуждалось.

Разгадать секрет можно, прочитав на карте некоторые названия. И тогда окажется, что река, пересекающая лист по диагонали, — Сороть, что синие пятна озер — одно побольше, другое поменьше — это Кучане и Маленец, а ближайшие высоты — это Савкина горка и Воронич, что дот расположен в Михайловском у Домика няни...

На квадрате карты зафиксирован передний край, проходивший здесь ранней весной сорок четвертого. Тянулась эта линия, поднимаясь с юга, вдоль озера Кучане, приближалась к Михайловскому, а потом повторяла изгиб Сороти перед Савкиной горкой»⁹⁰.

Хелемскому довелось побывать в Пушкиногорье не только накануне наступления наших войск и захвата ими Стрежневского плацдарма, но и несколько месяцев спустя, вскоре после освобождения Пушкиногорья. Встреча с выжженной и заминированной «с такой жестокой изобретательностью и густотой»⁹¹ пушкинской землей вызвала в памяти корреспондента карту Шунькова и натолкнула на мысль:

«Сейчас, после того, что я увидел в Святогорском монастыре и в Михайловском, такое запрещение могло показаться наивным.

И всё же это было мудрое решение. Потому что не могли же мы своими руками, своим оружием направлять огонь на то, что освящено историей и поэзией.

Пусть даже поражая при этом вражеские батареи, склады, укрытия.

Конечно, существовала опасность, что фашисты всё равно уничтожат здешние святыни. Это было более чем вероятно.

⁹⁰ Хелемский Я. На темной ели звонкая свирель. С. 210–211.

⁹¹ Там же. С. 255.

Но ведь у нас оставалась надежда опередить преступников, не позволить им совершить задуманное. Могилу Пушкина взорвать всё-таки они не успели — им помешала стремительность нашего наступления.

А вот в Михайловском...

И всё равно правильная была у Шунькова карта.

Потому что армия, для которой нет ничего святого, превращается в сборище вандалов, лишенных совести.

Потому что труднее всего восстановить сердца, искалеченные бездуховностью.

Потому что воюя с нелюдьми, надо самим оставаться людьми»⁹².

Хелемский был прав... Но как сложно было остаться спокойным и рассудительным, узнав о гибели и ранениях боевых товарищей, попавших под обстрел орудия, установленного фашистами в проеме Дома-музея А.С. Пушкина... Наверно, еще сложнее было совладать с собой тем, кто знал: дом, в котором были установлены орудие и пулеметы, был новоделом, а не тем домом, в котором жил поэт. О строительстве этого дома и открытии в нем музея в 1937 году много писали в газетах, говорили по радио. На то, что Дом-музей Пушкина был построен в советское время, указывала и его архитектура, имеющая типичные признаки павильона сталинской эпохи. Не случайно местные жители метко окрестили новый музей Пушкина «речным вокзальчиком». Тем не менее, приказу не применять тяжелую артиллерию в районе Пушкинского Заповедника нужно было подчиняться. Нарушение приказа грозило суровым наказанием.

Вскоре после освобождения Пушкиногорского района Яков Хелемский, побывав в Михайловском, на месте музея Пушкина увидел руины. Он пишет: «Я приблизился к тому, что еще недавно было домом. Пусть не подлинным, а восстановленным...»

Вскоре после окончания войны в Михайловском на старом фундаменте был вновь восстановлен дом Пушкиных. На этот раз он выглядел точно так, как выглядел в пушкинское время. В 1949 году в этом доме был открыт музей. Экскурсоводы, работавшие в нем, отвечая на вопросы экскурсантов о разрушениях в Заповеднике в годы Великой Отечественной войны, отмечали, что довоенный музей в Михайловском был уничтожен гитлеровцами. Так это было или не так — всё равно экскурсоводы были правы: не пришли бы фашисты на нашу землю — не было бы этих чудовищных разрушений.

Однажды экскурсоводу Пушкиногорского экскурсионного бюро Виктору Григорьевичу Никифорову, работавшему с группой ветеранов

⁹² *Хелемский Я.* На темной ели звонкая свирель. С. 264.

Великой Отечественной войны, приехавших в Пушкинские Горы на празднование освобождения района от немецко-фашистских захватчиков, довелось узнать правду о том, как был сожжен Дом-музей Пушкина в Михайловском: «В 60-е годы и в начале семидесятых я работал экскурсоводом, проводил экскурсии по Пушкинскому Заповеднику. Экскурсанты в то время были очень любознательные, какие вопросы только не задавали! В том числе спрашивали и о том, что было в Заповеднике во время войны. Я, как и другие экскурсоводы, всегда говорил о том, что Дом-музей Пушкина разрушили во время отступления немцы. Но однажды, когда я работал с группой ветеранов, приехавших в наши места на празднование дня освобождения Пушкиногорского района от фашистов, ко мне после окончания экскурсии подошел один из ветеранов, отвел меня в сторону и сказал: «Это я взорвал дом Пушкина. То, что я сделал, мне до сих пор не дает покоя. Но как я мог послушаться приказа командира?» Он рассказал, что командиром была женщина, назвал ее имя, фамилию. Но я уже забыл, как ее звали. Фамилию и имя ветерана я тоже не запомнил. Также я не помню, в каком году произошла эта встреча. Помню только, что я успокоил мужчину, рассказав о том, что в разрушенном им доме никогда не жил Пушкин, что это был уже четвертый дом на старом фундаменте. Экскурсант обрадовался и сказал: «Теперь меня совесть не будет мучить. Я могу жить спокойно». Я посоветовал этому мужчине рассказать о том, как был уничтожен довоенный музей Пушкина, директору Заповедника Семену Степановичу Гейченко. Встретились они с Гейченко или нет, этого я тоже не знаю»⁹³.

В начале семидесятых годов был издан сборник новелл «У лукоморья», написанный Семеном Степановичем Гейченко. Среди них была новелла «Как гитлеровцы сожгли Дом-музей Пушкина». В ней приводятся воспоминания Алексея Васильевича Гордева, очевидца того, как были уничтожены Домик няни, Дом Пушкина и еще один флигель, стоявший рядом с ним:

«...Первого апреля нашу часть перебросили в Пушкиногорский район, к берегам Сороти. По прибытии на место мы расположились на окраине деревни Зимари, лежащей напротив усадьбы Михайловского. В бинокль хорошо было видно, как на пушкинской усадьбе суетились гитлеровцы...

Вскоре наша разведка показала, что гитлеровцы стали разбирать Домик няни и усиленно маскировать вершину Михайловского холма молодыми свежесрубленными елочками. В наружной стене Дома-музея сде-

⁹³ Воспоминания В.Г. Никифорова. 10.10.2021. Архив автора.

ляли большую прорезь. В прорези появилось 75-миллиметровое орудие. В крайних окнах дома установили пулеметы.

Наше командование дало строгий приказ ни в коем случае не стрелять по Михайловскому, чтобы не покалечить и не уничтожить его памятники.

Второго мая рано утром к нам в деревню Зимари прибыла артиллерийская батарея под командованием капитана Нестеровой. Звали ее Анна. К сожалению, я запомнил ее отчество. Батарея расположилась в районе колхозного сада. Второго и третьего мая в Михайловском было тихо. Четвертого мая около двух часов дня фашисты вдруг «заговорили». Ударила пушка из Дома-музея. Одним из первых выстрелов были убиты два бойца нашей разведки, другой снаряд попал прямо в нашу огневую точку и вывел из строя несколько артиллеристов. В ответ на это командир Нестерова дала команду: «Четыре снаряда беглым огнем по огневой точке фашистов!» Первый же снаряд попал в цель и перебил прислугу фашистского орудия. Видя, что их огневая — на нашем точечном прицеле, гитлеровцы подожгли Дом-музей и под прикрытием густого дыма стали отходить в глубь Михайловского парка и там засели в своих окопах и блиндажах. Дом вспыхнул как свечка и скоро сгорел дотла. Вскоре запылал и флигелек, стоявший рядом с ним»⁹⁴.

Поскольку новелла является художественным произведением, Семен Степанович имел право на вымысел. Поэтому, описывая близкие к реальности события, Гейченко изменил фамилии героев, число, месяц происшествия, количество снарядов, выпущенных по цели. Скорее всего, Семен Степанович хотел донести до читателей правду или хотя бы сделать намек на то, что произошло на самом деле, и в то же самое время он, видимо, боялся скомпрометировать участников происшедшего, бросить хоть малейшую тень на тех, кто самоотверженно, не щадя своей жизни, защищал нашу Родину. Он и сам не понаслышке знал о войне.

Ветеран 144-й мотострелковой дивизии Владимир Александрович Носарев на вопрос экскурсовода по поводу возможности службы в артиллерии женщин ответил: «Не знаю, но в нашей дивизии служила в артиллерии женщина, но только одна».

О том, что на самом деле произошло с довоенным Домом-музеем Пушкина, стало известно несколько десятилетий спустя благодаря труду Дарьи Тимошенко «Сделано: сожжен домик Пушкина...».

⁹⁴ Гейченко С.С. Как гитлеровцы сожгли Дом-музей Пушкина // С.С. Гейченко. У лукоморья. Л., 1977. С. 179–181.

Владимир Александрович Носарев

Дарья Тимошенко, ссылаясь на архивные документы, пишет о том, что Дом-музей А.С. Пушкина в Михайловском был сожжен не 4 мая, а 2 июня, то есть в то время, когда напротив Пушкинского Заповедника стояла 29-я гвардейская дивизия, а на усадьбе Михайловского уже не оставалось ни одной постройки пушкинского времени.

Командиром взвода 7-й батареи,пустившей три снаряда по Дому-музею А.С. Пушкина, была Анна Ивановна Новикова.

«Второе июня оказалось для 29-й гвардейской дивизии самым напряженным днем «стояния на Сороти». В этот день артиллерия противника выпустила по нашим позициям 35 снарядов. По сравне-

нию с немецкой, наша артиллерия была активной...

62-й гвардейский артполк вел огонь по скоплению групп пехоты противника и поддерживал действия разведгрупп, противник открыл ответный артиллерийский огонь:

«В 3.00 противник произвел ответный огневой налет 105-мм артбатарей в район 9-й батареи полка. В результате полк имел потери: убито сержантского состава — 1 человек, ранено сержантского состава — 4 человека.

В материальной части — выведено из строя 76-мм орудие»⁹⁵.

Упомянутый в «боевом донесении» сержант — это наводчик 9-й батареи 62-го артполка Николай Ульман, бывший наводчик огневого взвода, которым командовала Анна Новикова под Ельней и Оршей⁹⁶.

В пятом пункте оперсводки за 2 июня 1944 года говорится следующее:

⁹⁵ Журнал боевых действий 62-го гвардейского артиллерийского полка // ЦАМО. Ф. 10733. Оп. 1. Л. 57 об. См. в: *Тимошенко Д. «Сделано: сожжен домик Пушкина...»*

⁹⁶ *Тимошенко Д. «Сделано: сожжен домик Пушкина...»* С. 383–385.

«Артогнем 3-го дивизиона в результате прямого попадания трех снарядов подожжен дом А.С. Пушкина, который сгорел дотла.

Полк потерь не имеет»⁹⁷.

Об этом же в пятом пункте оперсводки за 2 июня 1944 года доложил и начальник штаба 29-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии майор Чернышов: «3-й дивизион 63-го гвардейского арtpолка занимает прежний боевой порядок, вел огонь по огневым точкам противника, находящимся в домике Пушкина. Сделано: сожжен домик Пушкина, уничтожено 75-мм орудие, уничтожен пулемет»⁹⁸.

Дарья Тимошенко в книге «Сделано: сожжен домик Пушкина...» пишет: «Можно разве что предположить, что 2 июня после меткого выстрела нашего снайпера или разрыва нашего снаряда противник своим арtpалетом «накрыл» огневые позиции 62-го арtpолка и, узнав об этом, друзья из 63-го арtpолка своими тремя выстрелами по Дому Пушкина отомстили за гибель сержанта Николая Ульямана, и в результате... очистили заповедный пейзаж от «позднейших напластований»⁹⁹.

Пушкинские Горы были освобождены 12 июля 1944 года. Фашисты покинули Пушкиногорье, оказав лишь незначительное сопротивление. Однако его освобождению предшествовали долгие, изнуряющие кровопролитные бои на Стрешневском плацдарме и затянувшееся противостояние противников по берегам Сороти в районе Пушкинского Заповедника.

15 июля войска 29-й дивизии принимали участие в освобождении города Опочки. В боях под Опочкой снова отличилась батарея Анны Новиковой, но «ни в газетах июля 1944 года, ни в воспоминаниях участника боя у деревни Старый двор, начальника штаба 2-го арtdивизиона В.Ю. Волкова нет упоминаний о гвардии лейтенанте А.И. Новиковой... Если бы не наградной лист на орден Отечественной войны со словами — «за личный героизм» — то мы бы не узнали, что была такая гвардии лейтенант, которая умела бить прямой наводкой»¹⁰⁰.

«Эта награда шла к нашей героине очень долго... Больше наград у Анны Новиковой уже не было, только медаль «За победу над Германией», но ее давали миллионам»¹⁰¹.

⁹⁷ Оперативная сводка за 2.06.1944 // ЦАМО. Ф. 10735. Оп. 1. Д. 3. Л. 305. См. в: *Тимошенко Д.* «Сделано: сожжен домик Пушкина...»

⁹⁸ *Тимошенко Д.* «Сделано: сожжен домик Пушкина...» С. 383–385.

⁹⁹ Там же. С. 386.

¹⁰⁰ Там же. С. 424.

¹⁰¹ Там же. С. 425.

В наше время благодаря новелле Семена Степановича Гейченко и архивным документам, опубликованным Дарьей Тимошенко в книге «Сделано: сожжен домик Пушкина...», Анна Ивановна Новикова, воевавшая в рядах Красной, а затем Советской армии в составе 29-й гвардейской стрелковой дивизии, вошла в историю Пушкинского Заповедника.

Боевое крещение А.И. Новикова получила в боях под Москвой.

«Среди военных наград Анны Ивановны одна из самых памятных — «За оборону Москвы». Именно под Москвой в октябре 1941 года началась ее военная служба. Оставив детишек, трех и четырех лет, она стала машинисткой штаба артиллерии 5-й гвардейской дивизии Западного фронта... В боях под Москвой получила свое первое ранение в правую руку. В феврале 1942 года работала машинисткой 7-й гвардейской стрелковой дивизии, а в мае 1942-го добилась разрешения стать офицером-артиллеристом... В апреле 1942 года муж и начальник штаба артиллерии 7-го гвардейского стрелкового полка проводил свою супругу красноармейца Новикову... на учебу в военное училище»¹⁰².

«Если строго по закону, то Анна Новикова не могла стать артиллеристом... Чтобы стать курсантом артиллерийского училища, получить назначение в артполк, ведущий боевые действия, надо было получить персональное разрешение народного комиссара обороны И.В. Сталина или его заместителей»¹⁰³.

Можно предположить, что «попасть на учебу в артиллерийское училище молодой женщине помог административный ресурс ее мужа — солидного артиллерийского начальника, у которого в год службы в Томском артучилище появилось много друзей в управлении учебных заведений артиллерии Красной армии»¹⁰⁴.

Окончив учебу в военном училище, гвардии лейтенант Новикова была назначена командиром радиовзвода штаба 7-го гвардейского стрелкового корпуса.

«В начале июля 1943 года она закончила свою службу при штабе корпуса и, получив в свое подчинение огневой взвод 5-й батареи 2-го дивизиона 62-го гвардейского артполка 29-й гвардейской стрелковой дивизии — две пушки, два расчета, как минимум 12 артиллерийских лошадей, — убыла на передовую»¹⁰⁵.

Анна Ивановна Новикова имела несколько ранений и несколько бое-

¹⁰² Тимошенко Д. «Сделано: сожжен домик Пушкина...» С. 128–129.

¹⁰³ Там же. С. 129.

¹⁰⁴ Там же. С. 128.

¹⁰⁵ Там же. С. 142.

вых наград. Из них два ордена ею были получены за подвиги, совершенные на Псковской земле.

«Представляя гвардии лейтенанта Новикова А.И. к ордену «Красная звезда», командир полка гвардии подполковник Гуменный особо выделил 9 апреля. В этот день «огнем своих орудий товарищ Новикова уничтожила до роты гитлеровцев, пытавшихся контратакой вернуть оставленные позиции. Контратака была отбита при поддержке артогня орудий Новиковой. Пять дней орудия Анны Новиковой были выдвинуты «на прямую наводку» в район Гнилухи. Несмотря на сильный артиллерийский огонь противника, товарищ Новикова личным примером и инициативой обеспечила бесперебойное ведение огня орудиями своего взвода, в результате чего уничтожено две пулеметные точки, и подавила огонь минометных батарей противника, благодаря чему наша наступающая пехота овладела деревней Мокрово...»¹⁰⁶

Как раз с 7 по 9 апреля 1944 года на Стрежневском плацдарме шли самые жестокие кровопролитные бои.

Другой орден, полученный «за личный героизм», проявленный на Псковской земле, орден Отечественной войны, как уже говорилось, она получила в ходе боевых действий под Опочкой.

После освобождения Опочки путь 29-й гвардейской дивизии лежал через Прибалтику. В октябре 1944 года 29-я дивизия вместе с другими воинскими частями принимала участие в освобождении Риги. Как и при освобождении Пушкинского Заповедника, нашим войскам во время штурма Риги было запрещено использовать артиллерию. 15 октября 1944 года столица Латвии была освобождена от оккупантов, а 3 ноября 1944 года 29-я гвардейская стрелковая дивизия была награждена орденом Суворова II степени.

В последующем до 10 мая включительно дивизия вела боевые действия по разгрому и пленению частей группировки фашистских войск «Курляндия».

24 июня 1945 года представители дивизии участвовали в Параде Победы в составе сводного полка Ленинградского фронта, которым командовал генерал-лейтенант Стученко, бывший командиром 29-й стрелковой гвардейской Ельнинской Краснознаменной ордена Суворова II степени стрелковой дивизии в 1942–1944 годах.

Довоевав до конца войны, Стученко, в 1961 году будучи уже командующим округом, по приказу министра обороны встречал из космоса Ю.А. Гагарина и с 12 апреля до 14 апреля 1961 года решал все вопросы

¹⁰⁶ Тимошенко Д. «Сделано: сожжен домик Пушкина...» С. 177–178.

его обеспечения, вплоть до пошива ему новой майорской формы. В этой форме Гагарин предстал перед жителями Москвы, вышедшими на улицы, по которым проезжал кортеж с человеком, первым побывавшим в космосе. «Его любили и боготворили миллиарды людей просто так, по велению своих душ, сердец, помимо рассудка. Никто их об этом не просил, не проплачивал многотысячные сборы людей на улицах и площадях»¹⁰⁷, — было отмечено в одной из книг, рассказывающей о покорении космоса.

Юрий Гагарин родился 9 марта 1934 года в деревне Клушино вблизи районного городка Гжатска. Находится этот городок между Москвой и Смоленском. Во время Великой Отечественной войны Гжатск был превращен фашистами в неприступную крепость. На подступах к этому городу погиб полковник Полосухин. Только через несколько месяцев после гибели комдива войсками 29-й гвардейской дивизии, теперь уже под командованием Стученко, после двухнедельных непрекращающихся боев Гжатск был взят. Из 13 000 человек, проживавших перед войной в Гжатске, осталось немногим больше тысячи, а в Гжатском районе из 32 000 осталось около 7 500 человек.

Ветераны дивизии, приехавшие в Пушкинские Горы, рассказали, что после освобождения Гжатска в городе был устроен митинг, на котором находился и Юра Гагарин. Узнав об этом, Андрей Трофимович Стученко спросил у Гагарина: «А помнишь ли ты меня?» — «Нет, не помню, я тогда был еще маленький», — ответил Гагарин. «А человека, который стоял на трибуне, помнишь?» — продолжал допытываться Андрей Трофимович. «Да, генерала помню», — подтвердил Гагарин. «Так это был я», — оживился Стученко.

После знакомства Стученко и Гагарин поддерживали дружеские отношения и неоднократно встречались, а Гжатск был переименован в город Гагарин.

Уже в послевоенное время в состав теперь уже 144-й мотострелковой дивизии, ставшей правопреемницей 29-й гвардейской дивизии, был включен 254-й гвардейский мотострелковый полк, названный именем Героя Советского Союза Александра Матвеевича Матросова, совершившего подвиг на Псковской земле под Великими Луками.

В течение многих лет в 144-ю дивизию призывали служить призывников из Великих Лук, достойно проходивших службу в 254-м гвардейском мотострелковом полку имени А. Матросова. Ветераны, совершавшие поездку по местам сражений их дивизии на Псковской земле, высказали надежду на то, что традиция призыва в их дивизию псковской молодежи

¹⁰⁷ Волк И., Томский В. Сделано в России. М., 2009. С. 20.

будет восстановлена. Это может стать еще одним связующим звеном дивизии с Псковской землей, которую ей довелось освобождать от немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны.

В настоящее время указом президента от 30 июля 2018 года дивизия восстановлена в составе Вооруженных Сил РФ, штаб 144-й гвардейской Краснознаменной ордена Суворова II степени Ельнинской мотострелковой дивизии находится в Смоленске, а части дивизии дислоцируются в Смоленской и Брянской областях.

Покидая Пушкинский Заповедник, один из ветеранов 144-й мотострелковой дивизии, ее бывший командир, Владимир Александрович Носарев (псевдоним Владимир Солдатский) подарил Заповеднику книги со своими стихами и поэмами. В одном из его стихотворений были такие строки:

Мы помним, тут была война,
И никогда нам не забыть,
Сколь жизней унесла она —
Чтоб мы могли на свете жить¹⁰⁸.

¹⁰⁸ *Солдатский В.* Бородино 9 мая // Жемчужина моей страны. С. 26.

ГЕРОИ ПУШКИНОГОРЬЯ

Псковская земля испокон веков была приграничной и подвергалась набегам воинственных соседей. Каждая пядь этой земли была полита кровью ее защитников. Проживание на окраине государства сформировало особый уклад жизни и характер местного населения.

В полной мере этот характер был проявлен пушкингорцами в годы Великой Отечественной войны. Небольшой по площади Пушкингорский район дал четырех Героев Советского Союза: это Борис Александрович Михайлов, Иван Егорович Захаров, Никандр Васильевич Васильев и Дмитрий Тимофеевич Тимофеев; также нашими земляками являются три кавалера трех орденов Славы — Петр Васильевич Антипов, Александр Петрович Петров и Василий Николаевич Кондратьев.

В честь их ратных подвигов в Пушкинских Горах была высажена Аллея героев. Именами двоих из них, Ивана Егоровича Захарова и Бориса Александровича Михайлова, были названы две улицы поселка. Хочется надеяться, что когда-нибудь в Пушкинских Горах и другим улицам дадут имена наших героев. Это необходимо сделать, чтобы мы помнили о них и гордились ими, чтобы подрастающее поколение воспитывалось на их примере.

Сведения о подвигах героев-пушкингорцев можно найти в сборнике «Вспоминая войну», изданном Пушкинским Заповедником в 2004 году. Но о тех героях, имена которых уже увековечены в названиях улиц, хочется дать дополнительную информацию, чтобы для жителей Пушкинских Гор эти названия не стали чем-то примелькавшимся и обыденным.

Следует отметить, что в 1969 году по просьбе местных пионеров, обучавшихся в той самой школе, которую в 1940 году закончил Герой Советского Союза Борис Александрович Михайлов, Песочную улицу переименовали в улицу Михайлова. В том же году на улице Михайлова был установлен памятный знак.

Герой Советского Союза Борис Александрович Михайлов — единственный из героев-пушкингорцев, не доживший до Дня Победы. Он пал смертью храбрых при освобождении Минска. Там, в Минске, он и был похоронен. В настоящее время одна из улиц Минска носит его имя.

Борис Александрович Михайлов родился 24 мая 1923 года в деревне Меньково Пушкингорского района Псковской области. О детских годах Бориса Михайлова говорится в письме, адресованном матерью героя Марией Федоровной методисту Пушкинского Заповедника Виктору Григорьевичу Никифорову. Это письмо написано аккуратным детским

Пушкиногорцы — Герои Советского Союза

*Борис Александрович
Михайлов*

*Иван Егорович
Захаров*

*Никандр Васильевич
Васильев*

почерком, видимо, под диктовку Марии Федоровны.

«Ему не было и пяти лет, когда он в школу убежал. Не взяли, конечно. Вот и в военное училище рано поехал — семнадцати не было, всё стремился скорее полезным стать. А уж как он меня любил, ласковый такой был. Птичку зимой замерзшую, бывало, принесет, обогреет и отпустит.

Очень любил музыку. Когда был маленьким, сам вырезал разные свистульки и дудочки, а как стал большим, научился играть на всех струнных инструментах. Очень любил книги, особенно стихотворения. Бывало, прибежит в субботу из школы замерзший, усталый (путь-то 27 километров до Менькова). Я спрашиваю: «Поди, страшно было?» «Нет, — смеется, — я с Пушкиным на лыжах наперегонки бежал».

Я же говорю — выдумщик он большой был. На выдумки он был способный. Однажды в зимние каникулы Боря говорит мне: «Мама, дай мне

*Дмитрий Тимофеевич
Тимофеев*

Пушкиногорцы — кавалеры трех орденов Славы

*Петр Васильевич
Антипов*

*Александр Петрович
Петров*

*Василий Николаевич
Кондратьев*

простынь». Я спросила: «А на что тебе простынь?» Боря и говорит мне: «Сама увидишь».

Дала ему старенькую простынь, а он приделал к ней две палки по краям, и получился у него парус, и его так понесло ветром, что не успела и глазом моргнуть, когда он встал на лыжи. Через два часа он пришел домой мокрый, усталый, но веселый.

С того дня стала я опасаться за него, что будет проситься в летчики. И не ошиблась: он только и бредил военным училищем. Боря говорит мне: «Мама, когда я вырасту большой, пойду на войну. Или же грудь в крестах, или же голова в кустах»¹⁰⁹.

После успешного окончания Пушкиногорской средней школы, которая в то время называлась школой крестьянской молодежи, или ШКМ, в 1941 году Борис Михайлов поступил в артиллерийское военное училище. Здесь его застала война.

Бесстрашие, гибкость ума, решительность, присущие Борису Александровичу с детских лет, были в полной мере проявлены на фронте в годы Великой Отечественной войны. Подмоскowie, Воронеж, Ростов, Киев, Минск — таков боевой путь батареи, которой командовал Борис Михайлов.

А. Егоров, бывший командир 19-й гвардейской танковой бригады, генерал-майор танковых войск, вспоминает:

¹⁰⁹ Письмо М.Ф. Михайловой В.Г. Никифорову. Архив Л.Д. Никифоровой.

«В середине марта бригада вела бой под Борисовкой — западнее Белгорода. Фашисты бросили против нас танковую бригаду, вооруженную новейшими «пантерами» и «тиграми». В один из критических моментов мне пришлось ввести в бой резерв... С волнением следил я за героическими действиями наших танкистов. Они были ближе всех к немецким машинам, но наши снаряды не пробивали броню новых немецких танков. Эту задачу решили артиллеристы Михайлова. Они учли, что лобовая броня немецких машин не пробивалась нашей танковой пушкой, поэтому стали бить по ним в борт. Это требовало огромной силы духа, ибо надо было затаиться и пропускать фашистские танки мимо своих орудий, а уж потом бить по ним. Но у Михайлова и силы духа, и отваги оказалось достаточно. «Пантеры» и «тигры» стали гореть. Опыт лейтенанта Михайлова по борьбе с «тиграми» мы тотчас распространили по бригаде. Подбили тогда более 60 танков противника.

Дороги войны уходили на запад. В ожесточенных боях при освобождении Украины, проявив мужество и отвагу, Борис Александрович Михайлов стал Героем Советского Союза. Севернее Киева, на правом берегу Днепра, в октябре 1943 года батарея Михайлова, заняв круговую оборону, отбила все атаки противника, уничтожила пять танков, из них три тяжелых, два самоходных орудия «фердинанд», 12 бронемашин и 160 солдат и офицеров противника. При этом сама батарея потеряла только одно орудие и ранен был один боец. На рассвете батарея вышла из окружения и снова вступила в бой с противником. За эту операцию Михайлову присвоено звание Героя Советского Союза»¹¹⁰.

Погиб Михайлов в боях за освобождение города Минска 3 июля 1944 года.

«На руках внесли в освобожденный город тело Бориса Михайлова его товарищи, опаленные войной артиллеристы. Стоявшие на тротуарах минчане при прохождении процессии снимали шапки и вливались в шествие. Узнав, что это Герой Советского Союза и что он погиб на подступах к Минску, они становились участниками похорон Михайлова. По предложению минчан его похоронили в центре города на военном кладбище. Свято берегут о нем память жители Минска»¹¹¹.

В 1970–1980-е годы пионеры отряда имени Героя Советского Союза из Минска вели активную переписку с пушкиногорскими школьниками,

¹¹⁰ Священная память о герое. Из воспоминаний А. Егорова, бывшего командира 16-й гвардейской танковой бригады, генерал-майора танковых войск // Пушкинский край. 29.11.2013.

¹¹¹ Там же.

членами пионерской дружины, носящей имя Б. Михайлова. На протяжении многих лет минские школьники почти ежегодно приезжали в Пушкинские Горы, встречались с матерью героя, беседовали с его одноклассником, общались с пушкиногорскими ребятами.

Позже, в 1990-е годы в Пушкинских Горах появилась новая улица, которой было дано название улицы Захарова. Она расположена у поворота дороги, ведущей в село Поляне, с которым была связана почти вся жизнь Героя Советского Союза Ивана Егоровича Захарова.

«Иван Егорович Захаров родился в 1923 году в деревне Марково Ладинского сельсовета в крестьянской семье. Окончил шесть классов Ладинской неполной средней школы, потом работал в колхозе. В апреле 1941 года поступил в школу ФЗО. Началась Великая Отечественная война...

В августе 1941 года комсомолец Захаров ушел добровольцем на фронт. В составе 83-го батальона 4-го моторизованного понтонно-мостового Жлобинского полка воевал под Воронежем и Сталинградом, освобождал Белоруссию и Польшу, принимал участие в форсировании многих рек, проявляя при этом мужество и отвагу.

В апреле 1945 года рядовой Захаров одним из первых под сильным артиллерийским обстрелом форсировал реку Одер и способствовал наведению переправы.

Командованием была поставлена боевая задача навести два моста: деревянный в районе населенного пункта Цзелин и понтонный в районе населенного пункта Блессин. В течение 10 суток в составе расчета Захаров забивал сваи, укладывал прогоны и настилы деревянного моста. В районе Блессина ночью разгрузил 10 автомашин с имуществом деревянного мостового парка и переправил его на другой берег. Прямым попаданием снаряда был разбит один паром, потребовалось его отремонтировать. И.Е. Захаров нашел лодку, собрал группу бойцов, невзирая на интенсивный огонь, совершил три рейса, доставив необходимые материалы. Под его руководством бойцы через мели перетащили всё это на себе.

12 апреля, несмотря на сильный артиллерийский огонь немцев, Захаров добровольно вызвался переправить на другой берег три якоря и бухты троса. Во время переправы лодку далеко снесло, Иван выпрыгнул из нее и по мели дотащил до причала. На следующий день он организовал группу бойцов, вытащил якорь одного из запутавшихся паромов и перезабросил. В результате паромы были удержаны в линии моста, своевременная переправа через Одер обеспечена.

За этот подвиг наш земляк был удостоен звания Героя Советского Союза. Ему была вручена медаль «Золотая Звезда» № 8015. Кроме этого, Иван Егорович награжден орденами Ленина, Красной Звезды, Отечественной войны I степени и медалями.

После демобилизации в 1949 году вернулся в родные края. Был заведующим Позолотинской избой-читальней, учился в Псковской средней сельскохозяйственной школе по подготовке председателей колхозов. Работал колхозником, агрономом, механизатором. Земляки по деревенской привычке звали его коротко — Герой, испытывая уважение к заслугам этого человека.

В 1983 году работники совхоза «Полянский» проводили ветерана на пенсию. После этого Иван Егорович принимал активное участие в военно-патриотическом воспитании молодежи, часто посещал школы района.

Судьба не отмерила ему долгий век. 22 июня 1991 года на 69-м году жизни Герой Советского Союза скончался. Похоронен Иван Егорович Захаров на центральном воинском захоронении в Пушкинских Горах, рядом с освободителями Пушкиногорья, павшими смертью храбрых в июле 1944 года»¹¹².

После смерти Ивана Егоровича решено было дать новой улице, появившейся возле дороги, ведущей в Поляне, название улицы Захарова.

Что касается истории Полян, то с этим селом связана жизнь еще одного героя, Петра Петровича Коновницына, участника Отечественной войны 1812 года.

Это о нем писал Лев Николаевич Толстой в романе «Война и мир»: «Петр Петрович Коновницын... всегда находился там, где было труднее всего... и был одною из тех незаметных шестеренок, которые не треща и не шумя составляют самую существенную часть машины». Ему же посвящены строки из стихотворения Жуковского «Певец во стане русских воинов»:

Хвала тебе, славян любовь,
Наш Коновницын смелый!
Ничто тебе толпы врагов,
Ничто мечи и стрелы...

Во время войны с Наполеоном полки Коновницына мужественно сражались под Смоленском, прикрывая отход нашей армии.

¹¹² Иван, крестьянский сын // Пушкинский край. 26.11.2013.

Во время Бородинского сражения Коновницын умело руководил обороной Семеновских флешей. Когда во время боя был смертельно ранен Багратион, Коновницын принял на себя командование до приезда нового командующего — Дохтурова, несмотря на то, что в ходе сражения сам получил серьезную контузию.

С сентября 1812 года Коновницын служил дежурным генералом Штаба объединенных армий; в переводе на современный язык — он был начальником Генерального штаба. Вступив в эту должность, он всего за две недели сумел сформировать новую армию, которая стала одерживать победы. Его организаторский и стратегический талант, решительность и самоотверженность во многом предопределили исход войны с Наполеоном.

Одно из имений Коновницына, Барышово, доставшееся герою в качестве приданого его супруги Анны Ивановны, находилось в Полянах. Наверняка в Полянах Петр Петрович бывал и до женитьбы, поскольку там жил его двоюродный дед Григорий Иванович Коновницын, доводившийся родным дедом его будущей супруге Анне Ивановне. Полянское имение было самым богатым имением Коновницыных, но молодая семья после венчания местом постоянного проживания выбрала гдовское имение Кярово. Тем не менее можно предположить, что посещала семья Коновницыных и Барышово.

Доподлинно известно, что жизнь в Барышове вновь забила ключом после 1840 года. Здесь после женитьбы поселился Иван Петрович Коновницын, один из сыновей Петра Петровича Коновницына, выдающегося военачальника, героя Отечественной войны 1812 года.

Мы, пушкингорцы, гордимся своими героями — защитниками Отечества. Но мы почитаем как героев и тех, кто не был удостоен высоких правительственных наград, хоть и защищал Отечество, не щадя своей жизни. Пусть мы не знаем их имен, не знаем, какие подвиги они совершали, но мы твердо знаем, что им мы обязаны независимостью нашего государства.

Только в годы Великой Отечественной войны с фронта не вернулось домой 3 000 наших земляков. Когда пушкингорцы воевали на фронтах Великой Отечественной войны, на Пушкингорской земле бились с врагом представители многих республик Советского Союза. Они стояли насмерть и при обороне Пушкингорья, и при освобождении его, совершая ратные подвиги «не ради славы — ради жизни на земле». Не одна тысяча их навеки остались здесь. В память об их ратном подвиге именем одного из освободителей Пушкингорского района была названа еще одна улица нашего поселка — это улица Ермолаева. В начале улицы был установлен

памятный знак с текстом и барельефным изображением Федора Васильевича Ермолаева, героически погибшего 31 марта 1944 года недалеко от Михайловского.

Командир полка Федор Васильевич Ермолаев был родом из Омска. 31 марта 1944 года неподалеку от Михайловского на берегу Сороти завязались ожесточенные бои. Пять контратак отбили наши бойцы, увлекаемые примером командира Ермолаева. В этих боях он героически погиб и был похоронен неподалеку от места гибели на братском кладбище в деревне Вече. Звание Героя ему было присвоено посмертно.

В ходе Великой Отечественной войны Пушкиногорский район становился ареной кровопролитных боев. Самыми значимыми из них были девятидневная героическая оборона Селиховского моста при отступлении наших войск в июле 1941 года и ожесточенные кровопролитные бои, длившиеся почти три с половиной месяца, на Стрежневском плацдарме, во время наступления Красной армии в 1944 году.

Между обороной Селиховского моста и боями на Стрежневском плацдарме протянулись годы оккупации.

В Пушкиногорье фашисты хозяйничали три долгих года. Врагу не удалось сходу взять поселок. Бои на ближних подступах к Пушкинским Горам развернулись 7 июля 1941 года.

«Пушкинские Горы и село Михайловское в те дни обороняли 24-й стрелковый и 21-й механизированный корпуса 27-й армии, которой командовал генерал-майор Н.Э. Берзарин, будущий комендант Берлина; 21-м механизированным корпусом командовал генерал-майор, впоследствии генерал армии, дважды Герой Советского Союза Д. Лелюшенко»¹¹³.

Особенно жестокие бои шли на подступах к железнодорожному вокзалу. Отсюда вдоль железнодорожной линии, до железнодорожного моста, перекинутого через речку Холодник, пролегалла траншея, в ней укрывались красноармейцы. В этом районе 8–9 июля 1941 года силами бойцов 128-й стрелковой дивизии были остановлены немецкие танки 56-го моторизованного корпуса группы армий «Север».

В 2013 году на месте жестоких боев Красной армии с немецко-фашистскими захватчиками на подступах к Пушкинским Горам и железнодорожному вокзалу был установлен памятный обелиск. Во время его установки были обнаружены останки двух красноармейцев, погибших в этих боях. Их перезахоронили на мемориальном воинском кладбище «Чертова гора». Возможно, об этих красноармейцах приводятся сведения

¹¹³ Книга Памяти. Историко-документальная хроника. К 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Псков, 1994. С. 347–348.

в Книге Памяти: «Местные жители помнят о подвиге двух пулеметчиков, которые ценой своей жизни на несколько часов задержали врага на западной окраине Пушкинских Гор»¹¹⁴.

За полвека до этого, в 1963 году, в нескольких десятках метров от места, на котором был установлен памятный обелиск, житель деревни Кокорино, усадьба которого стояла на краю деревни, занимаясь земляными работами на своем приусадебном участке, обнаружил останки пятерых красноармейцев. Эти останки были перезахоронены на цыганском кладбище в Раховских горах¹¹⁵.

Как уже говорилось, 10 июля враг был выбит из поселка. Ожесточенные бои развернулись у деревни Селихново. Сражения шли 9 дней.

Протоиерей Казанской церкви о. Михаил Иванов в статье «Девять дней 1941 года» пишет:

«Особенное внимание власти, граждан, исследователей обычно привлекают победы, военные успехи, которые находят отражение в публикациях, передачах, празднованиях и застольях. Однако вклад в эти победы, их основание принадлежит и событиям обороны, не менее значимым, хотя часто незаслуженно забытым.

В.О. Терентьев в своей книге как раз описывает такие события, происходившие в 1941 году на Пушкиногорском направлении, и их героев. Особое значение для того момента войны имел Селихновский мост. Это был единственный доступный для танков мост на участке от Острова до Опочки, который специально сохранили для отхода наших войск. У фашистов существовали специальные подразделения, обеспечивающие захват таких стратегических объектов, как мосты. Эти спецподразделения были обмундированы в форму Красной армии, имели соответствующую экипировку. Вечером 4 июля германская группа спецназа, десантировавшись в районе Селихнова, попыталась захватить мост, однако была уничтожена защитниками моста и отрядом НКВД.

В то время район Пушкинских Гор оборонял 24-й стрелковый корпус 27-й армии Северо-Западного фронта, возглавляемый генерал-майором Кузьмой Максимовичем Качановым. Части были недоукомплектованы, многие латышские стрелки, служившие в них, дезертировали при проходе через территорию Прибалтики, перебои с питанием также создавали дополнительные трудности. А главное, не было в достатке боеприпасов для орудий и танков. С нашей стороны у моста было установлено одно

¹¹⁴ Книга Памяти. Историко-документальная хроника. С. 349.

¹¹⁵ Воспоминания В.В. Васильева. Запись Е.В. Хмелевой. 3.10.2017. Архив автора.

107-мм орудие с десятью снарядами, рота пехоты и один танк КВ с ограниченным числом выстрелов. Орудие было времен Первой мировой, не имело защитного щитка, а фугасные снаряды не могли пробить броню танка.

Противником была выставлена 8-я танковая дивизия, была поддержка авиация, пехоты 56-го моторизованного и 10-го армейского корпуса...

Соотношение сил на данном участке фронта составляло 8:1 не в нашу пользу.

До 8 июля фашисты предпринимали попытки захвата моста, однако они были отбиты...

Расчет единственного 107-мм орудия хладнокровно расстреливал танки противника, ему помогал танк КВ только в крайних случаях, при угрозе прорыва, так как не было снарядов...

Несмотря на сопротивление защитников, некоторые немецкие танки всё же прорвались на правый берег Великой и были атакованы группой танков КВ, охранявших станцию «Тригорская». КВ только что были заправлены, но не имели снарядов. в этой ситуации танкисты шли на таран... К 8.00 наши саперы Бимба, Пирагс и Строд под огнем противника заминировали и взорвали среднюю часть моста с двумя вражескими танками...

11 июля идут бои в Селихнове. Наши войска решительной штыковой атакой ворвались в расположение противника, отбросили его на правый берег Великой, захватив мост, пять пушек и множество пленных... Вечером 16 июля в связи с окружением (уже был взят врагом Новоржев) советские воины получили приказ отступить из Селихнова. Бои за Селиховский мост продолжались до утра 17 июля...

Значение описанных событий огромно. Враг был задержан здесь, сняв войска с Лужского, Великолукского направлений. Таким образом, сил на штурм Москвы и Ленинграда у врага не хватало, потому что бои шли на Пушкиногорской земле 9 дней»¹¹⁶.

Покинув свои позиции, красноармейцы, оборонявшие Селиховский мост, стали прорываться к своим через уже оккупированный фашистами Новоржевский район.

С приходом новой власти в Пушкиногорском районе был установлен новый режим. Всюду были развешены приказы, в которых указывалось, что нужно делать, что нельзя. За невыполнение приказов грозили суровой карой вплоть до смертной казни.

«Обыски, дневные и ночные облавы, солдаты с овчарками были уже постоянным явлением. За оружие и помощь партизанам полагался

¹¹⁶ *Иванов М.* Девять дней 1941 года // Пушкинский край. 13.08.2010.

расстрел. Погибнет немецкий солдат — схватят первых попавшихся десять человек, повесят или расстреляют. Расстреливали в лесу, в песчаном карьере...»¹¹⁷

Не желая смиряться с оккупационным режимом, местная молодежь в первые же дни оккупации стала совершать диверсии, благо на месте боев можно было найти оружие. Это стихийно возникшее сопротивление немецким властям сумел взять под контроль комсорг школы В. Дорофеев. С первых дней оккупации он сплотил вокруг себя молодежь. Бывший подпольщик Анатолий Дмитриевич Малиновский писал: «Дорофеев болел туберкулезом. Болезнь отняла от него многое... Виктор казался взрослее сверстников... Он не расставался с книгой «Как закалялась сталь», говорил, что надо учиться жить у Корчагина»¹¹⁸. Так возникло пушкиногорское подполье. Оно состояло из нескольких ячеек. В целях конспирации члены каждой ячейки знали только своих соратников. «В поселке хозяйничали фашисты. Им не могло прийти в голову, что против них поднялись в сущности мальчишки и что в домике на Гончарной их штаб, а командиром — измученный болезнью парнишка»¹¹⁹.

18 сентября 1942 года Виктора Дорофеева не стало. После его смерти молодежную подпольную организацию возглавил Степан Петрович Кошелев.

Малиновский пишет: «Никаких собраний по этому поводу не было, никто не избирал Кошелева, но его возраст и опыт дали ему право на решающее мнение по любому вопросу. Никаких перемен не произошло, Кошелев продолжил дело Дорофеева, не подвергнув сомнению ни один его шаг. Порой казалось, что Виктор Дорофеев жив, только к нему нельзя прийти, а приказы он каким-то образом передает, продолжает нас учить хладнокровию и мужеству»¹²⁰.

В 1943 году служба гестапо в Пушкинских Горах поняла, что диверсии совершают не только партизаны, но и жители поселка. Бывшая партизанка Мария Павловна Савыгина в заметке «Как всё это было»¹²¹ предполагает, что в подпольную организацию была послана лазутчица: начались аресты, пытки, казни. Вторая волна арестов обрушилась на молодежь Пушкиногорья в январе 1944 года.

¹¹⁷ Малиновский А.Д. Подпольщики Пушкинских Гор. С. 22.

¹¹⁸ Там же. С. 14.

¹¹⁹ Там же. С. 18.

¹²⁰ Там же. С. 52.

¹²¹ Савыгина М.П. Как всё это было // Пушкинский край. 15.03.2011.

Тогда многие подпольщики были замучены и казнены, а те, у кого не были обнаружены улики, отправлены в концлагеря. В концлагере оказались и Степан Кошелев.

Во время наступления наших войск узников концлагерей, находившихся на территории Псковщины, погрузили в товарные вагоны и отправили на запад. Таким образом Кошелев оказался в одном из французских концлагерей, откуда бежал и влился в ряды французского Сопротивления. После войны он вернулся на Родину и поселился у родственников в Ленинграде.

В послевоенное время трудно было понять, кто в годы фашистской оккупации был пособником фашистов, а кто под этой личиной на самом деле боролся с фашизмом. После войны и тех и других судили и чаще всего лишали свободы на несколько лет. Их стыдили и осуждали даже родственники. Например, Алевтина Никандровна Изотова вспоминала о том, с какой ненавистью она исподлобья смотрела на своего родственника Василия Ивановича Шубина, вернувшегося домой после десятилетней отсидки в тюрьме. До войны он был уважаемым человеком, директором Селихновской начальной школы. Незадолго до войны семья Шубиных переехала в Пушкинские Горы в новый, недавно отстроенный на Пушкинской улице дом. В настоящее время это дом 37.

Во время оккупации бывший директор Селихновской начальной школы Василий Иванович Шубин был назначен бургомистром. Его дочь Алла была устроена на работу переводчицей в военную комендатуру, другая дочь, Анфиса, вместе с двоюродными сестрами Ниной и Нонной Крыловыми устроились на работу в отдел труда. Местные жители их всех считали предателями, потому что не знали, что все они были связаны с подпольем и партизанами.

Р.Ф. Лавриненко в статье «Сестры» пишет: «Осенью 1941 года под командованием кадровых военных Литвиненко А.М. и его заместителя по разведке Германа А.В. была создана 2-я Особая партизанская бригада. На протяжении пятимесячного рейда в тылу врага появились первые точки разведсети в Опочке, Пушкинских Горах, Новоржеве, под Островом. Герман занимался отбором людей для разведки (из книги «Контрразведка» (Псков, 1995)... Имеются свидетельства, что с Аллой Шубиной в январе 1942 года партизанами была установлена связь. Ее связными были разведчики 2-й особой партизанской бригады... На страницах псковских и пушкиногорских газет делится своими воспоминаниями бывший партизан Петр Иванович Бесчастнов... Разведчики

получали от Аллы Шубиной секретные сведения о намерениях врага, она снабжала нужных людей бланками и печатями, слушала разговоры и читала немецкие бумаги... В своих воспоминаниях, опубликованных в 70-е годы в газете «Псковская правда», комиссар бригадной разведки Иван Костарев писал: «Новые данные о «Пантере» добыла наша разведчица Алла Шубина, работавшая переводчицей в военной комендатуре Пушкинских Гор»¹²².

Когда Алла Шубина заметила за собой слежку, был инсценирован ее захват партизанами. В партизанском отряде, как и в подполье, она была разведчицей. Погибла Алла Васильевна Шубина на боевом задании 22 января 1944 года. Через месяц, 23 февраля 1944 года, оборвалась жизнь ее двоюродной сестры Нины Крыловой, оказавшейся в числе 14 подпольщиц, сожженных в сарае в деревне Каврино. Анфиса Шубина и Нонна Крылова выжили, несмотря на то, что были отправлены в концлагерь.

Когда началась война, Анфисе Васильевне было всего 15 лет, а ее сестре Алле 17. Тем не менее то, что они делали, имело огромное значение в борьбе с оккупантами. Так, Анфиса Шубина и ее двоюродная сестра Нонна Крылова, работая в отделе труда, имели доступ к рабочим паспортам. Будучи членами подпольной организации, они отправляли чистые бланки паспортов в партизанский отряд, давали возможность военнопленным уходить в партизаны¹²³.

В начале 1943 года появились в Пушкиногорье партизанские отряды. Взаимодействие партизан с подпольщиками давало хорошие результаты в подрывной работе. Помогали партизанам и местные жители: они были связными, а также обеспечивали партизан продуктами питания.

В северной части Пушкиногорского района действовала 3-я Ленинградская партизанская бригада под командованием легендарного комбрига Александра Викторовича Германа и 2-я Калининская бригада. Партизаны изгнали врага с территорий Русаковского и Зарецкого сельсоветов. Так на территории Пушкиногорского района был образован партизанский край со своими законами. Здесь гитлеровцы появлялись только во время карательных экспедиций.

В южной части района действовала Пушкиногорская партизанская бригада. Немецкое командование вынуждено было направить с фронта воинские части для борьбы с партизанами, после чего Пушкиногорская партизанская бригада была почти полностью разгромлена, только группе Петра Михайловича Киманова удалось пробиться и соединиться с ле-

¹²² Лавриненко Р.Ф. Сестры // Пушкинский край. 20.07.2010.

¹²³ Лавриненко Р.Ф. Сестры // Пушкинский край. 16.07.2010.

нинградскими партизанами. Через какое-то время было принято решение вновь сформировать Пушкиногорскую бригаду, которая позже получила название 15-й Калининской.

Зима 1944 года заканчивалась. Приближалась весна. Всё ближе и ближе подходила к границам «Пантеры» Красная армия. В Пушкиногорском районе естественной границей «Пантеры» и первым препятствием на пути Красной армии были русла рек Великой и Сороти.

Для захвата плацдарма в конце марта в районе Печан нашими войсками была форсирована река Великая. О том, как это происходило, стало известно из воспоминаний командира первого танкового батальона 227-го танкового полка, входившего в первую ударную армию генерала Федюнинского 2-го Прибалтийского фронта. Сведения из этих воспоминаний приводятся в статье В.А. Шульца «Подвиг танкистов»:

«К марту 1944 года фашисты на участке Остров — Новоржев устроили мощную оборону — крепкую и в инженерном отношении, и насыщенную артиллерией, танками и пехотой... Впереди, за этой мощной обороной — пушкинские места... От деревни Печане к селу Михайловскому в болотистой ложине пробежала неширокая, но очень глубокая речка... Николай Иванович решил действовать одним взводом из четырех танков молодого лейтенанта Фомина.

И вот он передо мной, пишет Н. Борисов, красивый молодой человек, 21 год, со светлыми вьющимися волосами, — слушает задание. И Борисов, и лейтенант Фомин хорошо понимали, что это смертельное задание, живыми остаться нет возможности.

Ранним морозным утром взревели моторы четырех танков, и они устремились вперед. Все танки по обозначенным вехам проходам вошли в ледяную воду реки, а по ним прошли танки всего батальона, вырвались на больших скоростях в тыл группировки противника, вызвав там огромную панику»¹²⁴.

Наш земляк, руководитель поисковой экспедиции Вячеслав Терентьев в своей работе «Освобождение Пушкиногорья» пишет: «Только здесь, на всём четырехсоткилометровом участке фашистской линии «Пантера» советские войска вклинились в главную оборонительную полосу. Германское командование, сознавая выраженную угрозу всей обороне группы армий «Север» в виде малюсенького плацдарма, бросило на его уничтожение огромные силы...»¹²⁵

¹²⁴ Шульц В.А. Подвиг танкистов // Пушкинский край. 12.07.2013.

¹²⁵ См.: Терентьев В.О. Освобождение Пушкиногорья. Пушкинские Горы, 2005.

Пушкинские Горы были освобождены быстро, менее чем за один день, но этому освобождению предшествовали долгие кровопролитные бои на Стрежневском плацдарме, находящемся в 13 километрах северо-западнее этого населенного пункта. На протяжении трех с половиной месяцев противостояния двух армий здесь шли жестокие бои, в которых, освобождая Советскую Родину, сложили головы тысячи ее защитников, людей разных национальностей. Самоотверженность красноармейцев обеспечила условия для успешного освобождения территории Пушкинского Заповедника и Пушкинских Гор.

В Журнале боевых действий 54-й армии записано: «12 июля 1944 года. В результате боя с отрядами прикрытия противника части 53-й гвардейской стрелковой дивизии и 321-й стрелковой дивизии, преодолевая огонь пехотного оружия, артиллерии и минометов, в 3.30 полностью овладели районным центром Калининской области ПУШКИНСКИЕ ГОРЫ»¹²⁶.

Памятные места были спасены, но повсюду находились минные поля, в том числе на территории Пушкинского Заповедника и Святогорского монастыря. В Святогорском монастыре, помимо всего прочего, была заминирована могила Пушкина.

Мин и других оборонительных сооружений в Пушкиногорье было много, поскольку через Пушкиногорский район проходила оборонительная фашистская линия «Пантера». Ее возведением под страхом смерти пришлось заниматься военнопленным и местному населению. Но минировали могилу Пушкина и территорию Святогорского монастыря фашисты, о чем говорится в воспоминаниях А.А. Казакова: «Взвод лейтенанта Кононова разминировал Святогорский монастырь, собор, кладбище... В тот день, 13 июля, мы не встретили население, т. к. фашистские изверги всех людей и всю живность угнали из этих мест. Вечером к нам пришла старушка, чудом оставшаяся живой, и рассказала, что всех жителей из этих мест группами немцы угнали перед тем, как стали минировать и строить линию обороны в этих местах. Отступавшие немцы привезли женскую команду сапер[ов] из числа жителей оккупированной нашей земли. Эти молодые женщины-саперы до этого в других местах под ружьем выполняли опасные работы (по минированию линии обороны немцев). Когда пришла их очередь выполнить приказ о минировании собора, могилы, пушкинских памятных мест и осквернить и разрушить святыне для народа места, они отказались выполнить этот изуверский приказ.

¹²⁶ См.: Освобождение Пушкиногорского района Псковской области. 3-й Прибалтийский фронт в июле 1944 года / авт.-сост. Д.А. Тимошенко. 2011. С. 12.

За это всё они были расстреляны. Поэтому такую грязную работу пришлось выполнять немецким саперам»¹²⁷.

Основную задачу по разминированию Пушкинского Заповедника и могилы Пушкина выполнили воины 157-го инженерно-саперного батальона под командованием подполковника Н. Помилуйко. Командовал взводом саперов С.Е. Покидов. Свято-Успенский монастырь и могила поэта были начинены минами, прыгающими на 1,5 метра и начиненными 340 стальными шариками, противотанковыми минами РМИ-43, а одна мина была с неизвлекающимся элементом, она и взорвалась. Погибло сразу 9 саперов, в том числе С.Е. Покидов»¹²⁸.

Саперы, погибшие во время разминирования территории Святогорского монастыря, были похоронены за монастырской оградой на братском кладбище.

У входа на территорию братского кладбища в проеме каменной стены установлен мемориал с надписью: «12 июля 1944 года части 53 гвардейской и 321 стрелковой дивизий 3-го Прибалтийского фронта освободили поселок Пушкинские Горы от немецко-фашистских захватчиков. Вечная память героям!»

В этом братском захоронении погребено 256 погибших воинов-освободителей.

Внутри мемориала находятся две гранитные плиты, на которых высечены фамилии и инициалы всех 256 погибших воинов-освободителей. В послевоенное время в пределах братского кладбища были похоронены пушкингорцы — Герои Советского Союза Дмитрий Тимофеевич Тимофеев (1908–1957), Иван Егорович Захаров (1923–1984) и полные кавалеры орденов Славы Александр Петрович Петров (1917–1984), Петр Васильевич Антипов (1922–1999). Все они скончались на родной земле в послевоенное время.

«11 июля 2014 года на территории Святогорского монастыря по инициативе Московского совета ветеранов инженерных войск (председатель генерал-лейтенант Н.Г. Топилин) в преддверии празднования 70-летия освобождения Пушкингорья от немецко-фашистских захватчиков был установлен памятный знак погибшим саперам»¹²⁹.

¹²⁷ *Васильев А.М.* Пушкингорье в годы Великой Отечественной войны (1941–1944) // Михайловская пушкиниана. Вып. 75. Сельцо Михайловское, 2019. С. 297–298.

¹²⁸ *Шульц В.А.* Подвиг танкистов // Пушкинский край. 12.07.2013.

¹²⁹ *Васильев А.М.* Пушкингорье в годы Великой Отечественной войны

80 лет прошло после окончания Великой Отечественной войны. Ее ветераны уже передали эстафету памяти новому поколению. Потомки стараются не посрамить память своих дедов и отцов и в случае необходимости тоже встанут на защиту Родины.

3 марта 2020 года в поселке Пушкинские Горы был установлен памятный бюст Алексею Храброву.

Алексей Александрович Храбров, гвардии рядовой стрелок-оператор 6-й роты 104-го полка 76-й гвардейской десантно-штурмовой Черниговской дивизии ВДВ, погиб 1 марта 2000 года в бою у Улус-Керта. Он был награжден орденом Мужества (посмертно).

Десантники вступили в бой с боевиками, прорывавшимися в Веденский район и далее в Дагестан для дальнейшего совершения терактов. Наши ребята могли оставить рубеж и отойти, но они выполнили свой воинский долг и ценой собственной жизни не пропустили врага. Бой длился более 18 часов. 90 десантников стояли насмерть против 3 000 боевиков. Боевиков было уничтожено около 700. Десантников осталось в живых шесть человек. Тридцать один воин 6-й роты покоится на Псковской земле.

Наш земляк Алексей Храбров погиб как герой. В то время ему было 19 лет. Его похоронили на братском кладбище на Чертовой горе, расположенной на территории Стрежневского плацдарма.

В настоящее время наши мужчины вновь взялись за оружие. В ходе специальной военной операции они, ежедневно рискуя своей жизнью, отстаивают независимость и интересы своего Отечества.

Литература

- Анисимова Т.Д.* Была такая станция «Тригорская» // Пушкинский край. [2007].
- Бакусов Г.А.* В лесах за Соростью. Л., 1988.
- Буланцов В.* Последний бой, он трудный самый... // Пушкинский край. 2.07.2010.
- Васильев А., Хмелева Е., Пурвинь Л., Банько А.* Пушкиногорье в годы Великой Отечественной войны: методическая разработка // Михайловская пушкиниана. Вып. 75. Сельцо Михайловское, 2019.
- Вспомогательная войну. Посвящается 60-летию освобождения Пушкинских Гор. Сельцо Михайловское, 2004.

(1941–1944). С. 299.

- Иван, крестьянский сын // Пушкинский край. 26.11.2013.
- Иванов Е.П.* Генерал Петр Петрович Коновницын. Псков, 2002.
- Иванов М.* Девять дней 1941 года // Пушкинский край. 13.07.2010.
- Иванов Ю.* Нам их славу навеки хранить // Пушкинский край. 11–17.03.2020.
- Их ратный труд отмечен славой // Пушкинский край. 6.11.2013.
- Киманов П.М.* За холмами Пушкинские Горы. Л., 1975.
- Книга Памяти. Историко-документальная хроника. К 50-летию победы в Великой Отечественной войне. Псковская область. Новоржевский район. Пушкиногорский район. Псков, 1994. Т. 11.
- Костров С.* Народ всё помнит // Пушкинский колхозник. 4.02.1959.
- Лавриненко Р.Ф.* Сестры // Пушкинский край. 13.07.2010; 16.07.2010; 20.07.2010.
- Малиновский А.Д.* Подпольщики Пушкинских Гор. Л., 1984.
- Малиновский А.Д.* Стойкость и мужество // Пушкинский край. 24.04.2015.
- Минеев Ф.Н.* Хроника, факты, находки // Военно-исторический журнал Министерства обороны СССР. 1976. № 11. Архив Пушкинского Заповедника. Научный архив (АПЗ. Н/а). Д. 2431.
- Савыгин А.М.* Пушкинские Горы. Л., 1989.
- Савыгина М.П.* Как всё это было // Пушкинский край. 15.03.2011.
- Священна память о герое. Из воспоминаний А. Егорова, бывшего командира 19-й гвардейской танковой бригады, генерал-майора танковых войск // Пушкинский край. 29.11.2013.
- Терентьев В.О.* Освобождение Пушкиногорья. Обобщенная хроника событий и список соединений, участвующих в боевых действиях. Пушкинские Горы, 2005.
- Терентьев В.О.* Девять дней 1941 года. Из истории обороны Селиховского моста на Пушкиногорском направлении 8–17 июля 1941 года. СПб., 2008.
- Тимошенко Д.А.* В июле 44-го. Новые архивные материалы // Пушкинский край. 12.07.2011.
- Федорова Л., Черняев Д.* Оборона Селиховского моста // Пушкинский край. 10.07.2004.
- Фронтовая операция 7–18 апреля 1944 года. Материалы Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ) / под ред. Д. Тимошенко. Историко-культурный центр «Пушкиногорье», 2011.
- Шульц В.А.* Подвиг танкистов // Пушкинский край. 12.07.2013.
- Хмелева Е.В.* Война и мир там, где проходила «Пантера» // Псков. 2016. № 44.
- Хмелева Е.В.* Мы не имеем права забывать об этом // Пушкинский край. 7.05.2013.
- Хмелева Е.В.* Пушкиногорский район в годы фашистской оккупации. Из воспоминаний жителей района // Псков. 2015. № 42.

**«МИНУВШЕЕ ПРОХОДИТ ПРЕДО МНОЮ...»
Пушкиногорье и Пушкинский Заповедник
в воспоминаниях М.А. Шпинева**

Мария Алексеевна Шпинаева

В основу этой статьи легли воспоминания одного из старейших работников Пушкинского Заповедника Марии Алексеевны Шпинева. Они были записаны в 2017 году и опубликованы в журнале «Псков» в 2018 году¹³⁰. Несмотря на преклонный возраст, у Марии Алексеевны была светлая память: рассказчица помнила события глубокой давности, имена, фамилии, отчества людей, с которыми свела ее жизнь, даты и многое другое.

Вся долгая жизнь Марии Алексеевны Шпинева, как и жизнь ее предков, была связана с землей, ставшей для Александра Сергеевича Пушкина «животворящей святыней», «милым пределом»: ее мать Дарья Тимофеевна служила горничной в Колонии литераторов, существовавшей в Михайловском с 1911 по 1918 год. После разгрома Колонии Дарья вышла замуж в соседнюю деревню Савкино за Алексея Ивановича Иванова. В 1919 году в их семье появилась дочь Мария.

Мария Алексеевна стала свидетельницей последующих событий в родных краях. Она видела, как нелегко, а порой абсурдно шло возрождение разоренной и оскверненной пушкинской земли в послереволюционные годы, помнила годы фашистской оккупации, а также послевоенное восстановление и расцвет Пушкинского Заповедника.

В воспоминаниях Марии Алексеевны Шпинева приводятся общеизвестные, малоизвестные и никому кроме нее не ведомые факты из жизни

¹³⁰ См.: Хмелева Е.В. «Минувшее проходит предо мною...» // Псков. 2018. № 48.

*Чаепитие в Колонии для престарелых литераторов в Михайловском.
Слева — Дарья Тимофеевна, мать М.А. Шпиневой*

«Пушкинского уголка». Возможно, эти малозначимые подробности не имеют большого значения в истории Заповедника, но они придают живинку рассказу, делая его образным и зримым.

«Я родилась в деревне Савкино в 1919 году. Мои родители — отец, Иванов Алексей Иванович, и мать, Дарья Тимофеевна, оба 1896 года рождения, были родом из Псковской губернии, но из разных деревень, находившихся далеко друг от друга. Деревня матери Стешухино была расположена в 5–6 километрах от имения друзей Пушкина Голубово, а отец почти всю свою жизнь прожил в деревне Савкино, отстоявшей в километре от Михайловского, имения Пушкиных. На пушкинской земле судьба свела их вместе.

Моя мама Дарья Тимофеевна в 1914 году приехала служить горничной в Колонию для престарелых литераторов. Это было благотворительное учреждение, организованное в память Пушкина в Михайловском в начале XX века. Помог ей устроиться на работу дядя Егор, родной брат ее отца. Дядя Егор был в Колонии старостой с самого ее основания. Там же, в Колонии, в то время служила и его дочка Маша. Маша была на два года моложе моей мамы. Она работала в Колонии с пятнадцати лет.

Чем конкретно занималась Маша в Колонии, я не знаю, известно только, что выполняла разные поручения, потом барыня подарила ей швейные принадлежности и научила шить. С тех пор тетя Маша шила для Колонии всё, что было необходимо, а после революции обшивала всю родню.

Моя мама в Колонии служила горничной. В обязанности горничной входило не только следить за чистотой в жилых помещениях и прислуживать за столом, но и выполнять различные поручения, в том числе открывать для посетителей музей и находиться там до тех пор, пока господ его не покинут. Мама служила в Колонии горничной до конца января 1918 года, до тех самых пор, пока последняя из проживавших там старушек, Варвара Васильевна, не переехала на Воронич, где сняла комнату у старой дьяконихи. В конце февраля того же года колония была разграблена мужчинами, а музей Пушкина сожжен.

Мама и тетя Маша остались без защиты, без средств к существованию, вдали от родной деревни. Страшно было от неопределенности и беззащитности. До дома добираться было сложно: зима, холод, беспредел. Да и там, в родных краях, происходило то же самое, что и здесь: никто не подчинялся никаким законам, жили по принципу «грабь награбленное».

Спасло их замужество: в феврале 1918 года они обе вышли замуж, тетя Маша — в Кокорино, а мама — в Савкино.

Кокорино находится неподалеку от Михайловского, Савкино совсем рядом. Мой отец, Алексей Иванович Иванов, был коренным савкинцем. Во время Первой мировой войны он служил в царской армии. Когда начались революционные события, вернулся домой и вскоре женился на моей матери. Мать, прежде чем дать согласие на брак с отцом, пошла к Варваре Васильевне, той самой старушке, которая во время революционных событий перебралась из колонии на Воронич на квартиру к дьяконихе. Варвара Васильевна была писательницей. Печаталась под псевдонимом Починковская. Она в своем дневнике, названном «Шесть лет в Михайловском», не раз упоминала и мою маму, и дедушку, и бабушку, приезжавших ее навестить, и дядю Егора. Мама очень доверяла Варваре Васильевне и попросила у нее совета, как ей следует поступить, на что барыня ей ответила: «Выходи замуж за него смело. Алексей — человек надежный». На свадьбу Варвара Васильевна подарила маме белое покрывало из дорогой плотной материи. По всей поверхности этого покрывала были вышиты четыре огромные красные розы. Я решила сшить из этого покрывала красивые наволочки на подушки и разрежала его. Наволочки так и не удосужилась сшить, но лоскуты от покрывала храню, как память.

После женитьбы отец ушел в Красную армию. Как-то так получалось, что он то возвращался домой, то опять уходил воевать. Пока папа сражался за советскую власть, мама жила с его родителями и растила детей. Она родила ему трех дочерей и сына.

Нам, ребятам, она много рассказывала о своей жизни. Часто вспоминала о том, как служила горничной в Колонии для престарелых литераторов, при этом очень хвалила барыню Варвару Васильевну. Мы ругали маму за то, что она ее так хвалит, считали, что барыня не может быть хорошей, — просто потому, что она барыня. Мама от нас отбивалась: «Хоть ругайте меня, хоть не ругайте, а всё равно свое скажу: Варвара Васильевна была хорошая». Мама заступалась перед нами за Варвару Васильевну так, что и не знаешь: говорила, что барыня ей и советами помогала, и подарки дарила, и считай что на замужество благословила.

Деревня Савкино, в которой прошло мое детство, была небольшой. Взрослые говорили, что до революции в ней было всего два дома, в которых жили своими семьями два брата: Николай и Петр. У каждого из них было по три сына. Потом сыновья отделились от родителей и в деревне стало уже шесть дворов. Мы были из рода Николая. Сразу за нашей деревней, вдоль дороги, ведущей в деревню Воронич, стояли три маленькие-маленькие, как игрушечные, ветряные мельницы. Они принадлежали Ефиму Петровичу, Александру Петровичу и Николаю Николаевичу. На этих мельницах хозяева мололи муку только для своих нужд.

Позднее в Савкине появился еще один дом. В нем поселился Николай Петрович Волков. Он купил в Савкине землю и занимался хлебопашеством. Волков сожительствовал с Анной Михайловной. Своих детей у них не было, зато чужих детей они привечали. Бывало, позовут кого-нибудь из ребятшек к себе да гостинца дадут.

Брат Николая Петровича, Александр Петрович Волков, был купцом и жил в Святых Горах. Его лавка стояла напротив Святогорского монастыря. Подворье Александра Волкова можно увидеть на дореволюционной открытке «Святые Горы, Пск. губ. Общий видъ съ птичьего полета».

Где-то в самом конце 1920-х годов началось раскулачивание. Волковы, не дожидаясь, пока их раскулачат, скрылись — и правильно сделали: вскоре после их отъезда пришли к нам в деревню представители комитета крестьянской бедноты раскулачивать семьи владельцев ветряных мельниц Александра Петровича и Ефима Петровича.

В это время внук Александра Петровича, шестилетний мальчик Вася, был болен, лежал с высокой температурой. Его отец с матерью спрята-

лись, оставив Васю с бабушкой и дедушкой. Видно, думали, что власти сжалятся над больным ребенком да стариками, не погонят их из дома, но этого не произошло. По дороге на выселки мальчик умер. Мы всей деревней плакали по Васе.

С тех пор на савкинских мельницах уже никто не молот зерно. В 1936 году, когда Савкино включили в состав Пушкинского Заповедника, эти мельницы были переданы Заповеднику, но со временем они всё равно обветшали и развалились.

После раскулачивания соседей отец, чтобы обезопасить свою семью, вступил в колхоз имени Пушкина. Вступая в колхоз, он отдал в общую собственность жеребца и корову. Папа был видным, работающим мужиком. Бабы-колхозницы иной раз его ставили в пример своим мужьям, что задевало их самолюбие. Один из них, как я потом узнала, даже приревновал к нему свою жену и написал на папу ложный донос, обвинив его в антисоветской пропаганде. Это произошло в 1933 году. Отца несколько раз вызывали на допрос, а после последнего допроса взяли под стражу. Судила его «тройка». Что такое «тройка», я не знаю, одно скажу: за столом сидели три человека. Эта «тройка» приговорила папу к 10 годам. Свой срок отец отбыл полностью. В заключении он работал на строительстве Беломорканала.

После того как отца арестовали, ко мне в школе ни со стороны учителей, ни со стороны учеников отношение не изменилось. Никто из тех, кто знал папу, не верил в его вину, меня даже в комсомол приняли, а позднее, когда я после школы устроилась на работу на метеостанцию, избрали секретарем совместной комсомольской организации Заповедника и метеостанции.

Во время школьных каникул я, чтобы помочь семье, работала в колхозе имени Пушкина. Это был тот самый колхоз, в котором прежде работал отец. Колхозники сочувственно относились к нашей семье, хорошо отзывались о папе. Я была свидетельницей того, как на одном из колхозных собраний во время перепалки старуха-колхозница во весь голос кричала: «Семен Михайлович, тебя Бог накажет за то, что ты оклеветал невиновного человека. Я знаю: ты эту записку писал. Ты четырех детей осиротил! Бог тебе этого не простит!» Люди пытались уговорить ее, опасаясь, что и ей не поздоровится, но она всё кричала и кричала свое. Старуха как в воду глядела — через некоторое время в семье Семена Михайловича случилось такое, чего и врагу не пожелаешь: родила ему жена друг за другом троих ребятишек, и все они оказались дурачки дурачками, совсем ни к какому делу не пригодные.

Вскоре после создания колхоза имени Пушкина, в который вступил мой отец, на территории Михайловского и Савкина был организован совхоз «Михайловское». В этот совхоз устроились на работу многие жители нашей деревни, но большая часть работников совхоза состояла из переселенцев.

Для переселенцев были выделены дома раскулаченных крестьян. Работников в новый совхоз приехало столько, что всем им места в свободных домах не хватило, поэтому многим пришлось снимать углы у местных жителей. Мы тоже сдали полдома. У нас жили бухгалтера и счетовод.

В то время, когда организовали совхоз, усадьба Михайловское уже входила в состав Пушкинского Заповедника. В одном из флигелей Колонии был устроен музей. Он стоял справа от входа в Еловую аллею. На этом месте теперь находится амбар. Я не раз бывала в музее. Мне в нем нравилось, он был очень уютным, светлым, окна были большие, потолки высокие. В музее находилась как пушкинская экспозиция, так и сельскохозяйственная.

В это время еще цел был «Домик няни», сохранившийся с пушкинских времен, в нем был устроен пчельник. На лугах вблизи Михайловского паслись совхозные коровы холмогорской и ярославской пород, скотный двор, как и свинарник, находился неподалеку от «Аллеи Керн». Они стояли рядышком: скотный двор был побольше, а свинарник поменьше.

Я не знаю, были ли это господские постройки, сохранившиеся со времен Григория Александровича Пушкина, или совхоз их поставил на фундаментах дореволюционного скотного двора и свинарника, но на схеме усадьбы Михайловского 1899 года¹³¹ видно, что свинарник и скотный двор обозначены на том самом месте, где были расположены совхозные постройки, предназначенные для содержания скота.

Потом совхоз «Михайловское» переименовали в совхоз «Красный партизан», а через некоторое время его стали называть ОРСом имени Степана Халатова.

Чтобы обеспечить рабочих совхоза хлебом, в Савкине над рекой, на самом краю холма, была поставлена пекарня. Появилось в Савкине и электричество. Дизель был установлен в маленьком домике, стоявшем у болота.

Основные хозяйственные постройки совхоза находились в Михайловском, а в Савкине содержали только кроликов. Клетки с кроликами находились на поляне, расположенной между лесом и деревней.

¹³¹ Схема села Михайловского (1899 год) // В.Г. Никифоров. «Земли родной минувшая судьба» / Михайловская пушкиниана. Вып. 17. М., 2001. С. 60.

В 1933 году Заповедник передали в ведение Академии наук СССР. ОРС ликвидировали и стали приводить в порядок усадьбу.

В это время я еще была ученицей ШКМ — школы крестьянской молодежи, находившейся в Пушкинских Горах. В этой школе я училась с пятого класса, а начальное образование получила в Вороничской школе первой ступени, расположенной примерно в километре от нашего дома. В эту школу меня приняли в 1927 году. Школа стояла на вершине городища Воронич. Под нее был приспособлен небольшой, ветхий домик, когда-то относившийся к Георгиевской церкви. В каждом классе этой школы училось по 20, а то и по 30 детей. Кроме школы на городище стояли еще два дома. Они тоже прежде принадлежали церкви, сгоревшей на Троицу от удара молнии года за два до того, как я пошла учиться. Об этом событии я узнала от бабушки Матрены Ефимовны, вернувшейся домой с заутрени. Пожар случился сразу после окончания службы.

Пушкиногорская школа крестьянской молодежи, в которой я продолжила образование, была кирпичная, совсем еще новая. В то время это было единственное кирпичное здание в поселке.

Возвращаясь из школы, я иногда заходила в богадельню к бабушкиной сестре. Ее звали так же, как и мою бабушку, Матреной Ефимовной. Такое имя ей дал при крещении священник, не взирая на просьбы родителей назвать девочку другим именем.

Бабушку Матрену мы все очень любили и звали ее бабушкой Богаделенкой. Живя в богадельне, бабушка часто приходила к нам в Савкино, иногда оставалась на несколько дней погостить.

Богадельня была расположена на Пушкинской улице через дорогу от двухэтажного кирпичного монастырского дома. Бабушка всегда радовалась моему приходу и старалась меня чем-нибудь угостить. Жила бабушка вместе с другими безродными старушками в бедно обставленной комнатке. На их содержание районом выделялись какие-то небольшие деньги. Потом бабушку Матрену забрал к себе племянник, живший в Острове. Там она нянчила его детей. В Острове бабушка и скончалась.

В 1936 году я закончила восемь классов и устроилась на метеостанцию ученицей. Метеостанция находилась в той части усадьбы Михайловского, где теперь отмечают Праздники поэзии...

Метеостанция никакого отношения к Заповеднику не имела, она относилась к Смоленскому управлению гидрометеослужбы. Вскоре после того, как я устроилась на работу, меня послали на четыре месяца учиться на курсы в Смоленск. После возвращения с курсов я снова приступила к работе.

На метеостанции работало пять человек. Метеостанция жила одной жизнью с Заповедником: у нас была общая комсомольская организация, а следовательно, общие дела и общие мероприятия.

Мне особенно запомнилась экскурсия в Тригорское на речном трамвайчике. Эти трамвайчики курсировали по расписанию от Петровского до Тригорского. Их было два. Один из них носил название «Кемка», а другой «Луга». В Михайловском пристань находилась возле Вороньей горки. Там же эти трамвайчики оставляли на ночь. От Михайловского до Тригорского можно было дойти пешком минут за тридцать-сорок, но это было слишком обыденно, то ли дело — на пароходе.

Отправляясь на экскурсию, мы набрали с собой еды и еще кой-чего. По Сороти мы плыли на трамвайчике «Луга». Возле железнодорожного Дериглазовского моста нас задержали, велели предъявить пропуск. Администрация Заповедника заранее позаботилась о том, чтобы он у нас был. После того, как мы предъявили пропуск, нас пропустили дальше. В Тригорском мы все вместе гуляли по парку, а после прогулки пировали на склоне тригорского холма.

На метеостанцию устроилась работать в то время, когда директором Заповедника был Василий Захарович Голубев. Он поселился вместе с семьей в доме, построенном при Григории Александровиче Пушкине, сыне поэта. При сыне Пушкина это был дом управляющего. В довоенное время в нем жили директора Заповедника.

Жена Василия Захаровича Голубева, Антонина Георгиевна, была мастером художественного слова. Она сама и сценарии писала, сама и выступала в Заповеднике и в колхозах. Выступала она очень хорошо. Директорский сын Борька был моложе меня на полтора года и учился в школе.

*Василий Захарович Голубев,
директор Пушкинского Заповедника
с 1935 по 1937 год*

Василий Захарович часто заходил на метеостанцию. Он был очень живым, общительным, доброжелательным, но требовательным: вникал во все дела. У Голубева была завидная хватка: за какое дело ни возьмется — доведет его до конца. Этим он во многом походил на Гейченко. При Голубеве в Заповеднике всё изменилось: приступили к приведению в порядок парка, занимались расчисткой прудов, ремонтом мостов, выкопали еще один пруд с островом посередине, приступили к строительству нового музея в Михайловском, а в старом появилось много новых экспонатов, среди которых находился гарнитур из Малинников, имения тригорского друга Пушкина, и секретер из Тригорского.

В это время экскурсии по музею проводили Ольга Владимировна Ломан с мужем, Холщевниковым. Кроме того, Ольга Владимировна занималась научной работой, писала путеводитель по Пушкинскому Заповеднику. Этот путеводитель был опубликован где-то в середине тридцатых годов. На лето приезжали работать в Заповедник Вера Константиновна Жажурило, Нина Васильевна Грановская. Впоследствии все они стали известными пушкинистами. Экскурсоводы, работавшие в музее, в основном были сезонные. Они приезжали из Ленинграда. Летом работало когда три экскурсовода, когда больше, а на зиму, случалось, оставался всего один экскурсовод. На время работы в Заповеднике экскурсоводам выделялось жилье. Кого-то из них селили в доме, стоявшем на правом берегу нижнего пруда, кого-то во флигеле, где при Гейченко находилась научная часть. Там же было и рабочее место экскурсоводов и директора Заповедника.

При Голубеве была достроена михайловская электростанция, и на усадьбе появился электрический свет. Механиком-дизелистом на электростанцию взяли работать Петра Петровича Святогорова. Сначала семья Святогоровых жила возле электростанции в доме, принадлежавшем Заповеднику, а потом выкупила здание совхозной пекарни и переехала в Савкино.

С 1935 года в Михайловском стали ежегодно отмечать дни рождения Пушкина. Народ гулял и на усадьбе, и под склоном михайловского холма вдоль русла Сороти, и у озера Маленец, и у озера Кучане¹³².

Массовые мероприятия устраивали не только летом, но и зимой. В феврале 1937 года в Михайловском отмечали столетие со дня смерти Пушкина. К пушкинскому юбилею готовились заранее: работники Заповедника ездили по колхозам, рассказывали колхозникам о Пушкине, жена

¹³² Подробнее см.: *Хмелева Е.В.* История земель, отведенных в Михайловском в послевоенное время под народные гулянья, как фрагмент истории Пушкингорья. С. 243–264 настоящего издания.

директора Заповедника, Антонина Георгиевна, выступала перед колхозниками с концертными программами.

На мероприятия, посвященные памяти Пушкина, приехали его потомки, известные писатели и другие очень важные люди. После митинга, состоявшегося на могиле Пушкина, собравшиеся колонной пошли в Бугрово, где возле дороги, у въезда в Михайловский лес, на возвышении был заложен памятный мраморный камень, на котором было написано о том, что здесь будет установлен памятник Пушкину.

На этом мероприятии я не присутствовала, так как находилась на работе, зато на открытие нового музея меня с работы отпустили. Открытие состоялось сразу после закладки памятного камня в Бугрове. В Михайловском после церемонии открытия всех пригласили в дом Пушкина. После осмотра нового музея народ спустился к Сороти, где продолжился праздник. Там была установлена трибуна. На ней стояли представители разных организаций, передовики, приглашенные на праздник гости. Мы выстроились вдоль дороги, пролегающей под холмом, и вдруг под крики огромной толпы народа мимо нас, мимо трибуны одна за другой стали проноситься тройки, украшенные еловыми ветками, флажками, транспарантами, портретами Ленина, Сталина, Пушкина, Горького и других великих людей. Конца и края не было видно этим тройкам. Говорили, что их было больше трехсот. После этого начался концерт. Он длился долго.

Но видно, не всё так хорошо было в Заповеднике, как казалось. Вскоре после юбилейных торжеств Голубев был арестован. Мы все за него очень переживали, никто из простых людей не верил, что Василий Захарович мог быть плохим человеком. Он был веселым, общительным, энергичным. При нем жизнь в Заповеднике так и кипела.

После Голубева сменили еще двух директоров. После них перед войной директором Заповедника назначили Михаила Зиновьевича Заггейма, совсем еще молоденького еврейчика. К нам на метеостанцию он не заходил, поэтому ничего о нем не могу сказать. Известно только то, что в первые дни войны он куда-то пропал. С тех пор я его не видела.

Перед войной положение в мире было тревожное, но думать об этом не хотелось: молодость брала свое. Пока была молодой, и в кино надо было сходить, и на танцы. В кино и на танцы я ходила в Пушкинские Горы. Под кинотеатр была оборудована Никольская церковь, а клуб находился в здании Пятницкой церкви. Маме не нравилось, что я хожу в божий храм развлекаться. По этому поводу она возмущалась: «Как ты можешь танцевать в церкви?» Но мне в то время всё было нипочем.

Ходила я в поселок и на ярмарки. В то время ярмарка была большим событием в сельской жизни, ведь ярмарка — это не просто торговля. Ярмарка — это праздник.

Пошла я на ярмарку в Девятник и в 1941 году. Вдруг в самый разгар гулянки по радио, что висело на столбе, объявили о начале войны с Германией. После этого сообщения было уже не до гулянья: народ сразу разошелся — как ветром ярмарку сдуло. К вечеру того же дня многим парням были вручены повестки.

Немцы наступали, но мы надеялись на то, что Красная армия их оставит. Я, как и прежде, каждый день ходила на работу. Одной из моих обязанностей было ежедневно передавать по телеграфу на аэродромы и в другие организации сводки погоды. Вдруг ни с того ни сего телеграф перестал работать. Я позвонила в военкомат узнать, в чем дело, и услышала в телефонной трубке: «Немцы на подходе, эвакуируйтесь, закрывайте метеостанцию и убегайте». Мы метеостанцию закрыли на замок и разошлись по домам, собирать пожитки.

Савкинцы эвакуировались вместе с Заповедником. Эвакуацией музейного имущества занимался заместитель директора по хозяйству Аксенов.

Савкинцам тоже выделили коня. На него жители деревни погрузили только самое необходимое. Сами, не взирая на возраст, шли пешком. На телеге среди пожитков сидела только моя мама: у нее и сердце было больное, и ноги смолоду болели. Мы шли в сторону Новоржева через Косохново, а когда дошли до Жарков, то узнали, что немцы уже в Новоржеве, — нам пришлось возвращаться назад.

Не успели добраться до дома, как приходит к нам военный и говорит: «Уходите из деревни, вам надо скрываться, здесь скоро будет бой». Мы оставили свои дома и стали копать землянки на Вороньей горке. Воронья горка находится по соседству с Савкиной горкой. Между этими холмами протоптана тропинка, ведущая из Михайловского в Савкино.

Совсем мало времени прошло с тех пор, как мы вкопались в холм, вдруг прибегает со стороны Сороти мой двенадцатилетний братишка Ленка, сам не свой, мечется, кричит: «Там наших солдат убивают. Они со стороны Песечек через реку перебираются, а немцы по ним стреляют... Кто плышет, а кто тонет... Раненые стонут, а немцы всё стреляют, стреляют...»

Потом мимо нас побежали солдаты, и все в лес, все в лес...

Часа через два после этого нагрянули к нам немцы. Нас всех из землянок выгнали, сами в землянки полезли, проверять, нет ли там солдат. С тех пор мы всю войну так и кочевали, то домой, то опять в землянку.

В Михайловском при немцах я бывала редко, разве только в день рождения Пушкина. В этот день в Михайловское приходили и другие. Никаких мероприятий не проводилось, но чувствовалось, что этот день для людей особенный.

Однажды я хотела зайти в музей, но бывший лесовод Кузьма Афанасьев, назначенный немцами заведующим музеем, меня туда не пустил, сказав: «Комсомольцам здесь делать нечего».

С приходом немцев жизнь изменилась: голод, антисанитария, постоянное психическое напряжение — всё это отразилось на здоровье людей. Народ стал болеть такими болезнями, о которых в советское время и думать забыли: дизентерия, цинга, брюшной тиф. Немцы очень боялись тифа. Больных тифом приказано было свозить в тифозные бараки. В Михайловском под тифозный барак приспособили здание метеостанции.

В нашей деревне немцы не стояли, поэтому они нам сильно не докучали, только время от времени заходили с поборами, а с 1942 года, когда стали молодежь отправлять на работы в Германию, повестки пришли и в Савкино. Одна из них была вручена моей сестре Кате. Катя могла бы отказаться от угона в Германию, но в этом случае отправили бы в Германию меня или другую нашу сестру, Нину.

В 1945 году Катя вернулась домой с больным сердцем. Хотя здоровье у нее было подорвано, она в 1948 году вышла замуж, родила девочку. Когда этой девочке не было и двух лет, Катя умерла. После войны многие из тех, кто возвращался из Германии, вскоре умирали.

Весной 1943 года за Соротью появились партизаны. На них немцы не раз посылали карательные отряды. В это время в Савкине было слышно, как за рекой идет бой.

Зимой 1943 года немцы стали жечь за Соротью деревни. Наш дом стоял на краю холма. Однажды ночью мы увидели зарево за рекой, вышли на крыльцо, глядим: в Дедовцах горят дома. Отчетливо было видно, как к соломенным крышам подносят зажженные факелы, и крыши вспыхивают. К утру в деревне ничего кроме головешек не осталось. Ближе к концу оккупации, чтобы наблюдать за партизанами, немцы на нашем доме устроили вышку, потом нас выселили из дома в землянку. Чуть позже, зимой 44-го, и остальных савкинцев погнали из домов: сказали, чтобы шли в Луговку.

В Луговке всех нас приняли, отнеслись к нам очень хорошо, даже нашу большую семью смогли приютить, а через две недели нас вместе с жителями Луговки погнали в сторону Опочки.

Не доходя до Опочки, мы остановились в какой-то деревне, стоявшей у большой дороги. Жили мы там долго: зиму, весну, лето. Летом 44-го утром вышла я на улицу и вижу: стоит незнакомый молодой мужик и говорит мне: «Беженцы, идите домой, Пушкинские Горы взяты». Мы сначала не поверили, но потом обрадовались, стали собирать пожитки, вязать в узелки.

Пришли домой и видим: ни одного дома в деревне не осталось, лежат только головешки. Хотя бы какой сарай уцелел — всё сожжено. Брат нашел пустой бункер, пошли туда ночевать. Сидим в бункере, песок на нас сыплется. Двоюродная моя сестра Таня Белькова мне и говорит: «Пойдем в Михайловское, поглядим, что там, всё равно помирать».

Приходим в Михайловское, а по разоренной усадьбе какой-то народ ходит: все нарядные, хорошо одетые, на местных не похожие. Один из них, как я потом узнала, директор Института русской литературы Академии наук СССР Лебедев-Полянский, обратился к нам: «Вы местные, девушки?» «Да», — отвечаем. «Во время оккупации здесь жили?» «Жили», — говорим. «Тогда помогите нам, расскажите, что в этих местах происходило при немцах». Мы с Таней что знали, то им и рассказали. Позднее я узнала, что эти приезжие люди были членами Чрезвычайной Государственной Комиссии и занимались расследованием преступлений фашистов в годы оккупации.

Лебедев-Полянский после того, как побеседовал с нами, спросил: «А вы, девушки, не хотите поработать в Заповеднике?» Мы, конечно, обрадовались такому предложению. Нам с Таней тут же и трудовые книжки выписали. Меня взяли на работу на должность заведующей хозяйством, а Татьяну Николаевну Белькову на должность счетовода. В этот же день нам и жилье дали. Тане выделили жилье на хоздворе в конюшне. Конюшня требовала большого ремонта, но там хотя бы были стены, да продырявленная крыша.

Наша семья поселилась в леднике. Эта каменная постройка уцелела, правда, крыша в нескольких местах была пробита снарядами, да дверь снизу зацементирована, поэтому не открывалась. Домой мы лазали через окно. Потом мы свое жилище благоустроили: отбили от двери цемент, чтобы можно было ее открыть, натаскали с пепелища дома Пушкина кирпичей, из которых дед Проха, тот самый, о котором Гейченко писал в одной из своих новелл¹³³, сложил нам русскую печку. Так мы и прожили, как господа, ровно три года, три месяца и три дня.

Как только нас с Таней взяли в Заповедник, мы сразу приступи-

¹³³ См.: Гейченко С.С. Рассказы деда Прохи // У лукоморья. Л., 1977.

*Члены Чрезвычайной Государственной Комиссии
расспрашивают Татьяну Николаевну Белькову о злодеяниях фашистов
на территории Пушкинского Заповедника во время оккупации. Июль 1944 года*

ли к работе, стали зарывать окопы. Через два дня после этого появился в Михайловском довоенный заместитель директора Заповедника, Николай Иванович Аксенов.

Что он делал во время оккупации, я не знаю. Видно, после неудавшейся эвакуации жил себе с женой Анной, как и прежде, на хоздворе в доме, стоявшем возле угольной ямы.

После освобождения Заповедника Аксенов сам на себя взял обязанности директора. Сначала он принял на работу в Заповедник семь человек, а к августу нас стало уже 17. Основным нашим занятием была расчистка усадеб и парков от завалов.

Работы было достаточно: парк был настолько завален деревьями и хворостом, что пройти было невозможно. Кругом были траншеи, на месте разрушенных построек лежали груды обгоревшего мусора. Полностью были разрушены наиболее значимые постройки: «Домик няни»,

Дом-музей Пушкина, флигель, в котором до 1937 года находился музей. Во время разбора завалов мы каждый день находили неразорвавшиеся мины. Их было много. В этом случае мы тут же вызывали саперов. Они работали на берегу Сороти.

В то время Пушкинский Заповедник подчинялся Институту русской литературы, и наше начальство находилось в Ленинграде. Только через несколько месяцев после того, как нас с Таней приняли на работу в Заповедник, в Михайловское приехал директор Пушкинского музея Матвей Матвеевич Калаушин, он выдал работникам зарплату, а нам с Таней предложил несколько месяцев поработать в Ленинграде в Институте русской литературы. Мы с радостью согласились, благо в Ленинграде нам было у кого остановиться.

В ИРЛИ мы занимались инвентаризацией, собирали какие-то шкафчики, тумбочки, наклеивали этикетки. В Ленинграде нам исправно выдавали зарплату. Так мы и жили до самой весны.

Весной Калаушин нам сказал: «Поезжайте домой. Скоро туда придет новый директор Заповедника Семен Степанович Гейченко. Будете работать под его началом».

Вскоре после нашего возвращения домой прибыл в Михайловское и Гейченко. Он сразу приступил к делу, работа закипела. Новый директор всем понравился: был строгий, но без шуток и прибауток у него не обходилось.

Гейченко для проживания была выделена комната в научной части. Директор занял первую комнату от входной двери. Вид из окна его комнаты открывался на усадьбу.

Флигель, в котором поселился директор, во время войны пострадал меньше других построек. То, что Аксенов писал в своем «приемочном акте» о том, что в этом доме не было ни дверей, ни окон, ни полов, — это неправда. Единственное, что требовало большого ремонта, так это крыша, она местами была пробита снарядами, вот и всё. Видимо, Николай Иванович, составляя этот документ, слегка преувеличил разрушения в надежде на то, что государство выделит побольше средств на восстановление Заповедника.

Я как-то читала о том, что Гейченко, приехав в Михайловское, поселился в землянке, на самом деле и это не так. В Михайловском ни он, ни кто-то другой никогда не жил в землянке. В землянке, а точнее, в блиндаже, находилась только банька, в которой по субботам мылись работники Заповедника. Банька была расположена между Еловой аллеей и «Черным прудом».

Вскоре после приезда Гейченко в Михайловское прибыла правительственная комиссия, чтобы наметить план работ по восстановлению Заповедника. Люди приехали очень важные. Они всюду ходили, всё осматривали, что-то решали. Через какое-то время после их отъезда в Пушкинских Горах была создана специальная контора Ленинградского отделения Ленакадемстройа. Восстанавливать Заповедник приехали специалисты из Ленинграда. Также на работу в Ленакадемстрой устроилось много местных жителей. Восстановительные работы развернулись в полную силу. Восстанавливали и строили одновременно всё: и Святогорский монастырь, и Михайловское, и Савкино.

Гейченко всё держал под контролем: так на стройке и торчал, во всё вникал. Да и сами рабочие старались: всюду кипела работа. И мы от работников Ленакадемстройа не отставали, хотелось всё поскорее в порядок привести, чтобы ничто не напоминало о войне. Бывало, только справившись со своими обязанностями — и давай скорей в земле ковыряться, разбирать завалы. От этого руки постоянно были черные.

В Михайловском помимо того, что шло восстановление «Домика няни» и Дома-музея Пушкина, ремонтировали уцелевшие во время войны постройки. Среди этих построек был и дом, в котором, по словам Гейченко, жил еще при сыне Пушкина управляющий. Этот флигель предназначался для проживания семьи директора Заповедника. Любовь Джалаловна, жена Гейченко, приехала в Заповедник чуть позже.

В общении она, как и Семен Степанович, была простая, очень доброжелательная. Бывало, как ни зайдешь к Гейченко по делу — обязательно чем-нибудь да угостит, а то и за стол посадит, чаем напоит. Такая же была и мать Семена Степановича Елизавета Матвеевна, переехавшая к нему сразу после войны. Старуха была парализована. Она любила, когда я к ней заходила. Бывало, соберешься уходить, а она не отпускает, просит: «Ну посиди со мной хоть капельку, ну, хоть капельку посиди...» Жила она в Михайловском недолго, вскоре скончалась. Похоронил ее Семен Степанович на Охтинском кладбище в Ленинграде.

С Любовью Джалаловной, женой Гейченко, мы быстро подружились. Она устроилась в Заповедник библиотекарем, но вскоре уволилась, потому что по закону не имела права работать под началом мужа. Затем она работала в Пушкинских Горах в районной библиотеке. Библиотека размещалась в только что выстроенном Доме культуры.

На работу Любовь Джалаловна чаще всего добиралась пешком или вместе с рабочими на лошади. Когда Заповедник приобрел автобус и на нем стали отвозить в школу ребят из окрестных деревень, Любовь

Джалаловна стала ездить вместе с ними. Домой возвращалась как получится, но чаще всего ей приходилось добираться пешком.

В летнее время, конечно, хорошо прогуляться, а зимой идти через темный лес не очень приятно. После того, как отменили закон, запрещающий работать в подчинении родственников, Любовь Джалаловна вернулась на работу в Заповедник и стала работать заведующей архивом.

Во время восстановительных работ Ленакадемстроем в Савкине было поставлено шесть домов для работников Заповедника. Все дома были одинаковые и стояли под одной крышей с хлевами. Позднее жильцы, не желавшие держать скотину, эти пристройки приспособили под жилье.

В первом доме поселилась заведующая библиотекой Пушкинского Заповедника Евдокия Герасимовна Звагольская. У нее были две дочери: Тамара и Надежда. Старшая дочь Евдокии Герасимовны Надежда Георгиевна к тому времени только что закончила в Ленинграде лесотехнический факультет какого-то учебного заведения, после чего ее сразу взяли на работу в Заповедник ученым лесоводом. Под ее контролем был не только заповедный лес, она также занималась парками и цветами. Где и кем работала младшая дочь Евдокии Герасимовны Тамара, я не помню. Тамаре в то время, когда она вместе с матерью и сестрой переехала в Савкино, было 19 лет. Через два года она вышла замуж за художника Бориса Матвеевича Калаушина. Борис Матвеевич доводился сыном Матвеем Матвеевичу Калаушину, создателю и первому директору Всесоюзного музея Пушкина. Сам Матвей Матвеевич в то время часто бывал в Заповеднике, вникал в его нужды и оказывал помощь.

Второй дом был предназначен для Николая Дмитриевича Шенделя. Коля Шендель пришел к нам из-под Ленинграда с группой беженцев. После освобождения Пушкиногорского района был призван в армию, но воевал недолго: был тяжело ранен. После демобилизации вернулся в Пушкиногорский район с орденом Отечественной войны I степени, но без глаза. Вскоре после возвращения из госпиталя он женился на моей двоюродной сестре Тане Бельковой. К тому времени она уже работала в Заповеднике бухгалтером. Колю тоже взяли на работу в Заповедник. Он был назначен лесником.

Третий дом выделили нашей семье. В Савкино мы переехали в 47-м году к празднику 7 ноября. Незадолго до этого вернулся домой папа.

Его освободили в самый разгар войны. Возвращаться папе в то время было некуда, потому что Савкино находилось под немцами. Пришлось ему остаться на строительстве Беломорканала.

*Алексей Иванович Иванов за работой
во время восстановления Дома-музея А.С. Пушкина в Михайловском*

Когда отец вернулся домой, Гейченко его сразу взял на работу столяром, но чтобы не нарушать закон, меня с должности заведующей хозяйством пришлось перевести на должность кассира.

Гейченко часто приходил к папе в мастерскую, давал ему задания что-то смастерить, переделать. В то время не было никаких станков, всё делалось вручную. От работы у папы плечи так болели, что он по ночам криком кричал. Отец отработал в Заповеднике с 1947 года по 1972-й, то есть до самой своей смерти.

До сих пор в наших музеях стоят стулья, скамьи и другие предметы быта, сделанные его руками.

В то время, когда мы переехали в Савкино, к нам наведались НКВД-шники, чтобы сообщить папе о том, что его дело пересмотрели и выяснилось, что он был арестован по ошибке. Эти люди ни у него, ни у его семьи даже прощения не попросили. Отец тогда очень сильно рассердился и сказал им: «Я и без вас знаю, что ни в чем не виноват, всё, что было мне положено отсидеть — честно отсидел, мне ваша реабилитация не нужна и с вами теперь мне больше разговаривать не о чем, уходите».

В девяностые годы в одной из телевизионных передач говорили о сталинских репрессиях и упомянули о безвинно пострадавшем Алексее

Ивановиче Иванове из деревни Савкино, отметив, что никто не понес наказание за то, что человека осудили невинно.

Четвертый дом выделили водителю легковой машины Александру Петровичу Иванову, незадолго до этого события женившемуся на моей сестре Нине.

В пятом жили экскурсоводы. Они работали по договору. В основном это были ленинградцы, в том числе и студенты.

Из экскурсоводов мне особенно запомнилась Нина Ивановна Грановская. Она совсем еще молоденькой девчонкой приехала к нам из Ленинграда. Сначала жила в деревне Бугрово, потом ей выделили жилье в Савкине. Грановскую сразу взяли на должность старшего научного сотрудника, а потом назначили хранителем Дома-музея. В музее в то время велись отделочные работы. Нина была очень деятельная, держала под контролем все столярные работы, проводившиеся в музее, а заодно водила экскурсии. Экскурсантов уже в это время было много. Экскурсии проводились по Михайловскому, Тригорскому и Петровскому.

Шестой дом занял Аксенов с женой Анной. Николай Иванович Аксенов после назначения Гейченко на должность директора продолжал работать в Заповеднике, но кем, не помню. Знаю, что он в то время был секретарем парторганизации.

После войны Аксенов в Заповеднике проработал недолго, что-то у него на работе не заладилось. Я думаю, что не поладили они с Гейченко. Аксенов был человек слишком «правильный», ответственный и принципиальный. Говорили, что у него была слабость чуть что писать докладные в разные инстанции. А то, что он на Кузьму Афанасьева донес, так это я точно знаю. Меня по этому делу на судебное разбирательство в качестве свидетеля вызывали — свидетелей того, что Афанасьев при немцах заведовал музеем Пушкина в Михайловском, возили на грузовике во Псков, где судили Кузьму Васильевича.

Афанасьева, как и моего отца, судила «тройка». На суде мне пришлось подтвердить, что Кузьма Васильевич Афанасьев в годы оккупации действительно был заведующим музеем Михайловского. Ничего другого я не сказала, да и сказать мне больше было нечего.

За сотрудничество с немецкими властями Афанасьев был осужден и приговорен к 15 годам лишения свободы. Лично я его не осуждаю: что он плохого сделал? Наоборот, сохранял как мог музейные ценности.

Я слышала, что еще до ареста он пришел в Пушкинский Дом к Лебедеву-Полянскому и передал ему пушкинские бильярдные шары. Он их спас, уберег от вывоза в Германию. Наверно, не без его ведома

утаил отдельные музейные экспонаты и документы, а затем передал их Пушкинскому Заповеднику и бывший электрик Заповедника Петр Петрович Святогоров. Они вместе занимались составлением описи музейного имущества, предназначенного для отправки в Германию. Возможно, в это время и смогли кое-что припрятать из музейного имущества, чтобы потом вернуть Заповеднику.

Шесть домов, в одном из которых поселилась наша семья, были самыми первыми послевоенными постройками в деревне Савкино.

После войны жизнь постепенно налаживалась: в Михайловском разбирались завалы, восстанавливались постройки, снова в нем появились экскурсантаы. В нашей семье тоже одно радостное событие сменялось другим: в 45-м вернулась из Германии Катя, в марте 47-го пришел из заключения папа, 7 ноября 1947 года у нас снова появился свой дом, а зимой 49-го я вышла замуж за Василия Яковлевича Шпинева.

Он был местным, родом из деревни Батово. Эта деревня тоже имеет отношение к Пушкину. В Батове жили племянники Прасковьи Александровны, хозяйки Тригурского.

Василий Яковлевич еще до войны окончил Опочечское педучилище, затем до призыва в армию работал в школе. Когда началась война, он служил в Белоруссии в приграничном городе Слоним. От Слонима вместе с частями Красной армии дошел до Полтавы, где при окружении части гитлеровскими войсками вместе с группой солдат и офицеров был взят в плен.

Это случилось в сентябре 1941 года. Потом был концлагерь в городе Кировограде, тяжелые работы в Германии на заводе во Франкфурте-на-Майне. В мае 1945-го он бежал из рабочего лагеря и через пункт репатриации советских граждан был направлен в ряды Советской армии. В 1946 году был уволен в запас и вернулся в Пушкинские Горы, где сразу устроился на работу литературным сотрудником в районную газету «Пушкинский колхозник». Вот тут-то его заметил Гейченко и переманил в Пушкинский Заповедник. Редактор газеты потом долго дулся и на Гейченко, и на Василия Яковлевича.

Василий Яковлевич еще не успел устроиться на работу, как весть об этом событии разнеслась по Заповеднику. Помню, приходит к нам Яков Моисеевич Гордин, заместитель директора по науке и говорит: «Ну, девчата, держитесь, Семен Степанович принял на работу такого парня! Ну, хорош парень, ну, хорош». Так получилось, что я-то как раз и не удержалась и через два года вышла за него замуж.

Василий Яковлевич действительно оказался очень хорошим человеком и хорошим работником. Не успел он устроиться на работу, как стал

водить экскурсии по Михайловскому. Уже в 47-м году Гейченко назначил его на должность заведующего музейными фондами, так Василий Яковлевич положил начало систематической фондовой работе в Заповеднике. Под руководством Семена Степановича и вместе с ним он пополнял фонды, принимал участие в этнографических экспедициях, подбирал материалы для экспозиций будущих музеев, участвовал в их оформлении, занимался художественно-оформительской работой...

Первой такой его работой был «Домик няни». Музейную экспозицию в нем торжественно открыли в 1947 году. Василий Яковлевич под руководством Гейченко принимал участие в подборке экспонатов для этого музея, а также в оформлении экспозиции. Впоследствии экспозиция в «Домике няни» время от времени менялась, но всегда в основе ее оставалась шкатулка Арины Родионовны.

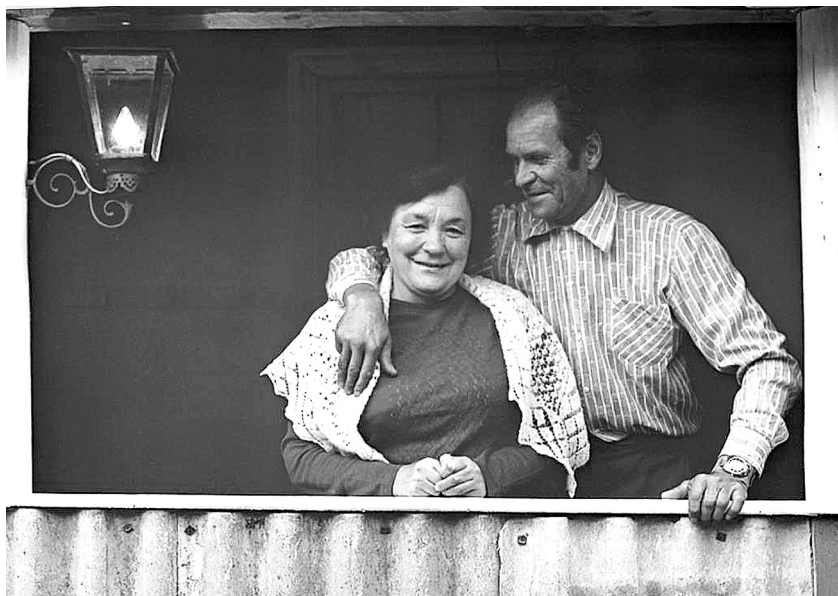
Подсказки Гейченко, его непосредственная помощь в работе способствовали профессиональному росту моего мужа. Семен Степанович и вдохновлял, и советовал, а то и просто подталкивал. Благодаря ему Василий Яковлевич поступил на заочное отделение Псковского пединститута и закончил его.

В послевоенное время Заповедник очень нуждался в работниках, но не хватало ставок, поэтому большая часть его сотрудников работала по договору. С трудоустройством на работу Василия Яковлевича дело обстояло еще сложнее: в трудовой книжке указано, что с 1947-го по 1949-й он через артель инвалидов работал в Заповеднике в качестве художника-оформителя, потом был временно принят в Заповедник научно-техническим сотрудником, с 1950 года работал на Пушкиногорской турбазе старшим методистом по экскурсионному обслуживанию туристов... На самом деле он всё это время работал в Пушкинском Заповеднике хранителем фондов.

Я до середины 1960-х годов, как и большинство работников Заповедника, тоже работала по договору. Сначала была заведующей хозяйством, потом кассиром, а в 1950-м меня перевели на работу секретарем-машинисткой.

Поначалу я с трудом справлялась с новыми обязанностями: бывало, наделаю ошибок, да таких глупых, что и не знаешь. Семен Степанович проверит — посмеется надо мной, поругает, подковырнет, а потом свою вину заглаживает: приду на следующий день на работу, глядь — а у меня под пишущей машинкой лежит несколько конфет.

Поскольку я работала по договору, то умудрялась совмещать работу в Заповеднике с другой работой. Зарплата секретаря-машинистки была

*Мария Алексеевна и Василий Яковлевич Шпинева
на крыльце своего дома в Савкине. 1970-е годы*

очень маленькая, поэтому, когда возле Савкина в 1960 году был устроен аэродром, я устроилась туда на работу начальником посадочной площадки. Каждый день утром и вечером, а иногда и в обед, я бежала на посадочное поле, чтобы расстелить старт и прибить его колышками. Старт — это полотно, на которое должен был приземляться самолет. Летом я расстилала белый старт, а зимой — черный. Зимой частенько приходилось расчищать взлетную площадку от снега. Я принимала самолет, а после его приземления продавала билеты и пропускала по билетам пассажиров. Вечером старт сворачивала и прятала. Двенадцатиместный самолет АН-2 прилетал ежедневно утром и вечером. Иногда самолет прилетал и в обед. Тогда мне приходилось тайком от начальства сбегать с работы, чтобы его принять.

Прилетали на этом самолете и экскурсионные группы, и простые пассажиры. Никаких удобств на Савкинском аэродроме не было. От аэродрома до поселка пассажирам нужно было добираться пешком.

Начальником посадочной площадки я работала два года — до того времени, пока не построили аэродром в Пушкинских Горах.

Так и приходилось крутиться, чтобы прокормить семью: и подрабатывала, и на огороде всё свое выращивала. В Заповеднике у всех были очень маленькие зарплаты. Иной раз трудно было свести концы с концами, и в то же время хотелось хоть чем-то побаловать детей. У нас их было двое: Лена и Вера.

Когда они появились на свет, в нашем маленьком домике стало не хватать места, поэтому в 1956 году мы с мужем поставили в Савкине новый дом, в который перебрались всей семьей. В этом доме у нас не раз бывал Гейченко с женой. Мы дружили семьями. Особенно близкие отношения у меня были с Любовью Джалаловной, а наша старшая дочка Лена дружила с Татой, их дочерью.

Лена и Таня Гейченко родились в один год и в один месяц. Лена была старше Таты всего на 18 дней. У Лены никогда не было подруги лучше, чем Таня. Пожалуй, я не ошибусь, если скажу, что она была ее единственная настоящая подруга. Девчонки до сих пор не могут жить друг без друга. Хотя Татьяна Семеновна и уехала в Петербург, они с Леной чуть ли не ежедневно созваниваются.

Семья Гейченко никогда не забывала поздравить нас с днем рождения, с Новым годом и с другими праздниками, как советскими, так и церковными. В праздничные дни всегда приглашали нас к себе в гости. На праздник Пасхи Семен Степанович не забывал прийти к нам с крашеным яйцом.

С 1967 года в Михайловском стали проводиться Пушкинские праздники поэзии. С этого времени всё больше и больше знаменитостей стало приезжать в наши края. Многие из них подолгу гостили у Гейченко. При них нам было как-то неловко без особой надобности приходить к Семену Степановичу, и мы стали бывать у него реже, но общения с его гостями нам не удалось избежать. Бывало, как гости к нему приедут, так он их обязательно отправит в Савкино нас провести. К нам он, наверно, только министров да членов правительства не отправлял — все остальные его гости у нас побывали. Однажды к нам заявила, я думаю, целая труппа ряженных артистов.

Ну, конечно, если гости пришли, то надо и посидеть с ними, и поговорить, и стол накрыть. Что было у нас в доме из продуктов, то на стол и выставляли.

Конечно, с гостями Семена Степановича общаться было интересно: люди творческие, умные, талантливые. Я думаю, что им у нас нравилось, потому что некоторые из них к нам частенько заходили. Помню, как-то Андрей Миронов всё ходит да ходит по нашему дому из комнаты в ком-

нату, а потом и говорит: «В этом доме я третий раз, и с каждым разом он мне всё больше и больше нравится. Сразу видно, что всё сделано своими руками, с душой: ни щелочки, ни зазора». А у нас действительно не только дом был сделан своими руками, но и большая часть мебели.

Муж мой, Василий Яковлевич, быстро у моего отца столярное дело перенял: и мебель сам делал, и шкатулочки. Свои шкатулки он дарил только самым дорогим людям: мне, дочкам.

Дочки наши подрастали. Закончив школу, поступили в Псковский пединститут. Вера после его окончания осталась там работать, а со старшей, Леной, всё было сложнее: не смогла она к городу привыкнуть.

Когда Лену в 1968 году приняли на учебу в пединститут, мы для нее сняли у одной женщины комнату в Пскове. Вскоре после этого приезжаю я ее проведать, а хозяйка мне так тихонечко и говорит: «Возьмите ребенка домой, я за нее боюсь. Она не учится, а только плачет. День и ночь плачет, по дому тоскует». Пришлось Лену в Савкино везти. Отец перевел ее на заочное отделение. Когда Семен Степанович об этом узнал, сказал нам: «Нечего Ленке дома сидеть, пусть устраивается в Заповедник смотрителем». Так и стала Лена работать в Заповеднике. Однажды Семен Степанович подслушал, как она по собственной инициативе школьникам проводит по музею экскурсию, и перевел ее в экскурсоводы. После окончания института она стала научным сотрудником фондов, а после смерти отца — заведующей фондами.

Василий Яковлевич умер в конце апреля 1981 года. Семен Степанович в это время был очень болен. Он лежал с пневмонией, поэтому не смог пойти на похороны, но мне прислал записку: «Прости меня, что я не пришел проститься с Василием Яковлевичем, — это проклятая пневмония... Одно знаю, что такого друга и такого работника у меня не было и больше никогда не будет».

Мария Алексеевна Шпинаева вдовствовала целых 36 лет. Все эти годы она бережно хранила светлую память о муже. В ее комнате на стене над столом, за которым мы с ней сидели и беседовали, в застекленных рамках висели две неброские черно-белые фотографии: на одной был запечатлен Василий Яковлевич в фондах Заповедника, а на другой было увековечено дружеское рукопожатие Алексея Николаевича Косыгина и Василия Яковлевича Шпинаева.

Мария Алексеевна ушла из жизни зимой 2018 года, не дожив до столетнего юбилея две недели, а по паспортным данным — несколько месяцев.

«ДРУГ ДРУГУ ЧУЖДЫ ПО СУДЬБЕ, ОНИ РОДНЯ ПО ВДОХНОВЕНЬЮ»

«Когда люди уходят, после них остаются вещи. Вещи безмолвно свидетельствуют о самой древней истине — о том, что они долговечнее людей. Неодушевленных предметов нет. Есть неодушевленные люди», — писал Семен Степанович Гейченко в новелле «Таинственные письма»¹³⁴.

Наполненным «таинственными письмами» оказался дар Пушкинскому Заповеднику Татьяны Ивановны Черепенькиной. Он состоял из 16 открыток, адресованных умершей к тому времени Киме Николаевне Корнеевой, матери дарительницы. Это были поздравительные открытки, написанные рукою директора Пушкинского Заповедника Семена Степановича Гейченко. Помимо открыток Заповеднику был подарен старый альбом с видами довоенной Праги. Эти семейные реликвии поступили в фонды Заповедника через Людмилу Павловну Тихонову. Приняв дар, Людмила Павловна проявила инициативу, озвучив желание приобрести оставшийся архив усопшей, хотя дочь Корнеевой считала, что он не представляет ценности для Пушкинского Заповедника. Этот архив находился в трех полиэтиленовых пакетах с ручками и был наполнен письмами, открытками, вырезками из газет, журналов, почетными грамотами, благодарностями, листами и обрывками бумаг, исписанных неразборчивым крупным почерком.

Первоначально разборка архива показалась бессмысленным занятием. Но постепенно «письмена» стали оживать и излучать энергетику, порождая образы и ассоциации. Во время изучения архива стал пробуждаться живой интерес к тому, что в нем находилось, появилось желание узнать, что стоит за написанными неразборчивым почерком отрывками стихов и конспектов, за записями в благодарностях и почетных грамотах. По мере погружения начинала проявляться и оживать целая эпоха в жизни нашей страны, Пушкинских Гор, Пушкинского Заповедника. Эта эпоха была пропущена через судьбу Кимы Николаевны и ее окружения. Она охватывала отрезок предвоенного, военного и послевоенного существования Советского Союза, Пушкинских Гор и Пушкинского Заповедника, который в то время возглавлял выдающийся деятель советской культуры Семен Степанович Гейченко. При чтении поздравительных открыток, адресованных Гейченко Киме Николаевне Корнеевой, возникло желание понять: что могло связывать простого районного врача

¹³⁴ Гейченко С.С. Таинственные письма // У лукоморья. Л., 1977. С. 13.

и такого человека, как Гейченко? Почему Семен Степанович не забывал поздравлять Киму Николаевну с праздниками или награждениями? И наконец, почему в поздравительных открытках обращался к ней как к очень дорогому и близкому человеку: «Дорогая и милая Кима Николаевна» или «Кима Николаевна, душенька, ангел мой»?

Расшифровать «письмена» и понять, что могло сблизить и духовно сроднить этих, на первый взгляд, совершенно разных людей, помогли рассказы людей, знавших Киму Николаевну Корнееву.

Бликий друг дочери Кимы Николаевны, Тамара Евгеньевна Петрова, вспоминает:

«Кима Николаевна Корнеева была очень интересной рассказчицей. Как живо, как захватывающе рассказывала она нам с Таней о своей жизни!

Она родилась в Пскове. До войны жила на Советской улице. С детства увлекалась литературой, писала стихи, мечтала после окончания школы поступить на литфак и стать журналисткой. Класс, в котором она училась, был очень дружный и сплоченный. Она вспоминала о своих одноклассниках с большой теплотой: рассказывала об их общественно-полезных делах, о школьных мероприятиях, о том, как они всем классом сдавали нормы ГТО, какие пели песни. Эти песни она пела и нам. Она обладала хорошим слухом, прекрасным голосом»¹³⁵.

То, что Кима Николаевна хорошо пела, подтверждает обнаруженная в ее архиве почетная грамота, выданная ей 27 марта 1947 года крайкомом союза «Медсантруд» и партийной и профсоюзной организацией медицинского института «за отличные показатели в I смотре художественной самодеятельности всех курсов института».

Кима Николаевна Корнеева

¹³⁵ Воспоминания Т.Е. Петровой. Запись Е.В. Хмелевой. 20.05.2019. Архив автора.

Неизвестно, рассказывала ли Кима Николаевна девочкам о совместных проделках своих одноклассников. Скорее всего не рассказывала, поскольку это могло бы послужить дурным примером для подрастающего поколения. Зато о них она рассказала Александру Сизифу, написавшему к ее девяностолетнему юбилею статью «Дорогами жизни»:

«Марек Дмитриев великолепно знал историю. Кто-то из его родителей преподавал историю в пединституте. Он на уроке истории, бывало, рассказывает об Иване IV, а окружает его свитой Ивана Третьего. Учительница сидит, хлопает ушами. Ну, мы стали ее уроки срывать... Что мы делали? Она входит в класс и видит, что половины класса нет. Идет докладывать директору. Приходят, смотрят: весь класс в сборе, все на местах. А дело в том, что половина учеников вылезала в окно и пряталась на крыше пристройки к школьной стене. Потом, когда учительница бежала к директору, все снова быстро забирались в класс. Кончилось тем, что ее отправили в психбольницу.

Но я сказала — нет, ребята, так не пойдет, жестоко и несправедливо. Стали доискиваться, кому пришла такая идея, но так и не вспомнили. Чтобы пресечь наши проделки, два класса объединили»¹³⁶.

Школу Кима Николаевна окончила в 1941 году. В тот день, когда состоялся выпускной вечер, было объявлено о начале войны.

Тамара Евгеньевна Петрова вспоминает:

«Кима Николаевна рассказывала о том, что чуть ли не все ее одноклассники погибли в первые месяцы войны. Мальчишки — воюя в истребительном батальоне с фашистскими десантниками, а девочки — под бомбежкой во время эвакуации госпиталя, в котором трудились санитарками.

Когда фашисты с боями прорывались к Пскову, Кима Николаевна вместе с одноклассницами тоже пошла работать санитаркой в госпиталь, размещенный во второй школе. Туда непрерывным потоком поступали раненые. Она вспоминала, какая случилась с ней истерика после того, как у нее на руках умер ее первый пациент, совсем молоденький солдатик. В чувство ее привел искалеченный танкист, покрыв отборным матом.

Потом немцы бомбили Псков. Бомбили сильно. Был получен приказ госпиталь эвакуировать. Киму Николаевнупустили сбежать домой, чтобы собрать вещи. Схватив самое необходимое, она выбежала на улицу и вдруг вспомнила: «С мамой не попрощалась». Бросилась назад, а в дверях — мама. Кима Николаевна вспоминала, как она к ней прижалась

¹³⁶ Сизиф А. Дорогами жизни // Пушкинский край. 26.11.2013.

и, обнимая, целовала, целовала, целовала. Когда оторвалась от мамы, та ей погрозила пальцем и строго сказала: «Чтобы вернулась...»

Грузовики с ранеными и медицинским персоналом выехали из Пскова, но до места назначения не добрались. Во время одного из авианалетов все побежали, кто в кювет, кто в кусты, а Кима Николаевна замешкалась.

Когда бомбежка закончилась, оказалось, что все погибли: раненые, медперсонал, ее одноклассницы. Кима Николаевна примкнула к другой воинской части»¹³⁷.

Ее военная служба началась в Пскове в военном госпитале, а закончилась в Берлине. Работая санитаркой, а затем медсестрой, она выхаживала раненых, сражавшихся на Волховском фронте. Фронтная дорога Кимы Николаевны пролегла через Выборг, Польшу, Чехословакию.

Александр Сизиф в статье «Дорогами жизни», рассказывая о Киме Николаевне, пишет: «Услышал я и об истории, случившейся в Праге. Там начальник одной из станций знал русский язык, оказал гостю хороший домашний прием. С женой показали Киме Николаевне город. На Влтаве она поспорила «на американку», что прыгнет с вышки вниз головой. Поднимается — видит, что не ее высота: с такой ей еще не приходилось нырять. Что делать? Отступать не привыкла — характер упрямый. Прыгнула, как сказала, не ласточкой летела, перевернулась и неудачно вошла в воду, ударившись поясницей. Глубоко ушла под воду, спина отнялась от резкой боли, подумала, что выплывать придется на одних руках. Выплыла, постаралась спрятать слезы и долго не выбиралась из воды, чтоб не показать отнявшиеся ноги. Но постепенно перетерпела, боль отпустила. Так на всю жизнь обрела боли в пояснице»¹³⁸.

Возможно, на память о Чехословакии, а также в знак уважения и симпатии к юной русской девушке получила Кима Николаевна от чешских друзей альбом с видами Праги. Это был тот самый альбом, который теперь хранится в фондах Пушкинского Заповедника.

В дарственной написано:

«Я, Черепенькина Татьяна Ивановна, передаю в дар музею альбом «Прага» и открытки Брно, которые привезла с фронта моя мама Корнеева Кима Николаевна.

Моя мама ушла на фронт прямо со школьной скамьи в 1941 году санитаркой, прошла всю войну и закончила ее медсестрой в 1945 году.

Ее часть проходила через Чехословакию, где и были приобретены эти вещи в 1945 году. 26.09.2018». Далее стоит подпись дарителя.

¹³⁷ Воспоминания Т.Е. Петровой. Запись воспоминаний Е.В. Хмелевой.

¹³⁸ Сизиф А. Дорогами жизни.

После окончания войны Кима Николаевна вышла замуж. В Хабаровске училась в медицинском институте, одновременно какое-то время занимаясь в педагогическом. Затем ей пришлось перебраться в Ленинград, где она окончила медицинский институт, став психиатром.

Через какое-то время Корнеева переехала в Новосибирск, а оттуда с маленьким сыном на руках переехала поближе к родным в Пушкинские Горы, где и прошла вся ее последующая жизнь. В то время Пушкинские Горы были еще селом. В сельской местности каждый человек на виду. Большой интерес вызывают новые жители, особенно врачи. В Киме Николаевне местное население сразу распознало яркую, самобытную личность, поскольку она была человеком активной жизненной позиции: общительницей, заводилой добрых начинаний, человеком, который не мог пройти мимо того, кто нуждался в помощи, а то и в наставлении.

Местный поэт Виктор Григорьевич Никифоров вспоминал: «Когда я был еще молодым, написал, на мой взгляд, совсем безобидное стихотворение «Весна в Михайловском»:

Снова аисты в Михайловском.
Снова ранняя весна.
И полна любви и тайнства
Эта старая сосна!
Мудрый вяз глядит с улыбкою
И от радости поет!
Липы, юные и гибкие,
Снова водят хоровод!
Снова ярко над березами
Голубеет неба высь,
И у мельницы два озера
С речкой Соротью слились!

Стихотворение было опубликовано в районной газете. При встрече Кима Николаевна устроила мне бурный разнос, обвинив меня в пропаганде эротизма. Я тогда не понял, какое преступление я совершил и почему она так возмущена. Нас в то время воспитывали в целомудрии, и я не знал значения слова «эротика».

Этот инцидент произошел в семидесятые годы, а первый раз я увидел Киму Николаевну в середине пятидесятых.

Я возвращался с товарищем домой из школы. Когда подошли к Тоболенцу, то увидели на берегу озера толпу народа и водолазов. Оказалось,

что утонула девочка из Мехово. Водолазы, не обнаружив ее тело, уже прекратили работу. Только какая-то молоденькая женщина в резиновой шапочке всё плавала и плавала кругами посередине озера. Она постоянно ныряла, выплывала и вновь ныряла. В толпе говорили, что это наш новый врач Корнеева»¹³⁹.

В Пушкинских Горах Киму Николаевну знали не только как врача районной больницы, но также как поэта районного масштаба, поскольку ее стихи время от времени публиковали в районной газете. В стихотворной «анкете» отражены основные вехи ее жизни.

В районном масштабе известна и я,
Хотя не редка специальность моя.
Я — райтерапевт, и в районной больнице
Наверно до пенсии буду трудиться.
Вот разве что «рай-» от меня отберет
Ученый интерн, что на смену придет.
Ведь я степеней никаких не добила:
Вначале подальше от дома стремилась
В степной Казахстан:
Там в Канайке открыли
Больницу, где мы психиатрами были:
Тамара Кувшинова, Брунов семья,
Москвич Браверман, муж Тамары и я.

Работали много, хоть дома, бывало,
Стоявшая в ведрах вода замерзала.
Поскольку мне мужа-врача не досталось,
Я в Новосибирск за своим перебралась:
Там была работа по нраву ему,
Зато психиатры совсем ни к чему.
В шести километрах работать могла я,
Куда ни автобуса нет, ни трамвая —
Больница «на выселке», как говорят,
Пешком я ходила два года подряд.
Потом родила. А ребенка куда?
И сына забрав, я вернулась сюда,
В соседстве с могилой поэта
Прожив в Пушгорах все остальные лета.

¹³⁹ Воспоминания В.Г. Никифорова. 10.04.2019.

Сменить специальность, конечно, пришлось:
На ставку психических здесь не нашлось.
Пять месяцев я терапии училась,
Но дочка на свет у меня появилась:
Работа, пеленки, и снова работа —
С наукой опять не заладилось что-то...

В статье «Дорогами жизни» Александр Сизиф со слов Кимы Николаевны пишет: «Пришлось опять учиться, осваивать новые профессии и умения. Овладела ЭКГ, закончила курсы терапевтов. В больнице приходилось быть врачом универсального профиля, успевать на всех отделениях: хирургическом, терапевтическом, детском»¹⁴⁰.

В Пушкиногорском районе все от мала до велика знали Киму Николаевну Корнееву. В архиве Кимы Николаевны находятся поздравительные открытки, написанные ее благодарными подопечными. Вот надписи, сделанные на некоторых из этих открыток: «Уважаемая Кима Николаевна! Поздравляю Вас с праздником весны 8-е марта, желаю хорошего здоровья и побольше солнечных дней в вашей жизни. Ваш больной». Далее неразборчивая подпись.

Имеются и коллективные поздравления: «Кима Николаевна! Поздравляем Вас с новым 1970-м годом. Желаем Вам в наступающем Новом году хорошего здоровья, плодотворного труда и счастья в жизни. Пусть Новый год будет для Вас счастливым и радостным. Больные 1-й палаты».

Среди поздравительных новогодних открыток в архиве Кимы Николаевны также имеются открытки со штампом Государственного музея-заповедника имени А.С. Пушкина: «Дорогую Киму Николаевну поздравляем с наступающим Новым 1981 годом! Вы наш ангел-хранитель. Были, есть и будете. Ваши С.С. и Л.Д. Гейченко».

В архиве Кимы Николаевны было обнаружено 16 открыток, написанных рукою Семена Степановича Гейченко, и два почтовых конверта, также заполненных его рукою. Возможно, этих корреспонденций было больше. Все обнаруженные открытки были написаны в период с 1972 по 1984 год. Видимо, в этот период происходило наиболее тесное общение Кимы Николаевны с семьей Гейченко. В шестидесятые и семидесятые годы Кима Николаевна работала терапевтом. В начале семидесятых годов у Семена Степановича начались проблемы с сердцем. Большая часть поздравительных открыток, адресованных Киме Николаевне Семеном Степановичем, написана твердым, уверенным почерком, остроумно,

¹⁴⁰ Сизиф А. Дорогами жизни.

с юмором. Но среди них имеются и коротенькие поздравления, написанные почти без нажима, словно лежащим в постели человеком.

В семидесятые годы, приезжая рано утром на работу в Михайловское, сотрудники Заповедника иногда встречали выходящую из дома Гейченко Киму Николаевну и перешептывались, беспокоясь о состоянии здоровья директора.

Для семьи Гейченко Кима Николаевна, возможно, была не просто лечащим врачом, но чем-то большим. В поздравительных открытках Семен Степанович называет ее то «ангелом-хранителем», то «ангелом дома нашего», то «Авиценной пушкиноторской», то «серафимом душ и телес наших», то «благодетелем и спасителем», то своим «ангелом», то «другом здоровья нашего».

Искренней благодарностью и сердечностью подкупают и полушутливыми концовками этих корреспонденций: «Спасенные вами от преждевременной гибели С.С. и Л.Д. Гейченко», «...поздравляет Киму Николаевну вдребезги здоровый С.С. Гейченко», «Будьте здоровы и сейте по-прежнему свое добро», «Будьте». В самом конце некоторых открыток приписки: «Всегда ждем вас к себе в гости», или «Мы будем безмерно рады видеть вас нашим дорогим гостем!»

Дочь Кимы Николаевны Татьяна Ивановна Черепенькина вспоминает: «С Гейченко она (Кима Николаевна) была в дружеских отношениях. Какой-то Новый год мы даже с ним праздновали, но я ничего не помню. Я с ними не общалась и поэтому очень смущалась. В то время мне гораздо интереснее был их большой кот. У них был очень уютный дом и теплый прием. Помню только, что мне очень у них понравилось»¹⁴¹.

Судя по тому, с какой теплотой, с каким добрым юмором были написаны послания Семена Степановича, адресованные Киме Николаевне, невольно приходишь к выводу, что это не просто слова признательности, а послания дорогому и близкому по духу человеку.

Действительно, между Гейченко и Корнеевой было много общего: фронтовое прошлое (они оба сражались на Волховском фронте), любовь к Пушкину, к литературе. Но даже не это было главным. Главное — родство душ по мироощущению, по творческому, вдохновенному отношению к жизни. О них можно сказать пушкинскими словами:

Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.

¹⁴¹ Письмо Т.И. Черепенькиной по электронной почте Т.С. Новиковой.

Всё, что бы они ни делали, о чем бы ни говорили, начинало оживать и кипеть. Оба в самых обычных предметах умели разглядеть то, что до этого не замечали другие. В душе они были поэтами. Этот нелегкий, но благодатный божий дар руководил их поступками и вершил их судьбы. В одном из лирических отступлений поэмы «О винопитии (Лекция в стихах)», написанной Кимой Николаевной, есть такие строки:

Поэты ведь не те, кто пишет
И складно сочиняет стих,
А кто природы голос слышит
И мыслит не от сих до сих,
В мечтаньях век опережает
И видит красоту во всём...
Они зовут и вдохновляют...

Кима Николаевна, как и Семен Степанович, находила поэзию, красоту и смысл во всём, даже в мелочах. Так, в бумагах, переданных Пушкинскому Заповеднику ее дочерью, был обнаружен маленький листок бумаги, на котором неразборчивым почерком было написано стихотворение:

О, камушки береговые,
Для живописца — идеал.
Какой природы добрый гений
Так щедро вас разрисовал?

Эти строки вызывают ассоциацию с воспоминанием Анны Федоровны Андреевой, одной из подруг автора этого стихотворения. Анну Федоровну удивил странный подарок, привезенный Кимой Николаевной специально для нее с побережья Черного моря. Это был самый обычный камушек, который был преподнесен Кимой Николаевной так, словно это был бриллиант. К этому дару было приложено стихотворение¹⁴².

Кима Николаевна, как и Семен Степанович, ко всему относилась творчески, а если была возможность прибегнуть к поэзии, то делала это.

В качестве примера приводится рассказ Натальи Алексеевны Кузьминой: «После окончания медицинского училища я для получения военного билета должна была пройти медкомиссию. Среди врачей, которые должны были меня обследовать, был и психиатр. В то время психиатром, а заодно и наркологом работала Кима Николаевна Корнеева. Среди во-

¹⁴² Воспоминания А.Ф. Андреевой. 1966. Архив автора.

просов, которые она мне задавала, были вопросы, относящиеся к творчеству Пушкина. Прочитав отрывок из «Евгения Онегина» «Толпою нимф окружена...», она спросила, кто написал эти строки, из какого они произведения, а также о ком в них говорится»¹⁴³.

Алексей Анатольевич Степанов вспоминает:

«С 1979 года Кима Николаевна стала работать наркологом и психиатром по совместительству. Пьяницы ее боялись как огня. Она была непрклонна, непредсказуема и жестка. Но это всё вытекало из доброты, а не из жестокости. Что поделаешь? Как говорится, «клин клином вышибают».

Для каждого пациента у нее была изобретена своя методика лечения: кого-то она заставляла вспоминать пословицы на заданную тему, кого-то разгадывать загадки, для кого-то у нее были придуманы иные тесты»¹⁴⁴.

Среди бумаг, находящихся в архиве Кимы Николаевны, было обнаружено множество стихов, написанных ею на все случаи жизни. Среди них была лекция в стихах «О винопитии», написанная на тринадцати листах, и короткие стихи, которые, возможно, она применяла на практике.

Понимая, что поэтическое слово действует на восприятие и на подсознание человека сильнее, чем прозаические наиздания, Кима Николаевна «хвталась за соломинку», пытаясь спасти пациента. Вот одно из этих назидательных и устрашающих стихотворений:

Сначала пьяный выполняет
Работу из резервных сил,
Но час-другой с вином поспорил —
И эти силы истощил.
Доказано, что двести грамм
Снижают силу у штангиста в три раза,
А ведь он силач!
Тем больше, если выпьет триста,
А уж пятьсот — и с ног долой.
Выносливость к вину зависит
От многого, но в основном
Она болезненна — и вскоре
У много пьющего с вином...

¹⁴³ Воспоминания Н.А. Кузьминой. Запись Е.В. Хмелевой. 17.04.2019. Архив автора.

¹⁴⁴ Воспоминания А.А. Степанова. Запись Е.В. Хмелевой. 21.04.2018. Архив автора.

Листок оборван, и остается только догадываться о том, что может дальше произойти с много пьющим человеком.

Все черновые варианты стихов Кимой Николаевной написаны на клочках бумаги, а иногда на бланках «Индивидуальной карты злоупотребляющего алкоголем». Это говорит о том, что муза ее преследовала даже в рабочее время.

В то время, когда Корнеева трудилась в районной больнице, борьба с пьянством велась на государственном уровне. Особо остро она развернулась в середине 1980-х годов. После того, как в силу вступил закон о борьбе с пьянством и алкоголизмом, эта борьба достигла своего апогея. Всюду создавались общества трезвости, лечебно-трудовые профилактории, открывались новые наркологические лечебницы, нещадно вырубались виноградники, а самой востребованной валютой за услуги, оказываемые частными лицами, стала бутылка водки.

Несмотря на то, что пьянство порицалось, большая часть населения страны тогда не мыслила жизни без приема спиртного. В это время много говорили о «культуре питания», забывая о чреватости этой «культуры».

Возможно, когда Кима Николаевна бывала в доме Гейченко, дискуссии на актуальную в то время тему «культуры питания» возникали и там. Может быть, на это намекал Гейченко, когда, поздравляя Киму Николаевну с наступающим 1974 годом, писал: «Будьте здоровы и крепки как Spiritus Vini rectificat, что в переводе на русский язык обозначает: душа очищенного спирта».

Чего-чего, а крепости духа, настойчивости, силы характера, боевого задора, уверенности в себе и желания помочь другим стать на правильный путь, как и чувства юмора, ей было не занимать.

Заболела Кима Николаевна как о «здравии души и тела» взрослых односельчан, так и о нравственном воспитании юного поколения. Она часто бывала в пушкиногорских школах, где во время классного часа проводила беседы с учащимися. В ее архиве имеется много поздравительных открыток от классных коллективов и пионерских дружин Пушкиногорской средней школы и школы-интерната.

Алексей Анатольевич Степанов, друг сына Кимы Николаевны Леши Корнеева, вспоминает:

«Я с раннего детства дружил с Сашей Кондратьевым и Лешей Корнеевым. Сашина и Лешина мамы были фронтовичками, а моя мама — подпольщицей. Наши матери по отношению к нам очень походили друг на друга. Для них на первом месте была работа. Они нас никогда не

ласкали, не целовали, не гладили по головке. Мы были загружены различными заданиями, поэтому у нас почти что не оставалось свободного времени. Тем не менее, матери не выпускали нас из-под своего контроля, потому что Сашина и моя мамы работали в школе, а Кима Николаевна часто приходила в школу для проведения бесед с учащимися.

В нашем классе она тоже неоднократно бывала. Особенно часто она стала приходить к нам на классный час в тот период нашего развития, когда мы достигли переходного возраста. В нашем классном коллективе в этот период появилась тенденция отмечать различные праздники с бутылкой легкого вина.

Киму Николаевну не только как врача-нарколога, но и как мать одного из наших товарищей это насторожило. Приходя к нам в класс, она рассказывала о своей юности, вспоминала одноклассников, о том, как они дружили, как учились, как проводили свободное время, при этом сопоставляла школьные вечера конца тридцатых — начала сороковых годов с нашим времяпрепровождением»¹⁴⁵.

В стихотворении «Анкета» Кима Николаевна пишет:

...Хоть я-то спою, не пригубив ни разу,
То «хобби», как ловко теперь говорят,
А вот чтоб сплясать, мне три рюмки подряд,
Не менее надо. Тогда, ради шутки,
Я шейк, рок-н-рол пропляшу хоть под дудки,
Под вой и под свист, и под музыку-поп,
Что скоро введет человечество в гроб:
В ней что-то от жуткого древнего стада.

Алексей Анатольевич Степанов вспоминает:

«Кима Николаевна была очень своеобразным и энергичным человеком.

В середине восьмидесятых годов я работал в райкоме комсомола. Как-то ко мне пришла Кима Николаевна. Я думал, что пришла поговорить о проблемах пьянства среди молодежи, но оказалось, что она ратует за создание кружка дельтапланеризма в нашем районе и чуть ли не сама собирается летать на дельтаплане. Благодаря ей такой кружок был создан.

Кима Николаевна была неумным человеком. В ее непреодолимом стремлении оказать ближним помощь не только делом,

¹⁴⁵ Воспоминания А.А. Степанова. Запись Е.В. Хмелевой. 21.04.2018.

но и вразумлением было что-то донкихотское. Эта черта ее характера далеко не всем нравилась»¹⁴⁶.

Борьба с «ветряными мельницами» наносит раны сражающемуся с ними, зато в сердце и сознании того, кому довелось стать свидетелем этой борьбы, она способна зажечь искру прозрения.

Гейченко не мог не знать, как иной раз бывает нелегко Киме Николаевне, несмотря на ее оптимизм и чувство юмора. В одной из поздравительных открыток он ей пишет: «Ангел и серафим душ и телес наших, дорогая Кима Николаевна! Поздравляем Вас с Новым 1978 годом! Да принесет он вам здоровье и благодать».

Таких людей, как Кима Николаевна, уже в то время становилось всё меньше и меньше. Может быть, поэтому в другой поздравительной открытке Семен Степанович пишет: «Дорогая и милая Кима Николаевна! Поздравляем Вас с праздником 8-го марта, будьте. Будьте, будьте. Ваши С.С. и Л.Д. Гейченко».

¹⁴⁶ Воспоминания А.А. Степанова. Запись Е.В. Хмелевой. 21.04.2018.

ДЕРЕВНЯ БУГРОВО, СЕЛЬЦО МИХАЙЛОВСКОЕ И ИХ ОБИТАТЕЛИ

*Сведения о полуторавековой взаимосвязи
сельца Михайловского и деревни Бугрово, почерпнутые
из воспоминаний жителей деревни Бугрово
и из ранее опубликованных письменных источников*

Если бог пошлет мне читателей,
то, может быть, для них будет любопытно узнать...

А.С. Пушкин. История села Горюхина.

Деревня Бугрово имеет интересную многовековую историю. Она известна нам благодаря опубликованным в разные годы научным исследованиям, но не меньший интерес представляют семейные предания коренных бугровцев и их рассказы о жизни родной деревни. Рассказывать о Бугрове они могут часами, поэтому, чтобы задействовать всех рассказчиков и не повторяясь осветить все основные события, касающиеся истории деревни и взаимоотношений ее жителей с обитателями Михайловского и работниками Пушкинского Заповедника, рассказы бугровцев будут приведены фрагментарно.

* * *

Сотрудник Пушкинского Заповедника Вера Владимировна Герасимова рассказывает:

«Мой прапрадед Фрол в семидесятые годы девятнадцатого века, отслужив в царской армии, поселился в Бугрове, где и женился на моей прапрабабке Матрене. От них пошли мои предки по материнской линии. Об этом, как и об истории деревни, я узнала от своей мамы Нины Федоровны Федоровой, проработавшей не один десяток лет учительницей в новоржевской школе.

Наша деревня прежде принадлежала Святогорскому монастырю, но при Екатерине II был принят закон о секуляризации церковных земель, после чего Бугрово перешло государству, а бугровские крестьяне были переданы экономическому ведомству. По словам мамы, бугровские крестьяне после издания духовных штатов, хотя уже не были монастырскими, продолжали поддерживать с ним (монастырем) отношения и добровольно работали на монастырском подворье. Это продолжалось вплоть до закрытия в 1925 году Святогорского монастыря.

Даже в послевоенное время самым значительным праздником в Бугрове оставался престольный праздник Успения Богородицы. Я помню, как в детстве вместе с родителями, учительствовавшими в Новоржеве, ежегодно ездила на Успение к бабушке в Бугрово. В этот день у него собирались все родственники. Они съезжались на подводах целыми семьями. За дедушкиным столом в этот день умещалось человек двадцать-двадцать пять гостей. Дедушка был вдов, поэтому угощение для праздничного стола готовила моя мама. Ей помогали другие женщины, приехавшие на праздник. Обязательным праздничным блюдом была тушеная в русской печи картошка с мясом и множество видов каш, в том числе и гречневая. Гречневую крупу в то время было сложно достать, и мама привозила ее из Новоржева. Гречневую кашу обязательно готовили с мясом. Уже в пятидесятые годы в праздничное меню стали вводить салат оливье и винегрет. Из спиртного подавали самогон да бражку. Как правило, много не пили: стопочки три, не больше, а ели все из одной миски большими ложками. Во время праздничного застолья не умолкали разговоры, песни. Случалось, что кто-то из гостей привозил с собой гармошку, и тогда между застольями гости пускались в пляс. За стол садились в несколько присестов. Во время перерывов играли в шахматы, в шашки, в домино. Потом все вместе шли гулять на улицу. В этот день в деревне всё было забито подводами, в каждом дворе играли гармошки, у каждого дома пели, плясали, что-то обсуждали, из каждого дома всех нас зазывали в гости и там заставляли мужчин выпить хоть стопочку. Пообщавшись с соседями, мы снова шли гулять вдоль деревни. К нашей компании присоединялись другие бугровцы со своими гостями. Так мы и ходили из одного конца деревни в другой взад-вперед. Иной раз в этот день подвыпившие мужики и драки затевали. Сильно дрались, до крови. Мама рассказывала, что до войны драки были страшнее, иной раз заканчивались смертоубийством»¹⁴⁷.

Все потомки бугровских крестьян утверждают, что их предки были зажиточными хозяевами, имели большие дома, держали много скота, а некоторые из них были обучены грамоте. Представительница одной из династий бугровских крестьян Людмила Федоровна Степанова рассказывает:

«От мамы Зои Степановны, а также от жителя нашей деревни Федора Ивановича Иванова, скончавшегося в начале семидесятых годов двадцатого века, я узнала, что почти все бугровцы состоят в родстве друг с другом, хотя имеют разные фамилии. Кому фамилия досталась по имени предка, а кому по прозвищу. Федор Иванович говорил, что мои предки до револю-

¹⁴⁷ Воспоминания В.В. Герасимовой. Запись Е.В. Хмелевой. 1.11.2017.

ции были довольно богатыми людьми. Они имели 12 лошадей, много коров и жили большой семьей в большом доме. В этой семье было три сына: Степан, Филипп и Алексей. Когда сыновья повзрослели, то обзавелись своими семьями. Еще до революции семья Алексея отделилась от родителей. Потомкам Степана, Филиппа и Алексея были даны прозвища: Орлы, Валуи и Завиры. В нашей деревне до сих пор проживает две семьи, сохранившие фамилию Орловых. Я тоже происхожу из рода Орлов.

Когда Степан скончался, его вдова сошлась с овдовевшим к тому времени братом мужа Филиппом, жившим в том же доме. Филипп до революции работал писарем в волостном правлении, расположенном в Святых Горах»¹⁴⁸.

Из этих рассказов видно, что деревня была старинная, крестьяне в ней жили зажиточно. Но не почтенный возраст и самобытность деревни Бугрово способствовали широкой известности этого населенного пункта, а близость к Михайловскому, родовому имению Ганнибалов и Пушкиных. Через эту деревню когда-то ходил в Святые Горы сам Александр Сергеевич Пушкин.

Возможно, дойдя до мельницы, стоявшей на краю деревни, он останавливался на плотине и как завороченный глядел на поток воды, низвергающийся на мельничное колесо. Кто знает, может, здесь его воображению впервые явился образ юной дочери мельника, в порыве отчаяния бросившейся в реку и очнувшейся на ее дне «русалкою холодной и могучей», или представились мельчайшие подробности сцены дуэли Онегина и Ленского, и в его сознании возникли образы, вылившиеся в поэтические строки:

Опершись на плотину, Ленский
Давно нетерпеливо ждал;
Меж тем механик деревенский,
Зарецкий, жернов осуждал.
Идет Онегин с извиненьем.

.....
Онегин Ленского спросил:
«Что ж, начинать?» — Начнем, пожалуй, —
Сказал Владимир. И пошли
За мельницу.

Евгений Онегин. 6, XXVI

¹⁴⁸ Воспоминания Л.Ф. Степановой. Запись Е.В. Хмелевой. 18.10.2017.

Друг семьи Пушкиных Александр Иванович Тургенев писал: «Здесь-то поэт принимал впечатления природы и предавался своей богатой фантазии; здесь-то видел и описывал сельские нравы соседей и находил краски и материалы для своих вымыслов, столь натуральных и верных и согласных с прозою и поэзией сельской жизни в России»¹⁴⁹.

В документах бугровская мельница, принадлежавшая Святогорскому монастырю, впервые упоминается в 1761 году. Та мельница, которую видел Пушкин, была третьей по счету. Она была построена в 1802 году. Руководил строительными работами псковский купец Евертс, а исполнителями были крестьянин деревни Бугрово Терентий Васильев и крестьянин деревни Подборье Кирьян Филиппов. На протяжении нескольких десятков лет арендаторами бугровской мельницы были владельцы Тригорского, сначала Александр Максимович Вындомский, а затем его дочь, Прасковья Александровна Осипова, бывшая добрым другом Пушкина. Последний раз договор о продлении аренды бугровской мельницы с хозяйкой Тригорского был заключен в 1852 году, а в 1859 году Прасковья Александровна скончалась.

Бугровская мельница обслуживала всю округу. Сама деревня Бугрово «была маленькая, всего было шесть изб»¹⁵⁰. Проходя мимо крестьянских подворий, поэт отвечал на приветствия мужиков и, возможно, поздоровавшись с кем-то из них за руку, вступал в беседу. Конечно, учитывая тот факт, что между помещиком и крестьянином простиралась целая пропасть, такое предположение могло бы показаться странным — если бы не свидетельство новоржевского помещика Павла Сергеевича Пущина: «Пушкин дружески обходится с крестьянами и берет за руку, здороваясь с ними»¹⁵¹.

Кто знает, может быть, смекнув, что молодой михайловский барин — «отлично добрый господин, который награждает деньгами за услуги даже собственных своих людей»¹⁵², бугровские бабы, завидев Пушкина, посылали навстречу ему своих детей с лукошками лесных ягод для продажи. Крестьянин Иван Павлов вспоминал: «Ребятишки в летнюю пору собирают ягод, принесут ему продавать, а он деньги заплатит

¹⁴⁹ А.И. Тургенев — А.И. Нефедьевой // Пушкин и его современники. Вып. 6. СПб., 1908. С. 73.

¹⁵⁰ Мельница в Бугрове // Памятка паломнику. Пушкинские Горы, 1986.

¹⁵¹ *Пущин П.С.* Записка о Пушкине // Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками. Т. 1. М., 1967. С. 685.

¹⁵² *Гордин А.* Пушкин в Псковском крае. Л., 1970. С. 82.

и ягоды им же отдаст — кушайте, мол, ребятишки сами, деньги всё равно уплачены»¹⁵³.

Здесь, на Псковской земле, поэт впитывал в себя «русский дух», здесь он приобщался к народной культуре и постигал народную философию. Всё это повлияло на становление мировоззрения Пушкина, следовательно, и на его творчество.

Вполне возможно, что предки Людмилы Федоровны знали как самого поэта, так и его сына Григория Александровича, поселившегося в Михайловском в шестидесятых годах девятнадцатого века после выхода в отставку. Как и его отец, он ходил в Святые Горы через Бугрово. Местные старики при встрече с ним наверно замечали, как сильно Григорий Александрович похож на прежнего михайловского барина. По мнению Г.Е. Ладыженского, «сразу бросалось в глаза его сходство с отцом», на которого не только внешностью, но и характером он был очень похож»¹⁵⁴.

При Григории Александровиче, как и при его отце, на краю деревни Бугрово стояла водяная мельница, но «с 1881 года мельница исчезает из состава владений монастыря: «Мельниц и промышленных заведений при монастыре нет», — фиксируют документы»¹⁵⁵. Тем не менее мельница работала до 1935 года, о чем свидетельствует Вера Владимировна Герасимова:

«Мне врезались в память детские впечатления о том, как в конце пятидесятых и в начале шестидесятых годов мы с мамой ходили задворками через всё Бугрово за водой. Колодец находился в низине, за мельничной плотиной. Самой мельницы к тому времени уже не было. Мама рассказывала, что на мельнице после революции вплоть до 1935 года мололи муку.

Мельничная плотина была настолько ветхой, что по ней небезопасно было перебираться через речку, поэтому Луговку мы переходили по доскам, переброшенным с одного берега на другой. Перебравшись через речку, шли тропинкой, пролежавшей в заболоченной низинке. Колодец находился напротив того участка, где около десяти лет тому назад была поставлена частная гостиница»¹⁵⁶.

¹⁵³ Гордин А. Пушкин в Псковском крае. Л., 1970. С. 38.

¹⁵⁴ Пушкинская энциклопедия «Михайловское» Т. 1. Сельцо Михайловское ; М., 2003. С. 82.

¹⁵⁵ Емельянова О.В. История Мельницы в деревне Бугрово // Михайловская пушкиниана. Вып. 7. М., 2000. С. 13.

¹⁵⁶ Воспоминания В.В. Герасимовой. Запись Е.В. Хмелевой.

Семья Дэглау. 1935 год

Семья Дэглау

Кто становится владельцем мельницы после 1881 года, нам не известно, но в конце XIX века ее арендатором был Фридрих Дэглау. По словам его правнучки, Елены Алексеевны Ступиной, работающей в настоящее время в Пушкинском Заповеднике, и правнука, Всеволода Федоровича Дэглау, проживающего в поселке Пушкинские Горы, мы знаем, что Фридрих Дэглау задолго до революции вместе с семьей переехал в Россию из Восточной Пруссии. Елена Алексеевна рассказывает:

«О своем прадеде я знаю очень мало, потому что в тридцатые годы взрослые из рода Дэглау своим детям не позволяли даже расспрашивать о своих предках. Держали в тайне тот факт, что семья была непролетарского происхождения. И всё-таки от матери я узнала, что мой прадед был из обедневших прибалтийских немцев, скорее всего, лютеранином. Жена его, Елена Васильевна, была полькой католического вероисповедания.

В России моего прадеда звали на русский манер Федором. Его старшие дети, родившиеся в Пруссии, как и отец, были лютеранами, а младшие, появившиеся на свет в России, православными. Мой дед по материнской линии Модест Федорович Дэглау был младшим ребенком в семье. По документам значится, что он родился в 1903 году, но на самом деле год его рождения 1900-й. Когда скончался его отец, мальчик был еще так мал, что не понял, что произошло. Он, приглашая папу к завтраку, стучал ладошкой по столу и говорил: «Пойдем кофе пить». Вскоре после смерти мужа моя прабабка Елена Васильевна вместе с детьми перебралась из Бугрова в Святые Горы.

Когда я была ребенком, то у одной из своих родственниц видела тонкое постельное белье и скатерти, вышитые гладью и украшенные монограммой «Ф.Д.», которые могли принадлежать зажиточным людям. Со слов матери, Риммы Модестовны, я знаю, что в голодные годы большая часть наиболее ценных вещей из семьи прабабки была обменена на продукты питания»¹⁵⁷.

О том, как сложилась судьба семьи Дэглау после смерти кормильца, рассказал правнук бугровского мельника Всеволод Федорович Дэглау:

«После смерти прадеда его семья поселилась в Святых Горах на Большой улице. Теперь эта улица называется Пушкинской. Дом Дэглау стоял через дорогу от пожарного депо. Депо находилось в том здании, где в настоящее время размещена типография (сейчас в этом здании расположен музей Саввы Ямщикова — «Музей друзей». — **Прим. авт.**). На руках у прабабки осталось пятеро детей: две дочери и трое сыновей. Младшему сыну, Модесту, прабабка смогла дать только начальное образование

¹⁵⁷ Воспоминания Е.А. Ступиной. Запись Е.В. Хмелевой. 5.04.2017.

в церковно-приходской школе, потому что после смерти мужа семейный бюджет быстро иссяк. Тяжелое материальное положение усугубилось после того, как Елена Васильевна заболела. Чтобы поправить здоровье или хотя бы облегчить страдания, приходилось обменивать золотые украшения на минеральную воду, необходимую для лечения желудка.

Младший сын Модест, стараясь помочь семье, стал на заказ расписывать масляными красками байковые одеяла, превращая их в настенные ковры, а его сестра Каролина заговаривала рожу, за что клиенты расплачивались с ней продуктами. Почему-то в то время много людей болело рожой. Поскольку дом прабабки находился в нескольких десятках метров от больницы, врачи сами отправляли пациентов к Каролине. Однажды она исцелила, казалось бы, безнадежную больную. Через несколько дней глава ее огромной семьи в качестве вознаграждения привез Каролине целый воз продуктов. Но такое случилось только однажды.

Поскольку постоянного дохода у семьи не было, иногда, когда совсем нечего было есть, приходилось побираться. Местные жители сочувственно относились к семье Дэглау и помогали чем могли.

В 1928 году Елена Васильевна скончалась, а в 1929 году, незадолго до того, как в наших краях «бывших» стали лишать избирательных прав, а затем отправлять на высылки, ее дети на всякий случай уехали в Ленинград, где их никто не знал. Скорее всего, посоветовал им это сделать Модест или его жена Раиса Федоровна, работавшая машинисткой в НКВД»¹⁵⁸.

Из рассказов потомков Фридриха Дэглау следует, что их прадед мог арендовать бугровскую мельницу в конце XIX и в самом начале XX веков, то есть в тот временной промежуток, когда в Михайловском проживал младший сын поэта Григорий Александрович Пушкин.

К столетнему юбилею со дня рождения отца Григорий Александрович продает Михайловское в государственную казну и перебирается в имение жены Маркучай. После чего в Михайловском в память о Пушкине была открыта женская Колония для престарелых литераторов.

Пушкины покинули родовое имение, но живая связь жителей Бугрова с Михайловским не прерывалась. Как и в пушкинское время, приходили в Михайловское бугровские ребятишки и приносили старушкам, проживающим в Колонии, первые лесные ягоды.

Одна из призреваемых Колонии, писательница Варвара Васильевна Тимофеева (Починковская), добровольно взявшая на себя обязанности хранителя усадьбы Михайловского, а также экскурсовода, с большим

¹⁵⁸ Воспоминания В.Ф. Дэглау. Запись Е.В. Хмелевой. 6.04.2017.

теплом пишет в записках «Шесть лет в Михайловском» о бугровской девочке Дуне: «Но пока еще приходила только маленькая Дуня бугровская. Принесла мне блюдечко первой земляники, за которой ходила, милая девочка, «раным-рано» и за которую ни за что не хотела взять денег. Она же говорила мне: «Пусть лучше нам сахару не дадут, а вам дадут»¹⁵⁹.

Эта запись была сделана 19 июня 1917 года — в то время, когда шла Первая мировая война, нарастало народное недовольство, разыгрывались революционные события. Сложившаяся политическая ситуация отразилась на жизни населения страны, в том числе на жизни и быте колонисток. Обеспечение продовольствием обитателей Колонии становилось всё хуже и хуже. Жителям соседней деревни Бугрово была небезразлична судьба престарелых обитательниц Пушкинского уголка. Починковская пишет: «Из Бугрова приходила Василиса с Дуней навещать меня. Пришлал их муж Василий — «Петра». «Проведай, — говорит, — сходи. Худо это, что они так обеспокоили старуху». И гостинец принесла мне — четыре куска сахару: «Может, нужно, Варвара Васильевна»... (6 декабря. Николин день)»¹⁶⁰.

Бугровцы по-разному относились к происходящему: кто переживал революционную бурю, кто выказывал революционное рвение. Вот как описывает Варвара Васильевна выборы в народное собрание: «Оратором выступал мой знакомый бугровский мельник Николай Николаевич Ольхин, ходивший ко мне за книгами и советами насчет своих литературных произведений, поклонник Шиллера и Гете, хоть и мало читал их...» Выступая на собрании, Ольхин вопрошал: «Земля зувевская, Михайловское рядом, а мы не можем ее трогать? Лес теперь ваш, товарищи, рубите его!»¹⁶¹

Этот призыв был словно предвестником событий, разыгравшихся в феврале 1918 года, когда одуревшая от подобной агитации и вседозволенности толпа пошла грабить и жечь дворянские усадьбы. Эта участь постигла и Михайловское. Мы не знаем, принимал Ольхин участие в погромах или нет, но, думается, что неслучайно на подворье бугровского мельника в 1931 году жителем Петербурга Юрием Васильевичем Малиновским была обнаружена салютная пушечка. Вот что он рассказал о своей находке: «Летом 1931 года я отдыхал в деревне Бугрово, что рядом с Михайловским. Однажды, идучи мимо бугровской водяной мельницы, я заглянул во двор пустовавшего дома мельника. Мельник был кулак, и его перед этим недавно выслали из района. Рассматривая усадьбу,

¹⁵⁹ См.: Тимофеева (Починковская) В.В. Шесть лет в Михайловском.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же.

я заметил торчащее из бурьяна чугунное дуло. Подойдя ближе, увидел остатки развалившегося дубового лафета и рядом с ним пушечку. На стволе ее, у запальника, стояла дата «1771 год». Я взвалил пушечку на плечо и принес к себе домой... Позже я проконсультировался у работников государственного Военно-исторического артиллерийского музея, где специалисты сказали мне, что найденная пушечка называется «салютной», что такие пушечки в старые времена имелись в помещичьих имениях и при церквях. Из них палили в памятные дни»¹⁶². В 1969 году Ю.В. Ма-линовский передал пушечку в дар Пушкинскому Заповеднику.

Кто знает, может быть, в книге А. Мошина — собирателя народных легенд о Пушкине, изданной до революции в Петербурге под названием «Новое об 11 великих писателях», приводится свидетельство местного старожила Ивана Павлова именно об этой пушечке: «Пушечка такая стояла всегда около ворот Михайловского еще с давних пор...»¹⁶³

О том, как сложилась дальнейшая судьба бугровского мельника, «поклонника Шиллера и Гете» Ольхина, мы не знаем. Раскулачить его не могли, поскольку он вскоре исчез из Бугрова. Скорее всего, опьяненный революционной романтикой, Ольхин посвятил свою жизнь служению идеалам революции, в пользу чего свидетельствует не только его агитационная речь на выборах в народное собрание, но и его поэтическое творчество. Для примера — его стихотворение, опубликованное в одной из псковских газет в сентябре 1917 года (отрывок из него приводит в своей статье «История мельницы в деревне Бугрово» и В.Ю. Козмин)¹⁶⁴:

Не затмить вам зарю,
Лучшей жизни долю,
С дурами поспорю
За землю и волю...

...В чем я провинился,
Посудите сами,
Что орлом родился
И что вы ослами?!¹⁶⁵

¹⁶² Гейченко С. Еще один памятник старины // Пушкинский край. 6.09.1969.

¹⁶³ Гейченко С.С. У лукоморья. Л., 1977. С. 174.

¹⁶⁴ Козмин В.Ю. Мельница в деревне Бугрово // Михайловская пушкиниана.

Вып. 7. М., 2000. С. 21.

¹⁶⁵ Там же.

В этой же статье Козмин пишет:

«Через два года после исчезновения Н.Н. Ольхина новым хозяином мельницы в Бугрове стал Павел Алексеевич Кошелев.

...Умелец на все руки, потомственный мельник, он взялся за восстановление старого сооружения. Первым делом покрыл здание крышей, а затем подправил и несколько модернизировал сложный мельничный организм... Осенью 1924 года к Кошелеву приехала и прожила более полутора лет его четырнадцатилетняя племянница Маша. Сейчас Мария Константиновна живет в Петербурге. Она-то и рассказала сотрудникам музея о буднях и праздниках бугровского мельника...»¹⁶⁶ Из рассказа племянницы Кошелева стало известно, что впоследствии семью мельника раскулачили и сослали в Сибирь. В дороге Кошелев скончался.

Эти драматические для семьи мельника события разыгрались вскоре после того, как в мае 1929 года пятый Всесоюзный съезд Советов утвердил первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР, согласно которому советский народ должен был за пять лет «создать высоко развитую промышленность, способную технически перевооружить всё народное хозяйство, перевести значительную часть крестьянских хозяйств на путь социалистического производства на основе машинной техники, вытеснить капиталистические элементы из всех отраслей народного хозяйства, обеспечить хозяйственный и культурный подъем ранее отсталых национальных республик и областей, поднять материальный и культурный уровень жизни народа, укрепить обороноспособность страны»¹⁶⁷.

Согласно этому постановлению в Пушкинском районе стали не только активно «вытеснять капиталистические элементы», но и создавать колхозы. Одним из первых был создан колхоз имени Пушкина.

По словам бывшего экскурсовода Пушкинского Заповедника Нэли Александровны Погореловой, первым председателем колхоза стал ее дед Иван Григорьев. Она рассказывает:

«Мой дед по отцу, Иван Григорьев, был коренным жителем деревни Бугрово. Принимал участие в Первой мировой войне, дослужился до офицерского звания, воевал на стороне Белой армии.

В самом начале 1930-х годов был образован колхоз имени Пушкина. Деревня Бугрово вошла в состав этого колхоза. Мой дед был избран его первым председателем, но через некоторое время его арестовали по

¹⁶⁶ Козмин В.Ю. Мельница в деревне Бугрово // Михайловская пушкиниана. Вып. 7. М., 2000.

¹⁶⁷ Берхин И.Б. Борьба за индустриализацию страны в годы первой пятилетки. История СССР: учебное пособие для 9-го класса. М., 1971. С. 169.

Нэля Александровна Иванова (Погорелова)

доносу. Дед был обвинен в том, что раздал колхозникам лен. Дедушка полностью срок не отбыл, вернулся из заключения инвалидом и с тех пор уже нигде не работал. В нашей семье говорили, его освободили по распоряжению самого Калинина»¹⁶⁸.

По соседству с Бугровом, в Михайловском, несмотря на то, что оно с 1922 года входило в состав Пушкинского Заповедника и там находился пушкинский музей, был образован животноводческий совхоз «Михайловское». Совхоз был ликвидирован после того, как постановлением Ленинградского облисполкома от 16 ноября 1933 года Заповедник был передан в ведение Академии наук. Это «коренным образом изменило положение пушкинских мест, теснейшими и многообразными нитями связанных с памятью поэта», говорилось во Временнике Пушкинской комиссии 1936 года¹⁶⁹.

В 1936 году страна готовилась широко отметить столетнюю годовщину со дня смерти Пушкина. К этой памятной дате готовились заранее: возводили новый музей в Михайловском, благоустраивали Пушкинские Горы и деревни в окрестностях Заповедника. «Обращалось внимание и на такие, казалось бы, «мелочи», как культура быта: Михайловскому селу вменялось в обязанность «завезти в район металлические ложки и другую кухонную посуду и обеспечить такое положение, чтобы колхозники пушкинских колхозов питались каждый из отдельной посуды, а не все из одной плошки»¹⁷⁰.

Подготовка к памятным мероприятиям затронула и деревню Бугрово, поскольку ее земли граничили с землями Пушкинского Заповедника и через нее пролегла дорога, ведущая в Михайловское. В феврале 1937 года, в ходе памятных мероприятий, на краю деревни у кромки леса, на месте будущего памятника Пушкину, планировали торжественно установить памятный камень. Этому событию была посвящена статья о юбилейных мероприятиях в память поэта, опубликованная во Временнике Пушкинской комиссии: «На возвышенности у самого въезда в Михайловские рощи был поставлен мраморный камень с высеченной надписью: «Здесь будет сооружен памятник великому русскому поэту Александру Сер-

¹⁶⁸ Воспоминания Н.А. Погореловой. Запись воспоминаний Е.В. Хмелевой. 7.08.2017.

¹⁶⁹ Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 1. М. ; Л., 1936. С. 393.

¹⁷⁰ Филимонов А.В. Страницы истории Пушкинского края. Великие Луки, 2007. С. 93.

геевичу Пушкину, 1799–1837. Заложен 18 февраля 1937 г.»¹⁷¹ Памятник Пушкину в Бугрове так и не был установлен: планам мирного времени помешала Великая Отечественная война.

Об оккупационном периоде истории Бугрова рассказывает Людмила Федоровна Степанова:

«Когда началась война, жители Бугрова, как и большая часть населения нашего района, сделали попытку эвакуироваться, да ничего из этого не вышло — фашисты их опередили.

Недели через две после начала войны немцы были уже в нашей деревне. Одна бугровская баба вместе со своей родней вышла к ним навстречу с иконой, хлебом и солью. С тех пор ее в деревне стали звать Немчихой. Теперь ее настоящего имени уже никто не помнит, как жила с тех пор Немчихой, так Немчихой и умерла. Ее дом стоял там, где находится расположенный в музейном комплексе колодец с журавлем.

Уже в самом начале оккупации моя мама была уверена, что наша армия одержит победу над фашистами, потому что в один из первых дней войны бугровцы увидели, как над их деревней в небе из облаков образовался серп и молот.

Когда в Михайловском лесу немцы стали возводить оборонительные сооружения, в нашей деревне находилась на постое немецкая строительная бригада. Оккупанты вели себя доброжелательно по отношению к местному населению. Один солдат даже пытался за моей мамой ухаживать, да офицер пресек его домогательства. Ближе к концу оккупации на смену немецким строителям в Бугрово пришли прибалтийские эсэсовцы. С этими шутки были плохи: сильно лютовали.

В первые месяцы оккупации в одной половине нашего большого дома, срубленного еще до революции, держали около сотни пленных красноармейцев, работавших на строительстве укреплений. В другой половине дома жила семья бабушки. Потом пленных куда-то дели.

В то время в Бугрове жили, почитай, одни родственники. Старостой тоже был наш родственник, дядя Ваня Орлов. Он всегда своих выгораживал перед немцами, предупреждал, если фашисты что неладное задумали. Благодаря ему многие избежали угона в Германию, в том числе и моя мама. Молодежи тогда в деревне было много: предупредить всех быстро и незаметно было сложно и небезопасно, поэтому пятеро парней и трое девчат не смогли избежать этой участи. Родители этих ребят потом долго попрекали дядю Ваню.

¹⁷¹ Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 3. М. ; Л., 1937. С. 530.

Как-то во время оккупации мама пошла в лес за грибами да повстречалась с партизанами. Они у нее спрашивают: «Кто у вас в деревне староста?» — «Ваня Орлов, только вы его не трогайте, он хороший, всем нам помогает, выгораживает перед немцами, он мне братом доводится». А потом сообразила: «Что ж я такое говорю, сейчас и меня, и Ваню расстреляют». Но ничего, обошлось, никого партизаны не тронули.

От мамы я также узнала о том, что бугровцы снабжали партизан продуктами. С одной из подвод с продовольствием был направлен в партизанский отряд мой двоюродный дядя Анатолий. Ему в то время было всего шестнадцать лет. Его взял с собой в качестве помощника бугровский мужик Матвей. Домой Матвей вернулся один — Толик остался в партизанах, там через какое-то время и погиб.

Во время оккупации бугровцев, как и всех остальных жителей нашего района, гоняли на работы. Моя мама не хотела работать на немцев и натирала себе ноги лютиками, отчего ее ноги распухали и покрывались язвами. Раз приходит за ней немец: «Работать». А мама, сидя на печке, ноги разматывает, а там язва на язве — так немец и отстал.

Благодаря корове наша семья в то время не особо голодала. Корову удалось сохранить чудом: немцы коров у жителей деревни конфисковали и погнали куда-то, а наша корова сбежала домой. Тут вдруг к нам во двор приходит немец с автоматом наперевес и сходу: «Матка, где корова?» Бабка ему: «Прибежала». А он в ответ: «Пусть остается». Так корова с нами всю войну и жила. Когда бугровцев погнали на выселки, бабка и корову с собой забрала. Корова умная была: бывало, как обстрел начнется, ей скажут: «Ложись», — она и ляжет.

После освобождения района бугровцы вернулись с выселок — а жить-то и негде. Почти все дома были сожжены. Вырыли они себе в Михайловском лесу за Гаечным прудом землянки, и пока новые дома себе на пепелищах не отстроили, там и жили»¹⁷².

Вера Владимировна Герасимова подтверждает тот факт, что немцы, стоявшие в Бугрове, местное население не притесняли:

«Мама мне много рассказывала о своей жизни, в том числе и о фашистской оккупации.

Когда пришли в Бугрово немцы, ей было 16 лет. Немцы, стоявшие в нашей деревне, местных жителей не обижали. Это уже потом, когда пришли латышские эсэсовцы, начались бесчинства. А немцы к местным жителям относились достаточно дружелюбно, даже доверчиво.

¹⁷² Воспоминания Л.Ф. Степановой. Запись воспоминаний Е.В. Хмелевой. 18.10.2017.

Например, мама вспоминала, как одна девушка каким-то образом выудила у немца пистолет и увела за собой целую группу военнопленных, работающих на строительстве «Пантеры».

Это произошло неподалеку от Бугрова в районе Зиминой горки. На возведение укреплений были согнаны как военнопленные, так и местное население. Работали там и бугровцы.

Девушку, выкравшую пистолет у охранника, мама прежде никогда не видела. Эта девушка была так красива, что не заметить ее было невозможно. Немец сразу стал уделять ей особое внимание. Девушка этому не противилась, наоборот, кокетничала с ним, так возле него и увивалась. А потом вдруг выяснилось, что у охранника исчез пистолет, а заодно пропала девушка и все военнопленные.

Или взять другой пример: мама с бабушкой по ночам пекли хлеб для партизан, а немцы об этом и не подозревали. Партизаны приходили ночью, по темному, стучали в окошко, передавали муку, а утром забирали готовый хлеб. Кто знает, может, и другие бугровцы тайно помогали партизанам»¹⁷³.

Когда фронт приблизился к границам Пушкиногорского района, всё его население было отправлено на выселки. После освобождения Пушкиногорской земли, а затем и после окончания войны бугровцы, кто с выселок, кто из Германии, кто с фронта, а кто из концлагеря стали возвращаться в деревню. Вернулась в Бугрово и семья первого председателя колхоза имени Пушкина. Его внучка Нэля Александровна Погорелова рассказывает:

«Во время войны семья моего деда оказалась в Прибалтике, в каком-то концлагере. Отец вспоминал, что в лагере было очень голодно, но поскольку он был ребенком, ему удавалось пролезть под колючей проволокой и раздобыть немного продуктов у местных жителей.

После освобождения из концлагеря дедова семья вернулась в Бугрово. От деревни осталось всего два дома. Остальные избы были либо сожжены, либо разобраны на блиндажи. На месте нашего дома тоже находилось пепелище. Дед с бабкой не стали новый дом ставить на пепелище — плохая примета, поставили на другом месте, хотя и на своей усадьбе. Так же поступили и другие бугровцы. Все послевоенные дома в нашей деревне были собраны из блиндажей»¹⁷⁴.

Бугровцы заново отстраивали деревню, создавали сельхозартель

¹⁷³ Воспоминания В.В. Герасимовой. Запись воспоминаний Е.В. Хмелевой.

¹⁷⁴ Воспоминания Н.А. Погореловой. Запись воспоминаний Е.В. Хмелевой. 12.07.2017.

«Бугрово». В 1950 году сельхозартели, созданные сразу после освобождения района, были объединены в колхозы. Сельхозартель «Бугрово» вошла в состав колхоза имени А.С. Пушкина. Шефство над колхозом взял Пушкинский Заповедник.

Со слов жительницы Бугрова Алевтины Васильевны Александровой, трудившейся в послевоенное время бригадиром в колхозе имени А.С. Пушкина, в состав которого вплоть до 1975 года входила деревня Бугрово, можно сделать вывод, что это шефство было не простой формальностью. Алевтина Васильевна рассказывает: «Директора Заповедника Семена Степановича Гейченко можно было часто видеть то в управлении колхоза, то беседующим с рядовыми колхозниками. Он нам и о Пушкине рассказывал, и просто так беседовал, расспрашивал о чем-то, шутил. Работники Заповедника тоже постоянно приходили в колхоз с чтением лекций, а осенью оказывали колхозу помощь в уборке урожая»¹⁷⁵.

После войны не все бугровцы пошли трудиться в артель «Бугрово»: кто устроился на работу в поселок, кто в Заповедник. Пушкинский Заповедник, как и весь Пушкиногорский район, в то время лежал в руинах.

Нэля Александровна Погорелова рассказывает:

«Отец после возвращения из концлагеря устроился на работу сапожником в артель инвалидов, созданную в поселке. В то время молодежь Пушкиногорского района во время выходного дня, а то и после работы, должна была отработать несколько часов на восстановлении разрушенного войной хозяйства. Те из них, кто жил ближе к Михайловскому, расчищали от завалов территорию Пушкинского Заповедника. На этих работах мой отец, Александр Иванович Иванов, познакомился с мамой, Антониной Александровной Леоновой, а в 1954 году они поженились.

Мама была родом из Дедовцев. Дедовцы отделяет от Савкиной горки, входящей в состав Заповедника, река Сороть. На Савкиной горке с незапамятных времен было кладбище, на котором хоронили своих покойников зарецкие, то есть жители деревень, расположенных на правом берегу Сороти. На этом кладбище были похоронены мамины предки. В центре кладбища стояла Покровская часовня. В часовне родственники усопших оставляли прощальные иконы. Вспоминали, что икон там было очень много. Во время гонения на церковь все эти иконы были брошены в реку. Они долго плыли по Сороти в сторону Великой.

В послевоенное время, когда директором Заповедника стал Семен Степанович Гейченко, на Савкиной горке было запрещено хоронить лю-

¹⁷⁵ Воспоминания А.В. Александровой. Запись воспоминаний Е.В. Хмелевой. 10.07.2017.

Александр Иванович Иванов

Антонина Александровна

дей, потому что она являлась территорией Пушкинского Заповедника. Маминой семье Семен Степанович предложил на захоронении родных поставить каменный крест под старину. На том и порешили.

Когда был восстановлен Пушкинский Заповедник, папа устроился туда на работу. После того, как он женился на маме, им выделили Бугровский кордон. В нем я появилась на свет. Это уже потом, когда отцовы родители состарились и им необходимо было помогать по хозяйству, мы переехали в их дом.

Папа сначала работал в Заповеднике лесником, потом рабочим. Все плетни, которые находились на территории Заповедника до его реконструкции, были сплетены папиными руками.

Мама, хотя и работала не от Заповедника, а от райпо, тоже считала себя причастной к жизни Заповедника, потому что торговала в Михайловском на Праздничной поляне в книжном, а затем в продуктовом ларьке.

Зимой работать в ларьке было очень холодно, поэтому директор Заповедника Гейченко добился, чтобы на поляне, возле «нарядной», позволили поставить магазин. Покупателей в магазине было достаточно: в нем покупали продукты не только работники Заповедника, но и жители окрестных деревень. После того как мама вышла на пенсию, магазин еще какое-то время работал, а потом продукты на поляну в Михайловское стала доставлять автолавка.

Мама меня часто брала с собой на работу, поэтому всё мое детство прошло в Михайловском. Любовь Джалаловна, жена директора Заповедника, часто забирала меня к себе домой. Любовь Джалаловна играла со мной в кукол, в доктора. Мама со мной никогда не играла: дома своих дел хватало, а на работе тем более. Я на это досадовала и упрекала маму: «Почему у тебя нет времени со мной поиграть, а у Любви Джалаловны есть?»

Время от времени Пушкинский Заповедник для детей своих работников устраивал в клубе праздники. Клуб находился на хоздворе. В клубе работала Женя. Там было так здорово: показывали фильмы, устраивали концерты, ставили самодеятельные спектакли, к участию в которых привлекали детей. Я тоже играла в этих спектаклях. А еще я помню, как на хоздворе для нас устраивали елки и дарили новогодние подарки. Самым ценным для нас в этих подарках была мандаринка, которую обязательно клали в пакет с конфетами.

К детям работников Заповедника в Михайловском все относились как к своим родным. Бывало, встретишь Володю Самородского, работавшего в то время садоводом, — нарежет тебе цветов каких захочешь. Пойдешь в баню — тетя Шура тебя медовым квасом угостит. Квас был очень вкусный. Такого кваса, как у тети Шуры, я больше никогда не пила. Тетя Шура работала в Михайловском смотрителем и жила в комнатке, находившейся под одной связью с баней. Баня в то время стояла возле Нижнего пруда. В баню мы ходили по субботам. Работники Заповедника мылись в ней во время рабочего дня: до обеда мужчины, а после обеда женщины. Многие из них заходили к тете Шуре попить после баньки кваску. Это была та самая тетя Шура, которой Михаил Дудин посвятил стихотворение «Святые руки тети Шуры», а Гейченко одну из своих новелл¹⁷⁶.

Когда у тети Шуры тяжело заболел брат, живший в какой-то дальней деревне, она переехала к нему, а в ее светелку вселилась семья другой смотрительницы, Вали Филипповой»¹⁷⁷.

¹⁷⁶ Гейченко С.С. У лукоморья. Л., 1977. С. 184.

¹⁷⁷ Воспоминания Н.А. Погорелов. Запись воспоминаний Е.В. Хмелевой.

Нина Андреевна Орлова

Детские воспоминания, озаренные светом впечатлений от посещений Михайловского, приводит и Людмила Федоровна Степанова:

«Моя мама Зоя Степановна вплоть до конца семидесятых годов работала смотрителем в Михайловском, а затем в музее Святогорского монастыря, поэтому в детстве я часто бывала в Михайловском. Особенно мне нравилось ходить туда с другом детства Димкой, приезжавшим в Бугрово на лето с бабушкой и дедушкой. Его бабушка и дедушка были в хороших отношениях с директором Заповедника Семеном Степановичем Гейченко. Когда мы приходили к нему в гости, как правило, стучались в дверь. Семен Степанович выходил к нам навстречу с коробкой конфет или вафельных тортиков и впускал нас в дом только после того, как мы все угостимся. Он показывал нам свои книги, картины и другие удивительные вещи, подаренные ему разными людьми. А его жена, Любовь Джалаловна, знакомила нас с ручной белочкой Ваней, рассказывала о том, как эта белочка осталась без родителей, как они с Семеном Степановичем ее выхаживали. Потом мы кормили Ваню ягодами. Впоследствии эта белочка стала героиней одной из новелл Гейченко¹⁷⁸.

Я и без Димки часто бывала в Михайловском. Когда случайно встретила на усадьбе Любовь Джалаловну, она никогда не забывала угостить меня конфетами»¹⁷⁹.

¹⁷⁸ Гейченко С.С. У лукоморья. С. 340.

¹⁷⁹ Воспоминания Л.Ф. Степановой. Запись воспоминаний Е.В. Хмелевой.

После войны жизнь в районе возрождалась, молодежь создавала семьи, на свет появлялись дети. В пятидесятые годы, выйдя замуж в Бугрово, навсегда связала свою судьбу с Пушкинским Заповедником Нина Андреевна Орлова. О себе она рассказывает:

«Нас, бугровцев, в шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые годы много работало в Михайловском. Мужики в основном трудились на хозяйстве на разных работах, а бабы были смотрителями в музее. Я-то сама родом из Осницы, в Бугрово вышла замуж, с тех пор и живу здесь. Лет шестьдесят в этой деревне прожила, так что меня тоже можно считать бугровской.

До замужества я тайком встречалась с одним парнем. Его деревня рядом с Осницей была. Отец запрещал мне с ним гулять, мол, и деревня его захудалая, и сам он от горшка два вершка. Потом этот парень поехал учиться, просил, чтобы дождалась его, да где ж девка дождетса, коли возраст подошел? А тут еще старший брат женился и породнился с бугровцами. Моему отцу Бугрово понравилось, всё нахваливал его, мол, деревня красивая, дома стоят в одну линию, и народ в ней живет самостоятельный, да вдобавок ко всему рядом и поселок и Заповедник. Наглядел он мне бугровского парня Васю Орлова, большого да красивого, и выдал меня за него замуж. А любила-то я другого.

Вышла я за Васю, и привел он меня жить к своей матери. Теперь уже ни свекровки нет, ни Васи — всех схоронила. С мужем я прожила 28 лет, он был трактористом, а я пошла работать в типографию. Проработала я там недолго: как только узнала, что освободилось место смотрителя в Михайловском музее, так сразу перешла туда. С тех пор, считай, почти всю свою жизнь в Заповеднике и отработала, лет пятьдесят наверно будет.

Народу в то время работало в Заповеднике не так много, как теперь: человек сто было, не больше. Мы жили дружно, как одна семья, знали, кто чем живет, у кого о чем душа болит, одним словом, сочувственно относились друг к другу.

В летнее время я ходила на работу с цветами. Еще до прихода туристов мы, смотрители, составляли букеты и украшали ими музей. В обязанность смотрителей также входила уборка музея, но главной нашей обязанностью было строго следить за тем, чтобы экспонаты не пропали, чтобы экскурсанты их руками не трогали, на экспозиционные стулья не садились. В летнее время экскурсионные группы иной день шли сплошным потоком. Бывало, идут и идут, конца-краю им не видно. Набьется в каждой комнате по 50, а то и по 60 человек, не протолкнуться, не продохнуть. И так до закрытия музея, даже перекусить было некогда.

Зато зимой народу было совсем мало. Зимы в то время были снежные, морозные, но в Доме Пушкина было тепло, в музее вплоть до шестидесятых годов топили печи. Потом пожарные это дело запретили, и нас вместе с экскурсоводами перевели в только что отстроенный Дом приказчика. В этом же Доме была оборудована касса и мастерская для художника.

Когда приходили группы, мы одевались потеплее и шли открывать музей. В остальное время вязали, разговоры говорили. Экскурсоводам, конечно, не нравилось, что мы у них под ухом болбочем, книжки про Пушкина читать мешаем, Семен требовал, чтобы они свои знания пополняли, иной раз им и экзамены устраивал. Мы-то понимали, что мешаем девкам своей болтовней, а только как целый день отсидеть молча? Да и сами экскурсоводы помаются с нами, помаются, да и в разговоры вступят.

Мы, смотрители, чтоб без дела не сидеть, брали с собой вязание. Семен Степаныч нам не разрешал вязать на работе, так мы вязать-то вязали, а сами всё в окошко поглядывали, не идет ли начальство. Ну, случилось, что иной раз не укараулишь, так и огребешь от Семена по полной, мол, опять здесь богадельню устроили. А то и слова не скажет, будто и не заметил. Семен Степаныч с пониманием и к нам, бабам, относился, и к мужикам тоже. Наши мужички в основном на хоздворе работали.

После войны многие из них расслабились и стали как есть попивать. Бывало, коли Семен Степаныч никуда не въехавши, так с утра уже в «нарядной» с мужиками дела обсуждает. Придет: «Ну, мужики, все живы?» — «Все живы», — отвечают. — «А кто хочет выпить?» — «Да мы не пьем, Семен Степаныч». — «Ну хорошо, не пейте, не пейте», — и захочут... А Семен всё свое: «Мужики, а кто хочет опохмелиться, пойдем опохмелю», — сидят мужики, молчат. А у него и правда дома всегда что-нибудь такое было: сам не пил, в рот не брал, но для других приберегал.

А иной раз рассердится да такой гай поднимет... Но он быстро уходил и ни на кого зла не держал. Мужики-то ему не перечили, а бабы, случалось, спуску не давали. Я и сама разок с ним поцапалась из-за того, что на меня напраслину возвел: сказал, будто дома сижу, на работе меня вообще не бывает. Это случилось в середине семидесятых. Я к тому времени уже в истопники перешла: так мне было сподручнее с домашними делами управляться. Я держала корову, нетель, овец, кур.

Утром встанешь в пятом часу, скотину обрядишь — и на работу. Идешь целиком по лесу: темно, снежно, холодно, вокруг ни души, хоть волков кричи. Надо мной тогда еще посмеивались: «Ты, баба, волков не боишься?» — я в ответ: «Никого не боюсь: волки любят добрых людей, а я не добрая, уже старая».

В Михайловском с утра мне надо было семь печек испечь: две в кассе и пять в научной части. Ну, я печки растоплю и пошла снег отрывать, до самого ледника отрывала, а это метров сто будет. Под ледником в повети дрова были сложены, а чуть ниже по тропинке в то время стояла дощатая уборная. Научники так привыкли к тому, что дорожка до нее с самого утра мною уже была расчищена, что вопить на меня начинали, если снег еще не был откидан. Считали, что я была обязана этим заниматься.

Дрова к печам я таскала за плечами на веревке. Пока печки топят, я и снег расчищу, и не одно беремья дров к печкам принесу, и кассу, и научную часть убери. К девяти часам уже всё было сделано. А вечером опять шла в Михайловское, дрова в печки заложить, чтоб к утру подсохли.

Как я работала, никто не видел, но работа была сделана. А тут Семен придумал, что я должна отсиживать с девяти утра до шести вечера, как и все остальные. И другим тоже было строго-настрого приказано на работу не опаздывать и с работы раньше времени не сбегать, мол, всё будет взято под контроль.

Что тогда случилось, не знаю, то ли ему что в голову что втемяшилось, то ли из министерства какое распоряжение спустили, чтоб повышал трудовую дисциплину, а только меня это задело. Ну меня тогда и понесло, загорись земля и небо! А Семен спуска не дает: «А черт тебя подери, не баба, а бес, всё тебе не так, — говорит, — не нравится, уходи». Я плюнула и пошла домой.

Иду по лесу, а в голове одна мысль крутится: «Где ж я еще такую работу найду? Здесь и дом рядом, и времени у меня на всё хватает, и на ребят, и на скотину, и на огород, да и в доме всё прибрано, еда приготовлена, а как я на другой работе буду управляться со всем этим? Семен-то поблажит-поблажит, да и успокоится, надо перетерпеть».

На следующий день пришла топить печки к девяти часам. Смотрю, рабочие уже дорожки от снега расчищают — значит, мне снег не надо чистить. Захожу в научную часть — там холодина, печки не топлены. Меня как самого важного человека сам Семен встречает: «Ну, — говорит, — успокоилась?» «Успокоилась», — отвечаю. «Вот и хорошо». С тех пор недели две я соблюдала трудовую дисциплину: приходила на работу к девяти, а уходила в шесть вечера. Зима в том году была лютая, за ночь помещения сильно выстывали, а нагревались только к вечеру. Семен мне всё советовал: «Ты дров-то не желей, пожарче топи, побольше подкладывай». Я до конца рабочего дня сидела в кассе. Там все женщины были веселые: то сказки рассказывают, то песни поют, а то и плясать начнут. Они мне сочувствовали, а директора осуждали за то, что из-за него всем

приходится на работе мерзнуть. Семен Степаныч нет-нет, да и заглянет в кассу: «А ты еще не вшедчи, иди домой», — только я из принципу не входила. Поартачилась я недели две, а потом стала ходить на работу как и прежде. Ну, а экскурсоводам и научникам приходилось соблюдать дисциплину еще целый месяц.

В Заповеднике все работали на совесть, от работы никто не отлынивал, жили дружно, даже вбегали с работы на рейсовый автобус по очереди: одни в один день вбегают, другие — в другой. Это они так делали, чтоб незаметно было, что работников недостает.

Автобус приходил на поляну за полчаса до закрытия музея. К его приходу работники по одному, задворками, чтобы не попасться на глаза Семену, начинали пробираться к стоянке. Думали, что перехитрили директора, а того не знали, что как раз на эти задворки выходит окно Семенова кабинета.

Вот раз приходит Семен Степаныч в научную часть: «Я, — говорит, развлечение себе нашел: каждый день с половины четвертого в окно гляжу на спектакль: вот вчера без двадцати четыре Настенька мимо моего окна — плюх-плюх, потом Жариков — хамыль-хамыль, потом Танька идет, оглядывается, за ней Ленка скачет...» Хотя Семен в этот раз не ругался, а только посмеялся, всё равно работники это на заметку взяли и начали еще пуще осторожничать, уже не мимо Семенова дома стали сбегать, а через парк.

Так-то Семен Степаныч добрый был, жалостливый. Конечно, случалось, что и вспылит, но был отходчив. Он зла не держал на людей, а если считал, что кого сгоряча обидел, так потом конфетиной задабривал. У него всегда во всех карманах были конфеты, и все разные. Он когда хотел кого угостить конфетиной, то предлагал забраться к нему в карман и вытащить оттуда то, что там есть.

А что кому-то иной раз попадало от него, так с нами по-другому нельзя: нам, деревенским, только дай волю — мы и на шею сядем. Семен Степаныч это понимал и к нашим затонам с пониманием относился, понапрасну не сердился. Помню, как смотрительница Валя Филиппова на него всенародно кричала, даже из очереди в автолавку выталкивала, за то что он как инвалид войны хотел дефицитные продукты взять без очереди. Ему это по закону полагалось, а у Вали был свой закон — одно кричит: «Если все инвалиды без очереди полезут, так остальным ничего не достанется». Народ, стоявший рядом, никак не мог ее урезонить. А сам Семен не стал ей перечить, просто встал в самый конец очереди.

Так-то эта Валя Филиппова была баба добрая, только сильно шепутная. Что она только не вытворяла, но ей всё с рук сходило.

Валя сначала жила с семьей в самом Михайловском, в бане, а когда освободился Бугровский кордон, переехала туда.

Теперь уже нет в живых ни Вали, ни Леонида, ее мужика, а не так давно и Бугровский кордон снесли.

Сколько бугровцев тогда работало в Заповеднике! И моя родня по мужику там трудилась: Маша — смотрителем, Петя — краснодеревщиком, Валентин — шофером, он на легковой машине самого Семена возил. Никого уже из них в живых не осталось. Одна только я всё живу и живу, да только в последнее время что-то совсем недяглой стала: до Михайловского уже не дойти, так сиднем в своей деревне и сижу»¹⁸⁰.

Родственник мужа Нины Андреевны, Валентин Орлов, возивший «на легковой машине самого Семена», как и Василий Орлов, в пятидесятые годы привел в родительский дом молодую жену с красивым именем Розалия.

Она в 1955 году после окончания медицинского техникума приехала на работу в Пушкинские Горы, где и повстречала свою судьбу. Розалия Васильевна Орлова вспоминает:

«Новый 1956-й год я встречала в Доме культуры. Как только часы пробили двенадцать, все стали расходиться. Я тоже собралась уходить, и тут подходит ко мне парень в солдатской шинели и просит разрешения проводить меня до дома. Так мы и познакомились с Валентином, а через два года я стала его женой и переехала жить в Бугрово к его родителям.

По образованию Валентин был ветеринаром и работал по специальности, но после женитьбы перешел работать в Михайловское завскладом. Склад находился на хоздворе в небольшой бревенчатой постройке. Работа у него была непыльная, одним словом, на работе он не перенапрягался.

Потом его перевели водителем на легковую машину. Он возил Гейченко. О том, куда, зачем ездил, никому ничего не говорил, но всё время был в разъездах. Семен Степанович в кабинете не сидел: то куст ему какой надо выкопать да в Михайловском посадить, то какой-то каменный крест где найдет, то ему вздумается посмотреть, как ведутся раскопки... Валентин всё, что происходило на работе, в секрете держал, ничего ни про Семена Степановича не говорил, ни про дела Заповедника. Но один раз всё-таки не выдержал: рассказал, что жене своей Любове Джалаловне Гейченко не позволяет пользоваться служебной машиной. А ей и продукты надо закупить, и лекарства, да мало ли что еще. На рейсовом автобусе

¹⁸⁰ Воспоминания Н.А. Орловой. Запись воспоминаний Е.В. Хмелевой. 26.06.2017.

ездить в поселок несподручно, целый день потратишь: не так часто он ходит в Михайловское, поэтому Любви Джалаловне приходилось тайком от мужа договариваться с Валентином о том, чтобы свозил ее в магазин. Я помню, что меня возмутило такое отношение Семена Степановича к жене: за глаза он называл ее Любовь Желанная, а в быту проявлял по отношению к ней такую жесткость. А сейчас я его начинаю понимать: Гейченко, работая директором Пушкинского Заповедника, не имел морального права злоупотреблять служебным положением, потому что был не только для своих подчиненных, но и для всех, с кем ему доводилось общаться, наставником и воспитателем.

С 1967 года в Михайловском стали отмечать Праздники поэзии. Народу на эти праздники собиралось видимо-невидимо: вся поляна была запружена людьми. Для работников Заповедника эти дни были не только праздничными, но и трудовыми. Многих из них, в том числе и моего мужа, обязывали дежурить на поляне. Каждый из дежуривших отвечал за порядок на своем объекте.

После завершения праздничных мероприятий, с разрешения Гейченко, работники Заповедника с женами и мужьями собирались на хоздворе. Там мы отмечали день рождения Пушкина. Я заранее готовилась к этому празднику: наряжалась, завивалась, подкрашивалась, духами душилась и к определенному часу шла на хоздвор, где в тесном кругу родных и близких по общему делу людей мы отмечали день рождения Пушкина¹⁸¹.

Не работающие в Заповеднике бугровцы тоже любили проводить свободное время в заповедных парках, а праздновать дни рождения поэта в Михайловском они считали своим долгом. В этот день они откладывали все дела и семьями шли на праздник. Одна из коренных жительниц Бугрова Алевтина Валентиновна Никонова вспоминала:

«Для нас это был самый любимый, самый радостный и светлый праздник, из всех праздников праздник. Мы все к нему заранее готовились: взрослые загодя откладывали деньги, чтобы с размахом отпраздновать этот день, а также купить обновки и гостинцы для всей семьи. Мы, девчонки, наряды наглаживали, прически придумывали. Приходили на праздник рано-рано, чтобы занять места поближе к сцене: рассмотреть, расслышать всех выступающих писателей, поэтов, артистов. Ведущим Праздников поэзии на протяжении многих лет был Ираклий Андроников, ежегодно на этих праздниках пел для нас сам Иван Козловский. Ну и конечно, нам доставляла удовольствие возможность потолкаться в очереди

¹⁸¹ Воспоминания Р.В. Орловой. Запись воспоминаний Е.В. Хмелевой. 12.07.2017.

за книгами, за апельсинами, за мороженым, а заодно поглазеть на приезжий народ. На следующий день было жалко, что праздник так быстро закончился.

Где-то в начале семидесятых годов в Михайловском на Праздничной поляне рядом с магазином была построена почта. К тому времени я только что закончила школу, и меня приняли на работу заведующей почтовым отделением. Мне приходилось обслуживать и жителей окрестных деревень, и работников Заповедника, и приезжих. Среди приезжих были и писатели, и поэты, и артисты. То, что я обслуживаю писателей, я узнавала от них самих, они были людьми разговорчивыми. Поэтов я узнавала по их пристрастию развлекать меня своими стихами. Некоторые из них и мне посвящали свои творения. А с артистами я иногда попадала впро�ак. Так, один раз приходит на почту Лев Дуров и просит посмотреть письмо до востребования. Я ему: «Ваша фамилия». А он мне в ответ: «Дуров». Я даже опешила и поясняю: «Чтобы посмотреть, есть ли вам письмо, я должна знать вашу фамилию». А он мне опять: «Дуров». Я удивилась, но стала искать письмо. Только после того, как он ушел, поняла, что это был знаменитый артист Лев Дуров.

Всех работников Заповедника я знала, и с ними у меня были ровные, хорошие отношения, но особенно выделялся среди них Гейченко. Если он был здоров, то в любую погоду сам приходил за газетами, и каждый раз — с шутками, с песнями, с прибаутками, а то иной раз и вприпляску. Как-то мне было поручено раздать посетителям почты для заполнения анкеты, касающиеся работы почты. Гейченко тоже заполнил анкету, в которой написал: «Я люблю заведующую и целую ее крепко-крепко». Эту анкету я не стала сдавать и оставила ее себе.

Работая в почтовом отделении, я не только обслуживала клиентов, но также занималась уборкой помещения, а зимой его отапливала.

В зимнее время на почте было очень холодно, особенно утром, пока не нагреется печка. С хозяйственными делами мне добровольно помогал работник Заповедника Василий Семенович. Бывало, утром придешь на работу, а он тебе уже и воды принес, и дров наносил. Василия Семеновича все называли Васей Свинуховским, потому что он жил в деревне Свинухи, находившейся в трех километрах от Михайловского. Он своим поведением напоминал юродивого: был добрым, бесхитростным, исполнительным и старался всем оказать помощь. Работал Вася в Михайловском разнорабочим, а по ночам охранял усадьбу. Все в Заповеднике его любили, хотя за глаза беззлобно посмеивались над ним за неравнодушное отношение к девушкам, которых он одаривал конфетами, а также за

*Василий Семенович Семенов —
разнорабочий, дворник в Михайловском.
Более сорока лет содержал усадьбу
в образцовом порядке.
Один из помощников С.С. Гейченко*

пристрастие к блестящим и ярким предметам. Наверное, больше всего он гордился заграничным ярким, отливающим золотом галстуком, подаренным ему Гейченко. Вася на протяжении долгого времени ежедневно надевал его, когда шел на работу»¹⁸².

О жизни Заповедника семидесятых годов много интересного рассказала и другая жительница деревни Бугрово Нэля Александровна Погорелова (в девичестве Иванова):

«Когда я закончила школу, меня приняли на работу в Заповедник экскурсоводом при том условии, что в будущем я должна буду получить заочное высшее гуманитарное образование. Всего в то время в Заповеднике постоянно работало четыре экскурсовода, но кроме экскурсоводов водили

экскурсии научные сотрудники. На лето ежегодно приезжали из Ленинграда работать экскурсоводами Галина Михайловна Столбова, Люба Пучнина, Люда с маленьким сыном Аликом и методист Всесоюзного музея А.С. Пушкина Вера Константиновна Жажурило.

Экскурсионные группы из Пскова, из Ленинграда, из Прибалтики, из Москвы чаще всего приезжали в Заповедник со своими экскурсоводами. Вера Константиновна прослушивала не только экскурсоводов Заповедника, но и приезжих. К питерским и к заповедничким экскурсоводам она благоволила, а остальные экскурсоводы ее до смерти боялись.

Рабочее место экскурсоводам Заповедника было отведено в Доме приказчика Михайлы Калашникова. Там же находилась касса и каморка художника-реставратора. В то время реставратором был бывший цветовод Володя Самородский. Среди экскурсоводов я была самой молодой и неопытной, поэтому коллеги иной раз мною помыкали, заставляя про-

¹⁸² Воспоминания А.В. Никоновой. Запись воспоминаний Е.В. Хмелевой. 18.10.2017.

тив моей воли водить группы курсантов. Курсанты приезжали на экскурсии в Заповедник довольно часто. Они, как правило, все были рослые, как на подбор, в одинаковых формах и скрипучих сапогах. Я была маленькая, щупленькая, и они наводили на меня ужас. Когда я проводила для них экскурсии, мне казалось, что я хожу по дремучему лесу среди скрипучих огромных деревьев.

Однажды в книге отзывов курсанты написали мне благодарность в стихах. В этом стихотворении они даже не упомянули ни о Пушкине, ни о Заповеднике. Зато написали о том, что мечтают вновь приехать в Михайловское, чтобы увидеть меня. В обязанность нашего ученого секретаря Дины Алешиной входило просматривать записи в книге отзывов. Прочитав эти вирши, она меня потом долго ими дразнила.

Едва ли не каждый день в Дом Калашникова приходил нас навестить директор Заповедника Гейченко. Он окидывал всех нас своим оком и спрашивал: «Ну, все собрались, дети мои? А кто там за печкой прячется? А ну, вытаскивайте его». И начинались всякие байки. Среди этих баек были и те самые новеллы, которые позднее были опубликованы в сборнике «У лукоморья». Иногда Гейченко нам устраивал экзамены, да такие, что приходилось бежать в фонды к Василию Яковлевичу Шпиневу и вместе с ним искать ответ на директорский заковыристый вопрос. Зато за каждый правильный ответ нам позволялось выуживать из гейченковского кармана очередную конфетку.

Однажды Семен Степанович, придя к нам, велел всем по очереди прочитать наизусть стихотворение Пушкина «Поэт», написанное им в 1827 году в Михайловском. Никто из нас не смог этого сделать. Тогда он, сидя на стуле, поник головой и сказал: «Дурами были, дурами и остались... Как можно говорить о Пушкине, не зная наизусть этого стихотворения? К завтрашнему дню чтобы выучили. Приду проверю». Теперь, когда я стала старше, я поняла, насколько Семен Степанович был тогда прав!

Еще он нам внушал: «Нельзя постичь Пушкина сидя на стуле. Его можно постичь только ногами».

Мы с радостью следовали этой рекомендации директора. Когда в Заповеднике наступало затишье, мы оставляли дежурного экскурсовода и по одному или всем скопом отправлялись «постигать Пушкина». Блудили по заснеженным лесам и полям, по близлежащим деревьям. Иной раз заходили в гости к знакомым. Как-то пришли в Савкино во время обеденного перерыва и решили заглянуть к методисту Элеоноре Федоровне. Она не ждала гостей, но решила, что нас необходимо покормить. В нескольких кастрюлях у нее были остатки каш, и она нам эти остатки и отда-

ла: кому досталось две ложечки гречневой каши, кому ложечка рисовой, а кому целых три ложки манной — никого не обошла. Зато сама она, я думаю, осталась голодной.

В другой раз мы пошли в Петровское, проверить, как идет строительство музея. Была ранняя весна. Снега еще было много, и он начал таять. Дорогу, ведущую в Петровское берегом озера Кучане, затопила вышедшая из берегов талая вода. Нам пришлось подняться на поросший лесом холм и идти параллельно дороге. Сначала мы шли бодро, со строевыми песнями, но чем дальше углублялись в лес, тем непролазнее становились сугробы, тяжелее и сырее обувь и рукавицы. Постепенно наш пыл поубавился, и мы молча и обреченно продолжали путь. Теперь мы сравнивали себя с наполеоновскими солдатами, бежавшими из Москвы.

Когда мы добрались до Петровского, то у нас уже не осталось былого задора. Нас даже не вдохновило то, что мы увидели сруб дома Петра Ганибала. Мы через силу заставили себя спуститься в подвал, подняться на второй этаж. Потом, сидя на мокрых бревнах, обсудили план дальнейших действий. Мы опасались, что в Михайловском уже заметили наше отсутствие и начинают за нас беспокоиться, поэтому решили возвращаться другим, более проходимым путем. Выйдя из деревни, мы пошли по единственной расчищенной, но незнакомой нам дороге, почему-то решив, что все дороги должны вести в Михайловское. Оказалось, что это не так, потому что примерно через час дорога вывела нас к деревне Свинухи. Спасибо, кто-то из свинуховских жителей показал тропинку, ведущую в сторону Кирилловского кордона. Там, на кордоне, жила семья соучастницы нашего путешествия Люды Ильяшенко. Когда мы вышли к ее дому, уже стало смеркаться. По дороге Люда решила зайти домой, предупредить маму, что с ней всё в порядке, но Таисия Романовна, увидав нас в таком удручающем виде, загнала всех в дом, заставила снять промокшую насквозь одежду и развесила ее на веревке над топящейся печкой. От одежды повалил пар. После чего чуть ли не силой она посадила нас за стол, поставила перед нами по тарелке горячих щей и велела всё это съесть. А время шло...

Когда мы вернулись в Михайловское, рабочий день подошел к концу, но в домике Калашникова еще горел свет: внутри нас всё сжалось... Мы нахохлились и стали друг за другом заходить в дом. В комнате на стульях молча сидели все мужчины, работавшие в Заповеднике. Ближе всех к двери сидел сам Гейченко. Мы понуро проходили сквозь этот безмолвно сидящий строй, а Семен Степанович каждой проходящей мимо него экскурсоводке щедро, по-отцовски, отвешивал увесистый шлепок по заднему мягкому месту.

С тех пор прошло много лет, но воспоминания об этом веселом, беззаботном времени моей жизни остались для меня самыми светлыми. Я с теплым чувством вспоминаю тех людей, которые меня тогда окружали, но особенно благодарна Гейченко за тот свет, который исходил от него, и за то, что в один из самых трагических моментов моей жизни он одним только своим присутствием смог поддержать меня. Это произошло в тот день, когда я хоронила отца. Дом у нас маленький, поэтому люди прощались с папой во дворе дома. Пришел проститься с папой и Гейченко. Семен Степанович моего папу всегда звал Санькой. На этот раз он ни слова не сказал, просто встал перед гробом на колени, так и простоял какое-то время.

Когда не стало Семена Степановича, я уже не работала в Заповеднике, поэтому, узнав о его смерти, сама пошла в Михайловское проститься с ним. На следующий день, когда Гейченко везли хоронить на Воронич, жители Бугрова всей деревней вышли навстречу к машине, которая везла гроб с его телом, и попросили, чтобы позволили им попрощаться с Семёном Степановичем»¹⁸³.

При Гейченко деревня Бугрово еще не входила в состав охранной зоны Заповедника, но директор не обходил ее вниманием. На протяжении тридцати лет Гейченко лелеял мечту о восстановлении бугровской мельницы в качестве музейного объекта. Хранитель музейного комплекса «Пушкинская деревня» в Бугрове Вячеслав Юрьевич Козмин писал: «Среди документов, находящихся в настоящее время в архиве музея, сохранился протокол научного совещания сотрудников Заповедника за 1956 год, в котором есть короткая запись «Обсуждался вопрос о водяной мельнице в Бугрове»¹⁸⁴. В 1986 году, еще при жизни Гейченко, в Бугрове появился новый экскурсионный объект: муляж водяной мельницы и дом мельника. В.Ю. Козмин пишет: «Бугровская мельница» стала последним музеем, созданным выдающимся музейщиком, своего рода его «лебединой песней»... Мечтой С.С. Гейченко было превращение в будущем деревни Бугрово в большой литературно-этнографический музей под открытым небом. Он не раз говорил хранителю нового музея: «К Пушкину в Михайловское надо ехать через русскую деревню, которая из него сделала гения»¹⁸⁵. Уже после смерти Семена Степановича его мечта была воплощена в жизнь.

¹⁸³ Воспоминания Н.А. Погореловой. Запись воспоминаний Е.В. Хмелевой.

¹⁸⁴ Козмин В.Ю. История музея «Мельница в деревне Бугрово» // Михайловская пушкиниана. Вып. 7. М., 2000. С. 22.

¹⁸⁵ Там же. С. 23.

ИСТОРИЯ ЗЕМЕЛЬ, ОТВЕДЕННЫХ В МИХАЙЛОВСКОМ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ ПОД НАРОДНЫЕ ГУЛЯНЬЯ, КАК ФРАГМЕНТ ИСТОРИИ ПУШКИНОГОРЬЯ

Небольшой земельный участок усадьбы Михайловское, ставший в советское время всемирно известной поляной, на которой ежегодно проводятся народные гулянья, приуроченные к дню рождения поэта, имеет многовековую историю. Под поляну, пригодную для проведения праздничных мероприятий, эта площадь была оборудована в 1950 году. До этого праздничные мероприятия в Михайловском с 1935 года устраивали на центральной усадьбе и на берегу реки Сороти. В 1967 году эти народные гулянья обрели новый, более высокий статус и стали называться Всесоюзными праздниками поэзии. Самые известные писатели и поэты Советского Союза считали за честь быть приглашенными сюда. Иной раз более 20 писательских делегаций из зарубежных стран приезжали на этот народный праздник. В 2019 году название праздника поменяли на «Дни пушкинской поэзии и русской культуры», но при этом его основные традиции сохранили.

В документах и публикациях поляну, о которой идет речь, в разные годы называли по-разному: «Центральное поле гулянья», «Площадь народного гулянья», «Большая площадка в селе Михайловском», «Главная площадка», «Большая поляна Михайловского», «Поляна народных гуляний», «Поэтическая поляна» и «Праздничная поляна», а в народе ее именуют «Пушкинской поляной» или «Михайловской поляной». Чтобы избежать путаницы в названиях, здесь этот земельный участок, входящий в состав усадьбы Михайловское, будем называть «Праздничной поляной».

Праздничная поляна является неотъемлемой частью Пушкиногорья, и история у них общая. Эта история уходит вглубь веков, о чем свидетельствуют названия водоемов, а также обнаруженные археологами на территории Пушкиногорского района артефакты. Раскопки проходили в том числе и на территории усадьбы Михайловского, составной частью которого является Праздничная поляна. На территории, занимаемой поляной, были обнаружены фундаменты строений, а также был обследован курган.

Интерес к истории этих мест был присущ и Александру Сергеевичу Пушкину. Так, 24 сентября 1824 года поэт писал брату Льву Сергеевичу из Михайловского: «Нет сомнения, что много драгоценного скрывается под землею, насыпанной веками». А сын поэта Григорий Александрович Пушкин, будучи взрослым, сам занимался раскопками в Михайловском

парке и в одном из древних курганов, расположенных на его территории, нашел нож.

На территории парка Михайловского до сих пор сохранилось несколько курганов славян-кривичей, датируемых VI–X веками. Кривичи пришли в эти места с бассейна Днепра и потеснили проживавшие на этой территории угро-финские племена, обосновавшиеся в лесах вблизи водоемов и добывавшие пропитание охотой и рыбной ловлей. Не исключено, что стойбища этих племен могли находиться вблизи территории или на территории, которую в наши дни занимает усадьба Михайловское. Вероятнее всего, это они дали название реке, возле которой расположена усадьба Михайловское и, соответственно, территория, где сейчас располагается Праздничная поляна.

Дело в том, что в северной и центральной части современной Псковской области в те далекие времена жили предки эстонцев. До сих пор представители этой национальности в названиях некоторых водоемов и населенных пунктов, расположенных на территории Пушкиногорья, улавливают полное или частичное сходство с эстонскими уже устаревшими либо исчезнувшими словами: Велье, Исса, Сороть. Например, как-то в начале двухтысячных годов Пушкинский Заповедник посетили музейщики из Эстонии. Их удивило название реки Сороти. В этом названии они уловили созвучие со зловещим словом «сорть». Так их далекие предки называли злобное, коварное, вездесущее четырехное и рогатое мифическое существо, приносившее людям много вреда и горя. Следует отметить, что река Сороть тоже коварна, поскольку в ней много омутов.

В VI веке славяне-кривичи, дойдя от Днепра до реки Великой и ее притока Сороти, в одних случаях вытесняли угро-финнов, в других — селились неподалеку от них. Предположительно, этот процесс длился не одну сотню лет. Живя по соседству, разнородные племена перенимали друг у друга хозяйственный и культурный опыт. Не исключено, что славяне-кривичи принесли в эти места культуру земледелия. Происходило взаимопроникновение двух культур, что способствовало формированию древнерусской народности.

На территории Пушкиногорского района археологи обнаружили много селищ, курганов и жальников. Одно из селищ, которому археологи дали название Михайловское 1, находится в черте усадьбы Михайловское между берегами озера Маленец и реки Сороти. Наверняка жители этого поселения либо собирали грибы и ягоды на территории, занятой в наше время Праздничной поляной, либо пасли скот, либо возделывали землю, либо совершали обряды.

Необходимо пояснить, что «селищами принято называть сельские поселения, не имевшие искусственных фортификаций. Многие селища существовали сравнительно ограниченный отрезок времени, укладываемый в несколько десятилетий, хотя часто период непрерывного существования сельского поселения на одном и том же месте исчислялся несколькими столетиями»¹⁸⁶. Таким было и селище Михайловское 1, о чем свидетельствуют результаты раскопок. Раскопки на территории селища проводились в 1960–1980-е годы сначала под руководством Василия Дмитриевича Белецкого, а затем Сергея Васильевича Белецкого.

Благодаря археологическим раскопкам удалось узнать, что селище Михайловское 1 существовало с эпохи раннего железного века по XVI век. Это было поселение славян-кривичей. Неподалеку от своего селения в невысоких курганах они хоронили умерших сородичей. От озера Маленец, на берегу которого находилось это древнее поселение, через парк Михайловского в сторону Праздничной поляны до сих пор в две линии тянутся 16 курганов VI–X веков.

Столько же курганов, датированных этим же временем, было обнаружено С.В. Белецким по другую сторону от поляны за хозяйственным двором Заповедника на Змеиной (Зиминной) горке.

Как правило, курганы насыпали на сухом возвышенном месте, вдоль берегов находящихся поблизости озер и рек. Кроме этого, как сказано в методической разработке «Далекое прошлое Пушкинского уголка», составленной начальником отдела краеведения, истории и археологии Пушкинского Заповедника М.Е. Васильевым и методистом отдела В.Г. Никифоровым, «курганы обычно возводили на песчаных почвах, параллельно дорогам, часто у перекрестков дорог, что имело сакральное значение». Эти сведения приводят к мысли о том, что на участке, занимаемом Праздничной поляной, тоже могли находиться курганы, являвшиеся утраченным звеном могильника, вдоль которого пролегла дорога, ведущая к селищу Михайловское 1. Эти курганы могли исчезнуть в результате хозяйственной деятельности человека. Последний из курганов, расположенных на территории Праздничной поляны, был утрачен не так давно. Он был исследован в 1980 году доктором исторических наук, ведущим научным сотрудником Института материальной истории и культуры Российской Академии наук, профессором Санкт-Петербургского университета культуры и искусств Сергеем Васильевичем Белецким.

¹⁸⁶ *Белецкий С.В.* Пушкиногорье до Пушкина // Михайловская пушкиниана. Вып. 31. Пушкинские Горы ; М., 2004. С. 92–93.

Белецкий в статье «Округа Вороноча» об этом кургане говорит следующее: «В 0,1 км к юго-западу от хоздвора музея-заповедника. Насыпь круглая, полусферическая. Диаметр 9 м, высота 0,8 м. Вершина уплощена»¹⁸⁷. Приблизительно такую высоту и диаметр основания имеют все круглые курганы псковских славян-кривичей. Возможно, в целях сохранности этот курган был спрятан в центре одной из четырех куртин, разбитых у дороги, ведущей через поляну к хоздвору Заповедника. Куртины эти были засажены редким видом высокого и очень колючего шиповника, носящего название «роза кустовая». Сквозь густые заросли этого колючего шиповника курган, находившийся в центре одной из куртин, даже после опадания листвы невозможно было разглядеть, а пробраться к нему, чтобы его увидеть, было очень сложно.

О наличии четырех куртин, расположенных на Праздничной поляне вблизи хозяйственного двора Заповедника, приводятся сведения в статье «Поэтическая поляна» как растительное сообщество» 2007 года. В ней говорится о том, что куртины находятся «в ближайшей к хозяйственному двору части поляны и имеют внушительный вид — высотой до 1,5–2 и диаметром от 5 до 10 метров. Таких куртин четыре. Хотя они обкашиваются довольно близко к крайним побегам, вблизи трех куртин формируется зона с отличными от фона растениями. Так, вокруг самой большой куртины много малины и купыря лесного. Внутри той же куртины, где стареющие побеги розы отмирают, их место также занимает малина»¹⁸⁸. Разумеется, биологов, исследовавших произрастающую на Праздничной поляне флору, не интересовал рельеф местности, поэтому о кургане, находившемся в центре одной из этих куртин, они не упомянули. Но очевидцы говорят, что курган в то время еще находился в центре куртины. Его крутые склоны были покрыты высокой травой, сквозь заросли этой травы у самой подошвы кургана пытались подняться по его склонам отдельные жиденькие побеги шиповника. На вершине холма шиповника не было: там росла жесткая трава и окруженные крапивой слабые кусты малины. Курган, некогда находившийся на территории Праздничной поляны, мог являться одной из ячеек в цепи древнего могильника. Следует отметить, что мало кто из работников Заповедника знал о наличии этого кургана.

¹⁸⁷ Белецкий С.В. Округа Вороноча // Михайловская пушкиниана. Вып. 31. Пушкинские Горы ; М., 2004. С. 37.

¹⁸⁸ Ганнибал Б., Синицына Т., Таловина Г., Ушакова Р. «Поэтическая поляна» как растительное сообщество // Михайловская пушкиниана. Вып. 43. Сельцо Михайловское, 2007. С. 88.

Что представляют собой курганы псковских славян-кривичей, дает пояснение В.В. Седов в труде «Восточные славяне в VI–VIII веках»: «Круглые курганы с сожжениями во всех особенностях погребального ритуала повторяют длинные насыпи, обязательной деталью является зольно-угольная подошвенная прослойка. Образовалась она в результате сгорания соломы и веток при разжигании огня с культовыми целями. Высота курганов 0,7–1,4 м, диаметр основания 12 м, вокруг насыпей обычны кольцевые ровики с перемычками и без них. Кремация умерших совершалась всегда на стороне на специальных погребальных кострах. Украшения и металлические части одежды сгорали при кремации, поэтому для псковских кривичей характерны захоронения без вещей. Остатки трупосожжений помещались в верхних частях насыпи. Урновые погребения встречаются в виде исключений»¹⁸⁹.

После того как исчезла культура захоронений в курганах и забылись языческие традиции, курганы, мешавшие земледелию, могли сравнять с поверхностью земли, что подтверждает межевой план Михайловского 1786 года. На этом плане на территории, занимаемой в настоящее время Праздничной поляной, там, где могла бы находиться цепочка курганов, соединяющая могильники парка Михайловского и Змеиной горки, отмечены обширные пахотные земли.

Возможно, эти земли были распаханы еще до Ганнибалов жителями селища Михайловское 1 или крестьянами деревни Зуево, появившейся до того, как Абрам Петрович Ганнибал на территории этой деревни основал свою усадьбу. Впервые эта деревня упоминается «в исповедных росписях Воскресенской церкви пригорода Воронич за 1740 год»¹⁹⁰, но не исключено, что она появилась раньше указанной даты.

Что касается селища Михайловское 1, то по данным археологических раскопок оно прекратило свое существование в XVI веке. Можно предположить, что эта деревня была разорена во время Ливонской войны.

Об этом тяжело для Псковской земли периоде истории академик Сергей Федорович Платонов в брошюре «Далекое прошлое Пушкинского уголка», изданной в 1927 году, пишет: «Русские крепости были разрушены, города ограблены и сожжены, население погибло или разбежалось»¹⁹¹.

¹⁸⁹ См.: Седов В.В. Восточные славяне в VI–VIII веках. М., 1982.

¹⁹⁰ См.: Новиков Н.С. Деревня Зуево, что ныне сельцо Михайловское // Михайловская пушкиниана. Вып. 44. Сельцо Михайловское, 2007.

¹⁹¹ Там же. С. 26.

Эта участь постигла и земли, относившиеся к крупному псковскому пригороду Вороноч, в состав которых входила деревня, расположенная между берегами озера Маленец и реки Сороти. В то время она принадлежала Михайловскому монастырю. С.Ф. Платонов пишет: «В окрестностях Вороноча были многочисленные пашни и пожни, не только крестьянские, но и городские — посадских людей, гарнизонных пушкарей и духовенства. Земельные участки духовенства особенно для нас интересны. Монастыри и церкви Вороноча владели кругом города целыми «губами» (то есть волостями и приходами): так, например, Спасский монастырь из Вороноча с Чичаговы горы владел Спасской губой; Ильинский монастырь из Вороноча — Ильинской губой; церковь «Егорий Святой» из Вороноча владела Егорьевской губой; Михайловский монастырь из Вороноча владел Михайловской губой...»¹⁹² Из этого следует, что деревня, условно названная селищем Михайловское 1, и прилегающие к ней территории, в том числе и территория, занимаемая в наше время Праздничной поляной, в то время принадлежали Михайловскому монастырю.

Что касается Михайловского монастыря, то он, по версии Василия Дмитриевича Белецкого, находился на территории городища Савкина горка. В статье «Археологические работы в Государственном заповеднике А.С. Пушкина» он пишет: «В XVI веке на площадке городища находился монастырь, погибший в 1581 году»¹⁹³. О том, что Михайловский монастырь стоял на городище, то есть на том месте, где прежде была крепость, свидетельствуют и записи в старых документах. Так, в одной из писцовых книг сказано: «Михайловского монастыря з городища пус. Стришково, в пусе 4 чети с осьминоу перелогу»¹⁹⁴. Михайловский монастырь «из Вороноча с городища» упомянут в писцовой книге 1585–1587 годов¹⁹⁵. В этой книге были сделаны записи, свидетельствующие о состоянии населенных пунктов, подвергшихся нашествию войск Батория.

«Когда после заключения мира с Баторием и удаления его армии из-под Пскова... туда явились в 1585–1587 годах московские «писцы» для описания городов и волостей, потерпевших от войны, то они застали

¹⁹² Платонов С.Ф. Далекое прошлое Пушкинского уголка. Исторический очерк // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 1. История. СПб., 1998. С. 22–23.

¹⁹³ Белецкий В.Д. Археологические работы в Государственном заповеднике имени А.С. Пушкина // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 2. Археология. СПб., 1998. С. 76.

¹⁹⁴ Платонов С.Ф. Далекое прошлое Пушкинского уголка. Исторический очерк. С. 79.

¹⁹⁵ Белецкий С.В. Округа Вороноча. С. 40.

полную «пустоту»... Вороноч был уничтожен. Пусты были и его окрестности. В составе оброчных статей приводятся такие сведения: «В Вороночском уезде рыбные оброчные ловли, а ныне их в оброк не взял никто». На первом месте писцы отметили: «В Михайловской губе от Вороноча от посаду за полторы версты озерко Маленец у Вороноча озера, по смете на три десятины, сквозь его течет река Сороть, а рыба в том озерке весною живет белая — щуки, лещи, плотицы, а летом да зимою рыба линии»... Как озерки оставались без рыболовов, так и пожни оставались без съемщиков. Писцы отмечали: «Всего в Вороночском уезде 148 пожен оброчных, а оброку в пусе 10 рублей и 5 денег». Это значит, что ни одна из 148 пожен не дала дохода, который шел с нее прежде, до войны»¹⁹⁶.

Платонов отмечает: «Неизвестно... когда и при каких обстоятельствах земли псковских пригоден... попали «во дворец», то есть вошли в состав дворцового хозяйства и ведомство приказа Большого Дворца»¹⁹⁷. «Возможна лишь догадка, что в него поступили после опустошений Стефана Батория все те земли, которых владельцы исчезли из житейского оборота и которые лежали «в пусе» и бездоходно. Перепись 1585–1587 годов могла послужить удобным материалом для того, чтобы определить, какие выморочные имущества возможно перевести «на государя» в его «дворец»¹⁹⁸.

Таким образом территория, занимаемая в наше время Праздничной поляной, вошла в состав царских владений. Известно, что в марте 1712 года Петр I отдал своей сестре Наталье Алексеевне «139 дворов Псковской Вороночской волости с положенными денежными и хлебными доходами (Кабинет Петра В., Отд. II, № 92, л. 426–427)»¹⁹⁹.

Затем этими землями владела Екатерина Иоанновна, средняя из пяти дочерей царя Иоанна Алексеевича.

В 1742 году часть земель Михайловской губы, принадлежавших Екатерине Иоанновне, была пожалована «в вечное владение» прадеду поэта Абраму Петровичу Ганнибалу в «воздаяние заслуг, оказанных им Отечеству». При пожаловании А.П. Ганнибалу Михайловской губы в грамоте было означено, что земля эта была приписана ко «дворцу» после кончины Екатерины Иоанновны, которой она принадлежала, конечно, тоже по подаче из «дворца»²⁰⁰. Документы свидетельствуют о том, что Абрам

¹⁹⁶ Белецкий С.В. Округа Вороноча. С. 27.

¹⁹⁷ Там же. С. 37.

¹⁹⁸ Там же. С. 39.

¹⁹⁹ Там же. С. 37.

²⁰⁰ Там же.

Петрович Ганнибал на этих землях основал две усадьбы: Петровское и Михайловское. Михайловское было основано на месте деревни Зуево.

По архивным сведениям, обнаруженным Николаем Степановичем Новиковым в исповедных росписях Георгиевской церкви, с 1768 по 1769 год в Зуеве сокращается как количество дворов, так и количество крестьян. В 1770 году деревня Зуево уже не значилась — всех жителей переселили в соседние деревни. Возможно, одной из деревень, в которую переселили зуевских крестьян, была деревня Косохново. Василий Захарович Голубев в статье «Из истории Пушкинского Заповедника» пишет: «...Старики деревни Косохново помнят, что когда-то в старину их отцы говорили: «Не все семьи из деревни исконные косохновцы. По воле барина несколько семей было переселено из другого места, а откуда и какие семьи были переселены, уже никто не помнит»²⁰¹.

После переселения крестьян на месте Зуева было заложено усадище с названием Устье²⁰². Устьем называется место впадения реки или ручья в другой водоем. Такое место имеется и в Михайловском. Это место впадения безымянного ручья в реку Сороть. Как раз в этом районе археологи и обнаружили регулярную застройку, о чем имеются сведения в статье Татьяны Павловны Смирновой «Парк и пейзаж Михайловского», опубликованной в альманахе «Русская усадьба»: «Археологические раскопки, проведенные институтом «Псковспецпроектреставрация», уточнили местонахождение построек, показанных на плане 1786 года. Оказалось, что господский двор середины XVIII века располагался восточнее комплекса усадебных построек XIX века. Институт «Леспроект», Л.Ф. Пузанкова, также подтвердил расположение усадьбы регулярной планировки на выделенной части территории»²⁰³.

Действительно, на межевом плане Михайловского 1786 года видно, что по обеим сторонам от пруда, через который протекает безымянный ручей, когда-то стояли друг напротив друга три строения большого размера. Два из них вытянулись в одну линию вдоль всего левого берега водоема (если смотреть от верхнего пруда). Третье, самое большое строение находилось по правую сторону от пруда. Судя по тому, что оно было отмечено напротив выпуклого изгиба берега озера Кучане, можно прийти к выводу, что эта постройка стояла на территории, которая впоследствии

²⁰¹ Голубев В.З. Из истории Пушкинского Заповедника // Временник Пушкинской комиссии. 1941. № 6. С. 391.

²⁰² Новиков Н.С. Деревня Зуево, что ныне село Михайловское. С. 9.

²⁰³ Смирнова Т.П. Парк и пейзаж Михайловского // Русская усадьба. 2000. Вып. 6 (22). С. 243.

вошла в состав Праздничной поляны. Расположено строение было неподалеку от склона холма, у подошвы которого с одной стороны вытекал из пруда Безымянный ручей, впадающий в реку Сороть, а с другой стороны вытекала из озера Кучане река Сороть. Эта постройка была обведена с четырех сторон двумя чертами, что скорее всего являлось свидетельством его значимости, поскольку в инструкции по межеванию земель, составленной Екатериной Великой, говорилось о том, что самые значимые объекты, отмеченные на межевых планах, должны быть обведены двумя межами, то есть обводами. В инструкции отмечено: «...За начальный пункт принимать какое-нибудь публичное в городе, из каменных ли, земляного вала, другое ли какое: только знаменитое строение, или примечания достойное место... и наблюдать, чтобы этот пункт век заглажен не был. Первая межа с непременною верностью обойдена была, ибо оная верности доводителничею и прибежищем поверения другим обводам, окружающим оную, настоять всегда будет»²⁰⁴.

После смерти Абрама Петровича Ганнибала его сын Осип Абрамович Ганнибал перенес господский двор на место скотного двора, о чем свидетельствуют документы, обнаруженные Н.А. Малевановым. Он пишет: «Для истории сельца Михайловского ценно свидетельство современников о том, что «господский дом со службами» построен на месте, где был прежде скотный двор, последний за ветхостью был разобран и сделан в другом месте. По описанию 1788 года на вновь построенном собственным иждивением О.А. Ганнибала скотном дворе было шесть хлевов деревянных, построенных в одну линию, длиною 17 ½ сажени, двор, забратый в столбы заборником, 20 ½ в длину. Хлевы и двор были крыты «под один шатер соломою...»²⁰⁵

Неизвестно, когда были снесены постройки, поставленные при А.П. Ганнибале. Возможно, их приспособили под хозяйственные нужды, а самое большое строение могли использовать как флигель.

Следует отметить также то, что в настоящее время мы знаем о местонахождении трех флигелей, находящихся на усадьбе Пушкиных, но в «Описи села Михайловского» 1838 года отмечены четыре флигеля, один из которых, судя по количеству окон, дверей и печей, был самым большим по размеру. Это было здание «с тремя комнатами, в каждой по русской печи с железными замками и чугунными вьюшками, окон небольших

²⁰⁴ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 15. Ярославль, 1991 [репринтное издание 1890 года]. С. 321.

²⁰⁵ Малеванов Н.А. Новые документы о предках А.С. Пушкина // Михайловская пушкиниана. Вып. 8. М., 2000. С. 38.

с рамами и стеклами семь. Дверей простых на крюках и петлях железных с таковыми же скобами четыре. Крыт соломою»²⁰⁶.

Кто знает, может быть, именно этот дом воспел Николай Михайлович Языков в стихотворении «На смерть няни А.С. Пушкина».

Там, где на дол с горы отлогой
Разнообразен сходит бор
В виду реки и двух озер
И нив с извиистой дорогой...
Где, древним садом окружен
Господский дом уединенный
Дряхлеет, памятник почтенный
Елисаветинских времен...²⁰⁷

Не мог Языков назвать «памятником почтенным елисаветинских времен» дом, построенный при Осипе Абрамовиче Ганнибале. К тому же дом Осипа Абрамовича Ганнибала невозможно было назвать «уединенным», поскольку по обеим сторонам от него стояли служебные постройки, а вместо «древнего сада», окружающего дом, красовался сквер, который «во время Пушкина тщательно поддерживался»²⁰⁸.

Не соответствовало нормам убранства гостиной и убранство комнаты, в которой в присутствии Арины Родионовны молодежь проводила время за дружеской беседой:

Вон там, обоями худыми
Где-где обитая стена
Пол не чиненый, два окна,
Да дверь стеклянная меж ними²⁰⁹.

Отсюда напрашивается вывод, что описанное Языковым действие происходило не в доме, построенном Осипом Абрамовичем Ганнибалом, а в другом, более старом, заброшенном, окруженном «древним садом». Кто знает, может быть, здесь-то и жила летом няня Пушкина. На эту

²⁰⁶ Щеголев П. Пушкин и мужики. М., 1928. С. 266.

²⁰⁷ Языков Н.М. Стихотворения. Сказки. Поэмы. Драматические сцены. Письма. М. ; Л., 1959. С. 175.

²⁰⁸ Осипова М.И. Рассказы о Пушкине, записанные М.И. Семеvским // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1985. С. 426.

²⁰⁹ Языков Н.М. Сочинения. Л., 1982. С. 133.

мысль наталкивает тот факт, что нет никаких сведений о том, что она жила в «Баньке». Баньку стали называть «Домиком няни» только в начале XX века, после того, как был открыт музей Пушкина при Колонии престарелых литераторов.

Не исключено, что на земельном участке, занятом под Праздничную поляну, в пушкинское время могло находиться не только это строение XVIII века, но и гумно. При Пушкиных, согласно 8-й описи села Михайловского, составленной в 1838 году и приведенной в работе П. Щеголева «Пушкин и мужики», изданной в 1928 году, кроме господского дома было перечислено 14 построек, среди которых значится «гумно с двумя»²¹⁰. Понятие «с двумя», вероятнее всего, свидетельствует о том, что в одной постройке и сушили, и обмолачивали зерновые. В связи с этим вспоминаются строки из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»:

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи —
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых...²¹¹

Этот сельский пейзаж узнаваем до сих пор: вблизи от Праздничной поляны раскинулся пруд «под сенью ив густых», в котором, как и прежде, плавают дикие утки. Сохранился и «песчаный косогор», спускающийся к пруду. Правда, он теперь выглядит иначе, поскольку еще при сыне поэта Григории Александровиче Пушкине он был укреплен липовыми насаждениями, а со временем его склоны покрылись травой.

Что касается местонахождения гумна, то при Александре Сергеевиче Пушкине оно, скорее всего, находилось на том же месте, где стояло при его сыне Григории Александровиче, то есть справа от льнохранилища, на земельном участке, входящем в наше время в состав Праздничной поляны.

Об этом свидетельствуют обозначения на схеме усадьбы Михайловского, составленной в 1899 году Иваном Павловичем Беляевым

²¹⁰ См.: Щеголев П. Пушкин и мужики.

²¹¹ Пушкин А.С. Евгений Онегин. Отрывки из путешествия Онегина // А.С. Пушкин. Золотой том. М., 1993. С. 194.

по случаю продажи Григорием Александровичем Пушкиным родового имения в казну. На схеме Беляева по обеим сторонам от риги, расположенной на той территории, которая в наше время входит в состав Праздничной поляны, были расположены на приличном расстоянии два сенных сарая.

По сведениям Марии Альбертовны Козиной, полученным ею от работника Пушкинского Заповедника Николая Дмитриевича Шенделя, рига была сожжена фашистами, потому что в ней во время фашистской оккупации находился тифозный барак. То же самое рассказывала автору свояченица Шенделя, Мария Алексеевна Шпинева. Разница сведений, полученных от опрошенных, заключалась только в том, что тифозный барак был размещен в здании метеостанции, на которой она работала до войны. Мария Алексеевна показала на схеме Беляева местонахождение метеостанции, указав на прямоугольник под номером 20, что обозначало ригу, то есть гумно; также она отметила, что отдельные камни от фундамента метеостанции в настоящее время можно увидеть среди деревьев и редких кустов, растущих небольшим островком слева от дороги, ведущей от усадьбы к хозяйству Заповедника.

Мария Алексеевна Шпинева вспоминала:

«В 1936 году я закончила восемь классов и устроилась на метеостанцию ученицей. Метеостанция находилась в Михайловском. Она была расположена на той поляне, где в настоящее время проходят Праздники поэзии. Камни от ее фундамента сохранились. Они выступают из-под земли с левой стороны дороги, ведущей через поляну к хозяйству. На этом месте теперь растут высокие липы, березы, кусты, а на краю этих зарослей, ближе к дороге — раскидистая яблоня со сладкими яблоками.

В те времена от метеостанции вплоть до михайловской электростанции, стоявшей у кромки леса, тянулся молодой заповеднический фруктовый сад, раскинувшийся на четыре гектара и засаженный мичуринскими саженцами. Бывало, выйдешь летом за дверь — тут тебе и яблоки наливаются, и ягоды зреют...»²¹²

Электростанция, которую упомянула Мария Алексеевна, была запущена при Василии Захаровиче Голубеве. Он же пригласил на работу в Заповедник механиком-дизелистом на электростанцию Петра Петровича Святогорова.

О михайловской электростанции оставил воспоминания сын Петра Петровича Святогорова Георгий Петрович Святогоров:

²¹² *Хмелева Е.В.* «Минувшее проходит предо мною...» // Псков. 2018. № 48. С. 232–233.

«Я родился в 1933 году в Пушкинских Горах в больнице. В той самой больнице, которая была построена еще до революции. Сначала наша семья: мать, отец, сестра Римма и я жили в деревне Шаробыки. Наш маленький домик стоял на берегу озера. Когда в Пушкинском Заповеднике стали строить электростанцию, моего отца Петра Петровича Святогорова взяли на работу в Заповедник дизелистом-механиком. Отец работал в Заповеднике как до войны, так и в послевоенное время. В годы фашистской оккупации ему удалось спрятать отдельные музейные экспонаты и фотографии — всё это было передано Пушкинскому Заповеднику.

Когда отец устроился на работу в Заповедник, нашей семье выделили дом, стоявший рядом с электростанцией. Летом в доме было хорошо, а зимой мы в нем замерзали, потому что постройка была не мшеной (т. е. не утепленной мхом. — **Прим. ред.**). В сильные морозы температура в этом доме опускалась до восьми градусов мороза. Однажды мы с сестрой случайно опрокинули бочонок с водой: вода сразу замерзла, и мы катались по полу, как на катке.

Потом наша семья выкупила здание пекарни, стоявшее на краю городища Савкина горка. Мы его отремонтировали и приспособили под жилье. Постройка была бревенчатая, обитая лучиной, оштукатуренная, окрашенная охрой. Рядом с домом мы поставили баньку, сенной сарай, хлев. До войны мы держали корову Белку, поросенка, кур, пчелок.

Хотя наша семья перебралась в Савкино, я, как и прежде, часто бывал в Михайловском, заходил к отцу на электростанцию. Здание электростанции было новое, кирпичное, оштукатуренное, под черепичной крышей. Внутри стены тоже были оштукатурены, а пол был асфальтовый. Когда на электростанции работал дизель, там стоял такой грохот, что кроме этого грохота ничего не было слышно. Как-то директор Заповедника Голубев обходил объекты, проверял, всё ли в порядке, зашел и на электростанцию к отцу. Видит — отец как есть «под шафе». Мой отец не был пьяницей, он был человеком уважаемым, перед ним даже старики при встрече снимали шапки и, кланяясь, приветствовали: «Здравствуй, Петр Петрович», — а тут такая оказия... На электростанции дизель работает, гремит так, что разговаривать невозможно. Как директору проверить, в каком состоянии подчиненный? Можно ему работать или нет? Голубев не будь промах: на одной руке показал два пальца и на другой столько же — мол, сколько будет дважды два? Отец ему точно так же показал в ответ четыре пальца. Василий Захарович похлопал отца по плечу, что означало: работай дальше.

Мой отец, работая дизелистом, одновременно работал кладовщиком. Склад в то время находился в здании льнохранилища. На складе чего только не было, в том числе там хранился мед, собранный на пасеке Михайловского. Однажды отец открыл склад и поймал в нем воришку, одного из работников Заповедника. Оказалось, что этот работник ночью вместе с другом проделал отверстие в черепичной крыше склада и с бидончиком для меда хотел спуститься в помещение на веревке, да веревка под его тяжестью оборвалась...

Я хоть и маленьким был, но знал многих работников Заповедника, потому что часто бегал в Михайловское. Знаком был и с директором Заповедника Василием Захаровичем Голубевым, и с его заместителем Николаем Ивановичем Аксеновым, и с лесоводом Кузьмой Афанасьевым, и с двумя Васями, работавшими на хоздворе. Один из них был маленького росточка, примерно метр пятьдесят, не больше, а другой был высокий. Их так и называли: «Вася маленький» и «Вася большой»²¹³.

С лесоводом Кузьмой Афанасьевым у Святогорова даже завязалась дружба. Это произошло после того, как Афанасьев поймал его за воровством ягод в «заповедническом саду». Это был тот самый сад, который тянулся от метеостанции до электростанции и о котором во Временике

*Семья Святогоровых.
Стоит слева — Георгий Петрович,
рассказчик,
справа — его сестра Римма Петровна.
Сидят: отец, Петр Петрович,
и мать, Елена Евгеньевна*

²¹³ Хмелева Е.В. «Война гуляет по России, а мы такие молодые...» // Псков. 2017. № 46. С. 136–137.

Пушкинской комиссии (1936) писали: «Разведен новый фруктовый сад на 4 га, а в старые фруктовые сады посажены мичуринские саженцы».

Георгий Петрович Святогорov вспоминает:

«В Михайловском мне каждый уголок был хорошо знаком. Особенно меня привлекали такие уголки, где можно было полакомиться яблоками или ягодами. Так, у пруда, напротив того дома, где после войны поселился Гейченко, росла красная райка, а возле конторы — желтая райка (также райка, китайка, райская яблоня; мелкоплодная яблоня. — **Прим. ред.**). Ее ветви спускались к самой крыше. Раз полез я за райками по этой крыше, да чуть было не свалился. Крыша конторы была крыта дранкой, поросшей лишайником. К тому же в то время дранка после дождя была скользкой. Я не удержался на этой крыше и стал сползать вниз, чуть было не упал, хорошо, что смог за что-то зацепиться».

Яблони росли не только на усадьбе, но и в саду, который находился там, где теперь проводят праздники поэзии. В этом саду также было много малины и кустов смородины. Садом пользовались все работники Заповедника. Я тоже как-то пошел с бидончиком за малиной. Вот я сижу, собираю в кустах ягоды и вижу: сам лесовод Кузьма Афанасьев по дорожке на двухколесной бричке едет. Нет чтоб в кустах тихонько отсидеться — я с перепугу сиганул в лес, чуть под бричку не попал.

Впоследствии мы с Афанасьевым познакомились и подружились. Кузьма прихрамывал, поэтому ходил с тросточкой. Я в то время сутулился, так Кузьма всё старался мне осанку исправить: бывало, заставит меня сцепить за спиной руки, а сам мне свою тросточку между спиной и руками вставит. Так и выправил мне осанку. С тех пор я не сутулюсь»²¹⁴.

Начиная с 1935 года в Пушкиногорье стали отмечать дни рождения Пушкина. В 1935 году этому событию был посвящен выпуск местной газеты «Пушкинский колхозник». Праздничный выпуск, в отличие от «обычных», был напечатан красной краской.

Мария Алексеевна Шпинева вспоминала:

«Народ гулял и на усадьбе, и под склоном михайловского холма вдоль русла Сороти, и у озера Маленец, и у озера Кучане. Добирались на праздники кто пешком, кто на лошадях, кто на грузовиках. Однажды к нам на праздник из самой Москвы приехала целая команда велосипедистов. Чего только в эти дни не было: тут тебе и выступления, и гулянки с песнями, с частушками, с плясками, и ряженные, изображающие героев пушкинских произведений, и конные состязания, и листовки с напечатанными на них стихами Пушкина. Эти листовки сбрасывали с аэроплана».

²¹⁴ См.: *Хмелева Е.В.* «Война гуляет по России, а мы такие молодые...»

В [19]36-м году во время празднования дня рождения Пушкина один такой аэроплан рухнул в озеро Кучане. Хорошо, что упал недалеко от берега и всё закончилось благополучно: и летчика выловили, и аэроплан вытащили. Летчика привели к нам на метеостанцию. Мы вызвали к нему скорую помощь, а до ее приезда отмывали летчика от крови и смазывали ему перекистью водорода ссадины. Он нам в это время рассказывал о себе. Что именно говорил, я уже не помню. Из всего сказанного запомнила только то, что он прилетел к нам на праздник из Великих Лук»²¹⁵.

Через пять лет, находясь в помещении метеостанции на рабочем месте, Мария Алексеевна получила сведения о наступлении немцев и приказ об эвакуации.

В 1943 году на территории Пушкинского Заповедника стали возводить оборонительные сооружения. Эта же участь постигла и территорию, на которой в послевоенное время была оборудована Праздничная поляна.

После окончания Великой Отечественной войны работник Пушкинского Заповедника Василий Яковлевич Шпинев снял копию с «Плана центральной части с. Михайловского с нанесением на нем военно-оборонительных сооружений немцев 1943–1944 годов». На этом плане видно, что на территории, вошедшей позднее в состав Праздничной поляны, было обозначено пулеметное гнездо, минные поля, окопы, траншеи, проволочные ограждения, пять бункеров, обширная территория, изрешеченная разрывами мин и снарядов, а также строения метеостанции и двух сараев, расположенных по обе стороны от нее. На этом же участке на схеме Беляева были отмечены рига и два сарая.

Разминирование Михайловского и расчистка завалов начались летом 1944 года сразу после приезда в Михайловское Чрезвычайной Государственной Комиссии. Самыми первыми работниками в Заповеднике сразу после его освобождения стали две местные девушки, двоюродные сестры: Маша, Мария Алексеевна Шпинаева, и Таня, Татьяна Николаевна Белькова. Принял их на работу в Пушкинский Заповедник один из членов Комиссии, директор Института русской литературы Академии наук СССР Лебедев-Полянский (Пушкинский Заповедник с 1933 года был филиалом Института русской литературы Академии наук СССР)²¹⁶.

²¹⁵ Воспоминания М.А. Шпинева. 2017. Архив автора.

²¹⁶ Подробнее об этом см.: *Хмелева Е.В.* «Минувшее опять проходит предо мною...» Пушкиногорье и Пушкинский Заповедник в воспоминаниях М.А. Шпинева. С. 128–151 настоящего издания.

Рассказывает Мария Алексеевна Шпинаева:

«Как только нас с Таней взяли в Заповедник, мы сразу приступили к работе, стали зарывать окопы. Через два дня после этого появился в Михайловском довоенный заместитель директора Заповедника по хозяйственной части Николай Иванович Аксенов... После освобождения Заповедника Аксенов сам на себя взял обязанности директора. Сначала он принял на работу в Заповедник семь человек, а к августу нас стало уже 17. Основным нашим занятием была расчистка усадьбы и парков от завалов.

Работы было достаточно: парк был настолько завален деревьями и хворостом, что пройти было невозможно. Кругом были траншеи, на месте разрушенных построек лежали груды обгоревшего мусора»²¹⁷.

1 июня 1945 года директором Пушкинского Заповедника был назначен Семен Степанович Гейченко. Прибыв накануне дня рождения Пушкина в Михайловское, он стал очевидцем того, во что были превращены пушкинские места: «В год освобождения Михайловское являло вид печальной развалины. По дорогам и памятным аллеям ни пройти ни проехать. Всюду завалы, воронки, разная вражья дрянь. Вместо деревень ряд печных труб... Людей мало. Солдаты-саперы разминируют пушкинские поля, луга, рощи и нивы. Изредка раздаются гулкие взрывы... На большой поляне у въезда в Михайловское расположились войска, которым было поручено в ближайшие месяцы очистить пушкинскую землю от взрывчатки»²¹⁸.

Территория Заповедника была настолько густо напигована минами, что после отъезда саперов на протяжении многих десятилетий время от времени доводилось находить эти опасные сюрпризы. Особенно часто они попадались в первые послевоенные годы, в том числе и на территории теперешней Праздничной поляны. Николай Дмитриевич Шендель рассказывал сотруднику Пушкинского Заповедника Марии Альбертовне Козминой о том, что там, где теперь находится эта поляна, после отступления фашистов оставались не только мины, но и два пулеметных гнезда. Здесь следует пояснить, что на «Плане центральной части с. Михайловского с нанесением на нем военно-оборонительных сооружений немцев 1943–1944 годов» второе пулеметное гнездо находилось в нескольких десятках метров от территории, которая впоследствии вошла в состав Праздничной поляны. Николай Дмитриевич Шендель, будучи

²¹⁷ Воспоминания М.А. Шпинаевой. 2017. Архив автора.

²¹⁸ *Гейченко С.С.* Профессор и колхозник читают в Михайловском седьмую главу «Онегина» // С.С. Гейченко. У лукоморья. Л., 1977. С. 162–163.

инвалидом войны по зрению, во время работы в Пушкинском Заповеднике занимался разминированием его территории, в том числе и территории, на которой теперь находится Праздничная поляна. Если он не мог обезвредить мину, то место ее нахождения обсаживал колючим кустарником, чтобы никто на этой мине не подорвался.

В 1945 году в Михайловском возобновились Пушкинские праздники. Гейченко в новелле «Профессор и колхозник читают седьмую главу «Онегина» пишет:

«Весна 1945 года. Скоро первое воскресенье июня. Первый послевоенный Пушкинский праздник, традиция которого была прервана войной. К нему люди готовились с особенной радостью, и хотя у каждого было свое горе, всё же спешили навести какой-то порядок на своих усадьбах и на усадьбе Пушкина.

Утром 6 июня в Михайловском собралось тысяч десять народу. Ни лошадей, ни машин. Все пришли пешком. Иные пришли за пятьдесят километров. Много калек — инвалидов войны. Это были «смотрины» — встреча тех, кто остался жив после гитлеровского нашествия. На временной арке, сколоченной из жердей, висел самодельный веселый портрет поэта с надписью на кумаче «Здравствуй, Пушкин!». Его написал самоучка-художник, сапер. В центре поля стояли войсковые походные кухни, здесь гостям был предложен чай. Подумать только — с сахаром»²¹⁹.

Первый послевоенный Пушкинский праздник закончился — и возобновились работы по восстановлению Пушкинского Заповедника. Старались как можно больше сделать к 150-летию со дня рождения поэта. Уже тогда, в первые послевоенные годы, помимо основных запланированных работ Семен Степанович Гейченко стал вынашивать план проведения Пушкинских праздников на той территории, где до войны находилась метеостанция и плодоносил огромный фруктово-ягодный сад, принадлежавший Пушкинскому Заповеднику. Он надеялся, что в 1949 году народное гулянье, устроенное в честь 150-летия Пушкина, будет проведено не на берегу Сороти, а на большой площади, где каждый пришедший на пушкинский юбилей сможет послушать выступление литераторов, посмотреть выступление артистов и коллективов художественной самодеятельности, встретиться с друзьями, познакомиться с новыми людьми, показать свои собственные способности на танцплощадке или на футбольном поле, покататься на каруселях, сфотографироваться

²¹⁹ Гейченко С.С. Профессор и колхозник читают в Михайловском седьмую главу «Онегина». С. 162–163.

в фотоателье либо сделать стрижку, а затем выпить стакан горячего чая с пирожком, сидя в ресторане.

В послевоенное время по поручению Гейченко Василием Яковлевичем Шпиневым был составлен по «глазомерной съемке» «План площади в с. Михайловском, предполагаемой для народного гулянья в 150-летие юбилея 1949 года». На этом плане рукою Семена Степановича Гейченко были отмечены карандашом места, предназначенные для установки трех эстрад, площадок для аттракционов, для самодеятельности и танцев, футбольного поля, мест для показа фильмов, фотоателье, парикмахерской, ресторана и поста. К сожалению, к пушкинскому юбилею эту задумку полностью не удалось воплотить в жизнь, поскольку территория еще не была расчищена. Об этом свидетельствовал в своих воспоминаниях Виктор Григорьевич Никифоров: «В 1949 году, когда в Михайловском широко отмечали 150-летие со дня рождения А.С. Пушкина, то место, где находится теперь Праздничная поляна, еще не было расчищено. Я тогда еще был мальчишкой. С матерью и старшим братом Николаем, как и все местные жители, мы пришли в Михайловское. Шли через Бугрово, затем Михайловским лесом и вышли к тому месту, где теперь проходят Пушкинские праздники. Поляна была изрыта окопами, где-то были видны остатки оборонительных сооружений, где-то валялись камни и обгоревшие бревна. На том месте, где теперь находится поляна, росли деревья, кустарник и стояла некошенная трава. Зато на усадьбе к тому времени уже был восстановлен «Домик няни» и Дом-музей Пушкина. Парк к тому времени был приведен в порядок. Празднование дня рождения Пушкина проходило на поляне за «Домиком няни» и вдоль русла реки Сороти. На поляне было очень много народу, мы остановились у самого края. И вот слышу, как кто-то говорит (точных слов я, конечно, не помню), что из Америки на наш праздник, преодолев все препятствия, приехал замечательный негритянский певец Поль Робсон. Раздались аплодисменты. Он произнес небольшую речь, которую на русский язык перевел пожилой мужчина, а потом запел: «Широка страна моя родная...» Я и раньше из репродуктора слышал эту песню в его исполнении, но теперь это было, как говорят, «живую». Столько было теплоты в этом голосе, мощи, трепетной нежности. Когда Поль Робсон закончил, все встали со своих мест. Раздались такие оглушительные и жаркие аплодисменты, каких я больше никогда не слышал»²²⁰.

²²⁰ Воспоминания В.Г. Никифорова. Запись Е.В. Хмелевой. 3.03.2002. Архив автора.

Видимо, на Виктора Григорьевича, который был еще ребенком, выступление Поля Робсона произвело такое сильное впечатление, что другие мероприятия, проводившиеся на этом народном празднике, он не считал нужным упомянуть. О том, как отмечался этот праздник, свидетельствует программа народного гулянья в Михайловском, опубликованная в районной газете «Пушкинский колхозник» от 29 мая 1949 года:

«...Карнавальное шествие героев произведений Пушкина, концерты артистов ленинградских театров эстрады и цирка, Псковского областного драматического театра, областного театра кукол.

Концерты художественной самодеятельности предприятий и колхозов области (чтение произведений А.С. Пушкина, народные хоры, танцевальные коллективы, певцы, гармонисты и т. п.).

Дневное кино. Демонстрация пушкинских кинофильмов. Спортивные выступления, катания на лодках по реке Сороти. Атракционы: карусель, качели, тир, комната смеха и др. Книжный базар.

На гулянье будут работать столовые, буфеты, павильоны, ларьки по продаже прохладительных напитков, мороженого, продовольственных и промышленных товаров. Место стоянки автотранспорта и гужевого транспорта у деревни Бугрово»²²¹.

Задумка С.С. Гейченко о проведении пушкинского юбилея в 1949 году пусть и не полностью, но была воплощена в жизнь.

После юбилейных торжеств продолжилась работа по ликвидации последствий войны. Необходимо было полностью освободить всю территорию Пушкинского Заповедника от оставшегося после войны мусора, зарыть окопы, траншеи, убрать блиндажи и так далее. В том числе необходимо было подготовить территорию под планировку и дальнейшее оборудование «центрального поля гулянья», предназначенного для проведения мероприятий к дню рождения Пушкина. Вплотную этим занялись в 1950 году. В отчете о проделанной на территории Пушкинского Заповедника работе говорится следующее: «Михайловский лес — участок в районе электростанции (1,5 га), оз. Маленец 1,1 га, Зимина гора, проведена очистка участков от захламленности... буреломом и валежника военных лет. Прочистка и разреживание соснового молодняка, ольхи, осины и другие работы производились артелью «Инвалид», дорожным отделом Пушкиногорского исполкома, «Раймолоко» Пушкинских Гор»²²².

К 1950 году вся территория Михайловского была расчищена, тогда же была сделана планировка поляны, на ней установили сцену для вы-

²²¹ Пушкинский колхозник. 29.05.1949.

²²² Архив Пушкинского Заповедника (АПЗ). КП 9. Л. 71.

ступлений, перед которой поставили скамейки, а поодаль от нее, на том участке, где до сих пор лежат большие камни, подвесили в ряд несколько качелей в виде лодочек. С тех пор на этой поляне стали ежегодно проводить Пушкинские праздники. В акте, составленном 10 июня 1950 года, были приведены сведения о стройматериалах, предназначенных для «благоустройства площади народного гулянья к 151-й годовщине со дня рождения А.С. Пушкина». В этом документе даются сведения о материалах для строительства качелей, оборудования площадки для различных игр, об изготовлении 60 стационарных скамеек, 50 столбов для указателей²²³.

После окончания праздника «вышеобозначенное оборудование было передано Заповеднику для постоянного оформления площади»²²⁴.

Так благодаря архивным документам удалось узнать о том, что начиная с 1950 года Пушкинские праздники в Михайловском стали отмечать на поляне, которую в этой статье мы условились называть Праздничной поляной, но самое первое ее название было «Площадь народного гулянья».

После окончания народного праздника, посвященного 151-й годовщине со дня рождения А.С. Пушкина, в акте, составленном в июне 1950 года, было сказано: «Товарищ Золоцевская сдала, а товарищ Зиновьев принял для оформления центрального поля гулянья в честь 151-й годовщины со дня рождения А.С. Пушкина в Михайловском следующее:

Портрет Пушкина большого формата.

Народные качели.

Программы народного гулянья.

Указатели, исполненные водяными красками, 58 штук.

По окончании народного гулянья 12 числа 1950 года программы и указатели были ликвидированы вследствие дальнейшей их непригодности. Портрет и качели оставлены на хранение в Пушкинском Заповеднике, так как после ремонта они могут быть использованы на народном гулянье в следующем году»²²⁵.

²²³ Архив Пушкинского Заповедника (АПЗ). КП 9. Л. 75.

²²⁴ Там же.

²²⁵ АПЗ. КП 10. Л. 510.

Об авторе

Елена Васильевна Хмелева родилась 14 октября 1953 года в поселке Пушкинские Горы. Большая часть ее трудовой деятельности связана с Пушкинским Заповедником: с 1971-го по 1977-й, с 1984 года по настоящее время. Экскурсовод, научный сотрудник, старший методист и увлеченный краевед, влюбленный в свою малую родину, в ее историю и в живущих здесь людей.

Долгие годы были отданы работе по сбору воспоминаний местных жителей о страшном времени в истории Пушкиногорья — 1941–1944 годах, периоде оккупации немецко-фашистскими войсками. Обладая удивительной мягкостью и деликатностью в общении с людьми, Елена Васильевна беседовала со многими свидетелями тех лет и вела записи этих бесед. Ей удалось собрать большой объем устных воспоминаний о том, что происходило тогда в Пушкинских Горах, как местные жители противостояли установленному немцами порядку. Цель этих встреч и издания этого сборника сама автор обозначает так: «Чтобы помнили «потомки православных земли родной минувшую судьбу».

Содержание

[ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО].....	3
ЭСТАФЕТА ПАМЯТИ	
Пушкиногорский район в годы фашистской оккупации в воспоминаниях пушкиногорцев	4
ВОЙНА И МИР ТАМ, ГДЕ ПРОХОДИЛА «ПАНТЕРА»	
По воспоминаниям жителей Пушкиногорского района Псковской области	34
«ВОЙНА ГУЛЯЕТ ПО РОССИИ, А МЫ ТАКИЕ МОЛОДЫЕ...»	64
«ШЛА ДИВИЗИЯ ВПЕРЕД...»	
Из истории 144-й гвардейской Ельнинской Краснознаменной ордена Суворова мотострелковой дивизии	89
ГЕРОИ ПУШКИНОГОРЬЯ.....	110
«МИНУВШЕЕ ПРОХОДИТ ПРЕДО МНОЮ...»	
Пушкиногорье и Пушкинский Заповедник в воспоминаниях М.А. Шпиневой	128
«ДРУГ ДРУГУ ЧУЖДЫ ПО СУДЬБЕ, ОНИ РОДНЯ ПО ВДОХНОВЕНЬЮ»	152
ДЕРЕВНЯ БУГРОВО, СЕЛЬЦО МИХАЙЛОВСКОЕ И ИХ ОБИТАТЕЛИ	
Сведения о полуторавековой взаимосвязи сельца Михайловского и деревни Бугрово, почерпнутые из воспоминаний жителей деревни Бугрово и из ранее опубликованных письменных источников	165

ИСТОРИЯ ЗЕМЕЛЬ, ОТВЕДЕННЫХ В МИХАЙЛОВСКОМ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ ПОД НАРОДНЫЕ ГУЛЯНЬЯ, КАК ФРАГМЕНТ ИСТОРИИ ПУШКИНОГОРЬЯ	196
Об авторе	217

Научно-популярное издание

Е.В. Хмелева

**ВОСПОМИНАНИЯ ПУШКИНОГОРЦЕВ.
ВОЙНА И МИР**

80-летию Победы в Великой Отечественной войне
посвящается

Руководитель издательских проектов
Пушкинского Заповедника
Н.Б. Василевич

Редактор О.И. Бахтина
Обложка, обработка фото Е.А. Мужаревская
Компьютерная верстка С.В. Лазаренкова

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)

181370, Россия, Псковская область, пос. Пушкинские Горы,
бульвар имени С.С. Гейченко, 1

12+

Подписано в печать 21.07.2025. Формат 60 × 88 1/16.

Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Объем 13,75 печ. л.

Заказ № 1312. Тираж 150 экз.

Отпечатано в ООО Фирма «Псковское возрождение».

ИНН 6027024264. 180000, Псков, ул. Гоголя, д. 6.